ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНОГО ЧЕЛОВѢКА.

Предисловіе.

ЕДОРЪ Дмитріевичъ Бобковъ, бывшій крѣпостной дворовый человѣкъ штабсъ-капитана П. Н. Глушкова, родился въ деревнѣ Крапивново, Юрьевецкаго уѣзда Костромской губерніи, въ 1831 или въ 1832 году, и умеръ въ Москвѣ въ 1898 году.

Пятнадцати лѣтъ онъ былъ вытребованъ изъ деревни, для услугъ въ качествѣ мальчика, въ Москву, гдѣ постоянно проживали его господа, Глушковы. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ сдѣланъ лакеемъ и оставленъ у Глушковыхъ въ услуженіи по найму и послѣ 19 февраля 1861 до 1865 года, когда получилъ должность помощника начальника станціи на желѣзной дорогѣ. Впослѣдствіи онъ занялся постройками и подрядами и умеръ довольно состоятельнымъ человѣкомъ въ званіи купца 1-й гильдіи.

Читать и писать онъ выучился самоучкой при помощи малограмотнаго брата еще въ деревнѣ, когда ему было лѣтъ 14. Имѣя страстное желаніе учиться, онъ не смѣлъ заикнуться объ ученіи. Ему оставалось только читать. И онъ читалъ все, что только попадалось ему подъ руку. Пользуясь господской библіотекой и доставая книги у разныхъ лицъ, онъ на ряду съ романами читалъ и Гумбольдта, и Бокля, и популярную медицину, и механику. Принимаясь за чтеніе книги, онъ всегда добросовѣстно дочитывалъ ее

до конца, хотя бы и не понималъ ея. Одновременно со страстью къ чтенію у него появилась потребность и къ писанію. Онъ завелъ дневникъ, ежедневно занося въ него все, на чемъ останавливалось его вниманіе, что производило на него впечатлѣніе.

Дневникъ этотъ онъ добросовѣстно велъ до конца своей жизни. Кромѣ того, онъ писалъ статьи, пьесы, драмы и стихи. Стиховъ писалъ онъ много и писалъ ихъ чуть ли не каждый день. Выдержка изъ его стиховъ поставлена въ видѣ эпиграфа въ книгѣ Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ». Послѣ смерти Бобкова остался цѣлый сундукъ его писаній. Въ моемъ распоряженіи былъ дневникъ до 1882 г. Мною сдѣланы лишь краткія извлеченія изъ этого громаднаго количества листовъ, написанныхъ хотя и понятнымъ языкомъ, но заключающихъ въ себѣ много лишняго балласта въ видѣ поэтическихъ описаній природы и личныхъ его любовныхъ похожденій.

Дневникъ интересенъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Онъ рисуетъ, во-первыхъ, бытовую сторону крестьянъ и помѣщиковъ того времени и описываетъ отношенія между господами и крестьянами. Во-вторыхъ, въ немъ мы знакомимся со взглядами простого человѣка на пережитыя имъ событія того времени. Конечно, самымъ интереснымъ въ этомъ отношеніи является годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Описывая событія 1861 года, онъ приводитъ слышанныя имъ слова и рѣчи Погодина и другихъ видныхъ дѣятелей того времени.

Бобковъ—замѣчу въ заключеніе—былъ настоящій русскій человѣкъ.

М. Чулицкій.

I.

Воспоминанія дѣтства.—Пріѣздъ господъ въ деревню.—Секта бѣгуновъ.—Домашняя жизнь.—Ожиданіе свѣтопреставленія.—Самообученіе грамотѣ.

Я очень смутно помню мое дѣтство, и первыя мои воспоминанія относятся къ 1843 году, когда мнѣ было 11 или 12 лѣтъ.

Доска, прибитая къ полосатому столбу, криво стоящему на краю родной моей деревни, гласила слѣдующее: «Деревня Крапивново штабсъ-капитана Н. П. Глушкова. Дворовъ 43, ревизскихъ душъ мужеска пола 93, женска 107».

Глушковъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Каждое лѣто ждали его пріѣзда въ вотчину, состоявшую изъ деревень Крапивново, Сосуново, Голубцово и другихъ, но онъ не пріѣзжалъ. Приготовляемые къ пріѣзду теленокъ, отпоенный молокомъ, и масло, собранное съ крестьянъ, оставались въ пользу жены бурмистра. Конечно, не имѣя усадьбы и господскаго дома, баринъ не стремился въ де-

ревню. Такимъ образомъ бурмистръ являлся самостоятельнымъ хозяиномъ имѣнія и ревизскихъ душъ. Какъ-то одинъ только разъ, лѣтомъ, пріѣзжали господа. Поселились они въ хорошемъ домѣ бурмистра Зиновія Васильевича. Баринъ былъ пожилой, а супруга его, Марья Александровна, была молодая. Съ ними былъ сынъ, Саша, лѣтъ четырехъ, и много прислуги. Помню, какъ баринъ бросалъ намъ, ребятишкамъ, изъ окна пряники, а барыня, сидя на подоконникѣ, курила трубку и смѣялась, глядя на игру сына, который сдѣлалъ изъ насъ лошадокъ и подгонялъ хлыстомъ.

До этого года участіе мое въ работахъ заключалось въ наматываніи нитокъ на маленькія шпулечки для тканья миткаля. Лѣтомъ на моей обязанности лежало нянчить брата и сестру, которые были моложе меня. Во время жатвы я оставался съ ними въ домѣ одинъ. Возился я съ ними не особенно много, — Петрушѣ давалъ кусокъ хлѣба, Катѣ соску и убѣгалъ играть съ мальчиками, забывая совершенно о своихъ питомцахъ. Изрѣдка сосѣдка наша, тетка Матрена, покричитъ на меня, что оставилъ дѣтей безъ присмотра, тогда я возвращался домой, пихалъ въ ротъ одному кусокъ хлѣба, другой соску, и опять убѣгалъ. Вплоть до зимы я бѣгалъ босикомъ, а зимой ходилъ въ лаптяхъ.

Въ Крапивновѣ, какъ и во всемъ Юрьевецкомъ уѣздѣ Костромской губерніи, было много старовѣровъ изъ секты бѣгуновъ. Жизнь молодыхъ сектантовъ ничѣмъ не отличалась отъ жизни остальныхъ крестьянъ. Они женились, имѣли дѣтей и, посѣщая старовѣрческую молельню, ходили въ то же время и въ церковь. Подъ старость же они переставали ходить въ церковь и начинали ѣсть отдѣльно отъ семьи въ особыхъ мискахъ своими ложками. Многіе оставляли свои семейства и скрывались неизвѣстно куда. Ходилъ слухъ, что они уходятъ въ Ветлужскіе лѣса молиться Богу и спасать свою душу. Говорили также, что многіе поселялись въ подпольяхъ у купцовъ старовѣровъ, которые кормили и скрывали ихъ.

Мой дѣдушка Осипъ подъ старость тоже скрылся въ старовѣрческій монастырь въ Уреньскихъ лѣсахъ. Матушка моя ѣздила къ нему. Она разсказывала, что тамъ много стариковъ, которые работаютъ, кто что можетъ: кто лапти, кто корзины, кто лопаты и т. д. Въ ихъ хаткахъ стоитъ тишина, которая нарушается только голосомъ какого-нибудь старца, читающаго всѣмъ вслухъ житія святыхъ. Матушка моя, хорошо знавшая грамоту, постоянно читала дома вслухъ или житія святыхъ, или Евангеліе. Особенно сильное впечатлѣніе производило на меня чтеніе Страстей Господнихъ. Я залѣзалъ на печь и горько плакалъ, уткнувшись во что-нибудь, чтобы скрыть свои слезы. Каждую субботу передъ иконами зажигались восковыя свѣчи и матушка читала вслухъ псалтырь, каѳизмы и молитвы. Отецъ, мои старшіе братья и невѣстки благо-

говѣйно молились. Послѣ молитвы садились ужинать, послѣ котораго мать читала четьи-минеи. Въ воскресенье не работали, и происходила только уборка скота и топка печей. Выходить на улицу гулять до обѣда не полагалось. Въ 6-мъ часу утра была общая молитва. Не успѣвала матушка взять лестовку, безъ которой она не молилась, какъ всѣ уже бывали въ сборѣ. Передъ обѣдомъ опять молитва и послѣ обѣда чтеніе, послушать которое приходили сосѣди, старики и старухи. Особенно много приходило ихъ во время Великаго поста. Тогда велись и разговоры на религіозныя темы. Обыкновенно ругали православныхъ священниковъ и называли ихъ чадами антихриста за то, что они пьютъ вино, нюхаютъ и курятъ. Раскольниковъ-стариковъ хвалили за воздержаніе и за то, что нѣкоторые отдавали свое тѣло на съѣденіе насѣкомымъ. Я заслушивался этими разговорами, которые мнѣ очень нравились.

Кромѣ матушки, грамоту зналъ мой старшій братъ, за обученіе котораго отецъ уплатилъ старику-раскольнику 12 рублей. Не видя никакой практической пользы изъ этого знанія, отецъ рѣшилъ больше никого изъ насъ не учить. Учиться я началъ благодаря простому случаю. Отецъ занимался иногда торговлей и поэтому посѣщалъ базары. Купитъ на одномъ коровъ штуки 4, а на другомъ продастъ ихъ съ барышомъ, или купитъ партію овчинъ штукъ въ 50, а затѣмъ распродастъ поштучно. Особенно большой базаръ бывалъ въ селѣ Пичугѣ, въ субботу передъ масленицей. Субботу эту называли широкою. На базарѣ въ этотъ день не столько торговали, какъ гуляли, такъ какъ всѣ женившіеся парни непремѣнно везли туда своихъ молодыхъ женъ на хорошихъ саняхъ, убирая лошадей. Сначала шло катанье по улицамъ, а затѣмъ молодые со всей родней отправлялись въ трактиръ угощаться чаемъ, ерофеичемъ и наливками. Наступленія этой субботы всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, такъ какъ каждый хотѣлъ ѣхать смотрѣть гуляньe молодыхъ. Отецъ мой, какъ торговецъ, не интересовался гуляньемъ и поэтому ѣхать не собирался, но тутъ произошелъ особенный случай.

Въ ночь на эту субботу вездѣ въ деревняхъ ждали свѣтопреставленья. Всѣ готовились, каждый по-своему, предстать предъ Всевышнимъ Судомъ со всѣми своими грѣхами. Одинъ изъ мужичковъ, Комокъ, веселаго нрава, любящій и выпить и пѣсню спѣть, хотѣлъ и собирался ѣхать на базаръ, но очень боялся свѣтопреставленія. Тѣмъ не менѣе онъ на ночь задалъ овса лошади, разсуждая, что если Господь и покончитъ существованіе земли съ грѣшными людьми, то во всякомъ случаѣ отпущенная мѣрка овса будетъ причислена къ добродѣтели, такъ какъ повелѣно и скота миловать. Съ тяжелою душою онъ поужиналъ и, несмотря на сопротивленіе жены, допилъ водку, говоря, что беречь незачѣмъ и что вино святые отцы пили. Тотчасъ же онъ крѣпко уснулъ. Подъ утро

ему стали мерещиться разные ужасы, и онъ проснулся. Небо передъ восходомъ солнца горѣло краснымъ огнемъ. Онъ принялъ это за пожаръ вселенной, въ ужасѣ вскочилъ и закричалъ: «Ѳедосья! прости меня! Я дѣйствительно любился съ Анюткой!» Онъ бросился на колѣни передъ иконами и велѣлъ женѣ будить дѣтей.— «Развѣ не видишь? Небо горитъ!» — «Что ты, съ ума сошелъ, что ли?—отвѣчаетъ Ѳедосья.—Это солнце восходитъ».—«Слаба Богу! Это только сонъ былъ!—закричалъ онъ.—Скорѣй одѣваться! Ѣдемъ на базаръ!» И онъ бросился запрягать лошадей. Жена, узнавъ объ измѣнѣ мужа, надулась и отказалась съ нимъ ѣхать. Поэтому Комокъ поѣхалъ одинъ. Торопясь, онъ забылъ дома кнутъ. Проѣзжая мимо нашего дома, онъ остановился, чтобы взять изъ хвороста прутъ. Отецъ спросилъ его, куда онъ ѣдетъ, и, узнавъ, что на базаръ, попросилъ взять его со собой. Комокъ съ удовольствіемъ согласился, и они уѣхали. На базарѣ отцу купить ничего не пришлось. Разсматривая лубочныя картины и книжки съ картинками, онъ повѣрилъ увѣреніямъ продавца, что книги очень интересны, и купилъ «Еруслана Лазаревича» и «Бову Королевича». Отецъ любилъ слушать чтеніе сказокъ. По воскресеньямъ послѣ обѣда старшій братъ мой сталъ читать вслухъ купленныя сказки. Слушать ихъ приходили и сосѣди. Нѣкоторыя мѣста мнѣ очень нравились: «На восходѣ зари утренней вставалъ Ерусланъ Лазаревичъ, садился на коня скорохода, надѣвалъ ружье самопальное, ѣхалъ горами, долами и тихими заводями и билъ утокъ, гусей и бѣлыхъ лебедей». Вотъ и сосѣдъ нашъ, дядя Егоръ, тоже бьетъ тетеревей, думалось мнѣ, и страстно хотѣлось охотиться.

Послѣ перваго же чтенія брата я сталъ приставать къ нему за разъясненіемъ о способѣ обученія грамотѣ. Братъ объяснилъ, что прежде всего надо выучить азбуку. Я сталъ просить его выучить меня и онъ по оставшимся отрывкамъ азбуки объяснилъ мнѣ названіе буквъ. Съ этого времени я все свободное время посвящалъ зубренію. Къ концу Великаго поста я уже читалъ, а на Святой могъ бѣгло прочитать псалтирь. Я былъ счастливъ. Кромѣ «Еруслана Лазаревича» и «Бовы Королевича», прочиталъ съ замираніемъ сердца и сказку съ удалыми пѣснями о Стенькѣ Разинѣ. Потомъ по моей просьбѣ братъ написалъ скорописно азбуку. Потихоньку на всякомъ попадавшемся мнѣ подъ руку клочкѣ бумажки я писалъ. Поздно вечеромъ, когда отецъ засыпалъ, я зажигалъ лучину и писалъ. При малѣйшемъ шорохѣ я гасилъ лучину. Въ теченіе цѣлой зимы я учился читать и писать. Однажды пришелъ сосѣдъ и попросилъ написать записку въ контору Коновалова выслать ему утку для миткаля, который онъ ткалъ для конторы. Я написалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта. Боялся, что не разберутъ моего писанія. Когда я узналъ, что записка про-

читана и утка прислана, я былъ очень счастливъ и сталъ считать себя великимъ грамотеемъ.

II.

Переписка книгъ св. писанія у бурмистра. — Описаніе деревенской жизни и заведенныхъ порядковъ.—Измѣненіе денежной системы.—Спички.—Картофель.—Чай.—Покушеніе на побѣгъ къ старовѣрамъ.

Въ слѣдующемъ, 1844 году я уже бойко читалъ псалтирь и четьи-минеи и зналъ цыфирь. Меня приглашали читать не только сосѣди, но и въ другія деревни. Слушали меня благоговѣйно и принимали, какъ гостя. Угощали отборными кушаньями, горохомъ и пшенной кашей и клали на мягкую постель съ подушкою.

Однажды позвалъ меня къ себѣ бурмистръ, Зиновій Васильевъ, строгій вожакъ старовѣровъ секты бѣгуновъ, и приказалъ показать ему образецъ моего письма. Я написалъ. «Такого письма мнѣ не нужно. Ты учись писать полууставомъ. Дамъ работу. Необходимо списать книги св. писанія, которыхъ печатать не позволяютъ, а угощаютъ новыми, исковерканными на изнанку книгами, антихристовщиной», сказалъ онъ.—«Я пишу и полууставомъ», отвѣтилъ я и написалъ образецъ. Онъ посмотрѣлъ и, повидимому, одобрилъ, потому что сейчасъ же заявилъ: «Скажи твоему отцу, что я велѣлъ тебѣ притти ко мнѣ писать. Я заплачу». Отецъ отпустилъ меня безъ всякихъ отговорокъ. Онъ и не смѣлъ отказать: Зиновій Васильевъ была сила. Онъ могъ все сдѣлать: и въ солдаты отдать, и въ Сибирь сослать. Одѣли меня въ чистое платье, приказали держать себя у чужихъ людей умненько и отправили. Недѣли двѣ я писалъ о скрытыхъ скитахъ и о черниговскихъ князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Я былъ очень доволенъ работой и старался писать какъ можно лучше. Въ домѣ царила чистота и тишина. Прожить двѣ недѣли въ уединеніи все-таки было скучно, если бы не было 17-ти лѣтней красивой дочери Зиновія Васильевича, которая часто со мною разговаривала. Я любовался ея бѣлымъ лицомъ, русою длинною косою и бѣлою сорочкою съ вышитыми рукавами. По окончаніи работы Зиновій Васильевичъ, посмотрѣвъ написанное мною, сказалъ, что надо писать лучше, и далъ полтину. Я съ удовольствіемъ убѣжалъ домой, радуясь и заработку и тому, что вырвался на свѣтъ Божій.

Зиновій Васильевичъ велъ трезвый, скромный образъ жизни и былъ богомоленъ. Въ теченіе цѣлаго поста не ѣлъ горячаго, питался лишь хлѣбомъ съ водой и на Страстной недѣлѣ ѣлъ одинъ только разъ, въ четвергъ. Въ молитвѣ онъ проводилъ цѣлыя ночи. За время его начальства надъ вотчиной Глушковыхъ благосостояніе крестьянъ и нравственная сторона ихъ процвѣтали. Преслѣдуя пьянство, Зиновій Васильевичъ пьяныхъ сѣкъ розгами. Сидя

въ сараѣ, онъ незамѣтно наблюдалъ за возвращавшимися съ базара мужиками и на слѣдующій день, собравъ сходъ, учинялъ экзекуцію тѣмъ, которые возвращались пьяными. Слѣдя за тѣмъ, чтобы хлѣбъ безъ надобности не продавался, онъ отбиралъ излишекъ, запиралъ въ общественный магазинъ и выдавалъ по мѣрѣ надобности на ѣду или для продажи на необходимыя нужды. Одинъ мужикъ по его приказу находился подъ присмотромъ другого, болѣе трезваго, а этотъ подъ присмотромъ третьяго, и такъ далѣе. Амбаръ запирался двумя ключами, изъ которыхъ одинъ былъ у хозяина, а другой у сосѣда и такимъ образомъ войти въ амбаръ одинъ безъ другого не могли. Крестьяне невольно пріучились къ воздержанію, къ благоразумной экономіи и неисправныхъ плательщиковъ не было. Каждый, кромѣ хлѣба, который родился хорошо, имѣлъ лошадей, коровъ и овецъ. Соблюдалась большая осторожность съ огнемъ. Безъ фонаря со свѣчой выйти во дворъ никто не смѣлъ. Какъ только сходилъ съ крышъ снѣгъ, начиная съ Святой недѣли, сидѣть по вечерамъ съ огнемъ и въ особенности съ лучиной воспрещалось. Лѣтомъ печи топились рѣдко и только по утрамъ, когда хозяева еще были дома. Печи осматривались еженедѣльно. По его настоянію вмѣсто прежнихъ курныхъ печей дѣлались новыя съ дымовыми трубами. Для водопоя скота на поляхъ копались колодцы, пруды, на ручьяхъ дѣлались ставы. Дороги содержались въ исправности. Какъ только Зиновій Васильевичъ замѣчалъ, что нѣтъ спѣшной работы, такъ сейчасъ же посылалъ десятскаго по домамъ звать на сходъ, и на слѣдующій день крестьяне и старъ и младъ выходили уже на общественную работу.

Сынъ бурмистра, Иванъ, положилъ себѣ работу во спасеніе. Не переставая и не разгибая спины, онъ исполнялъ и мірскую работу, не поднимая головы и не говоря ни съ кѣмъ ни слова.

Знакомство съ домомъ бурмистра имѣло на меня большое вліяніе, и я сталъ подражать имъ, чѣмъ могъ. Лѣтомъ вставалъ въ 3 часа, умывался утреннею росою и шелъ на чердакъ, гдѣ долго молился на востокъ. Изъ окна виднѣлись зеленыя озимовыя поля, слышалось пѣніе жаворонковъ, скворцовъ, чириканье воробьевъ. Мнѣ дышалось легко, весело, духъ мой уносился въ синюю даль, въ безконечное пространство...

Убѣдившись, что я хорошо читаю и пишу, отецъ на мое ученье и чтеніе смотрѣлъ уже сквозь пальцы и не бранилъ меня больше за то, что поздно сижу съ огнемъ. Онъ былъ доволенъ, что я отдалъ ему сполна полтину, заработанную мною у Зиновія Васильева.

Въ этомъ году (1844) съ 1 іюля были переименованы деньги и за 3 р. 50 к. ассигнаціями стали давать 1 руб. серебромъ. Братъ мой нанялся въ работники на 6 недѣль за 28 руб. въ село Ива-

ново. Когда по окончаніи срока работы братъ принесъ 8 рублей, отецъ сталъ упрекать его, что онъ проработалъ лѣто за 8 р. «Мнѣ что за дѣло, что тамъ печатаютъ,—говорилъ онъ.—Ты порядился за 28 р., ну и давай ихъ». Понялъ перемѣну денегъ онъ только тогда, когда за купленную имъ лошадь, стоящую 60 р. ассигнаціями, уплатилъ 15 р. серебромъ.

Въ это же лѣто извозчикъ Кондаковъ, возившій товаръ въ Москву, привезъ въ первый разъ въ нашу деревню фосфорныя спички. Одну коробку онъ подарилъ бурмистру, другую попу. Продавалъ онъ коробку за 10 к., а на копейку давалъ 3 спички. Всѣ крестьяне съ любопытствомъ осматривали, щупали, нюхали и, когда спичка отъ тренія зажигалась, всѣ отскакивали. Мнѣ очень хотѣлось купить спичекъ, но у меня не было ни копейки. Какъ хорошо было бы, мечталъ я, пойти въ лѣсъ, развести огонь и печь картофель. Кстати картофель былъ теперь уже въ общемъ употребленіи. Между тѣмъ еще незадолго до этого раскольники возставали противъ него, называя его діавольскимъ зеліемъ. Говорили, что въ казенныхъ погребахъ, гдѣ былъ сложенъ картофель, происходятъ таинственный шумъ, топотъ и пѣніе. Въ Никитинской волости, несмотря на приказаніе начальства, крестьяне не шли сажать картофель. Въ виду ихъ упорства и неповиновенія было призвано войско, и тогда крестьяне, боясь, что въ нихъ будутъ стрѣлять, вышли въ поле и сажали картофель со слезами. Къ чаю такъ же относились, какъ къ заморскому зелью, и его не пили ни старовѣры, ни міряне. Пили только господа, священники и купцы, да въ послѣднее время стали подавать въ трактирахъ. Самоваровъ въ деревняхъ ни у кого не было. Въ большомъ употребленіи былъ сбитень. Проѣзжій торговецъ показывалъ, невиданные у насъ, карманные часы.

Подъ вліяніемъ ежедневнаго чтенія матушкою житія святыхъ отцовъ религіозное чувство у меня росло съ каждымъ днемъ. Я ежедневно все больше и больше сталъ молиться въ уединеніи и наконецъ задумалъ бѣжать къ иновѣрамъ въ лѣсные монастыри. Однажды я одѣлъ кафтанъ, взялъ лапти и палку и пошелъ. «Не бери съ собой ни хлѣба, ни сумы», помнилъ я святыя слова. «Однако что же я буду ѣсть,—думалось мнѣ:—коренья, ягоды, грибы?».—«Господь питаетъ», слышалось въ отвѣтъ. Я отошелъ отъ деревни версты двѣ. Вижу, на чьей-то полосѣ горохъ. «Запастись развѣ горошкомъ, думаю. Но вѣдь это чужое. Воровать грѣшно. Впрочемъ, говорятъ, что все, что растетъ,—это Божье». Я нарвалъ гороху и наѣлся. Тогда на меня напало раздумье. Солнце клонилось уже къ западу. Я зналъ, что скоро меня хватятся, станутъ искать, найдутъ и выпорютъ. Я возвратился домой...

III.

Въ роли учителя.—Учрежденіе общества малолѣтнихъ.—Самодѣльный пистолетъ.—Полевыя работы.—Понятой.—Становой.—Вѣдьма.—Колдунъ.

У насъ часто бывалъ ѣздившій съ базара на базаръ торговецъ дегтемъ и лаптями. Однажды съ нимъ пріѣхалъ его внукъ, 8 лѣтъ. Утромъ стали на молитву. Сначала дѣдъ сдѣлалъ замѣчаніе внуку, что тотъ сталъ молиться непричесанный, а затѣмъ, указывая на меня, бойко читающаго вслухъ молитву, сказалъ, что ему необходимо учиться. Послѣ молитвы торговецъ сталъ просить отца отпустить меня къ нему учить грамотѣ и младшихъ его дѣтей и старшаго, котораго онъ съ цѣлью избавленія отъ воинской повинности сдалъ въ объѣздчики и которому необходимо знать грамоту. Отецъ посмотрѣлъ на меня нерѣшительно. Я же отвѣтилъ, что возьмусь за ученіе съ удовольствіемъ. Дядя Моисей сказалъ, что онъ мнѣ заплатитъ за ученіе и что охотниковъ учиться найдется много.

Въ началѣ поста (въ 1845 году) я и уѣхалъ къ дядѣ Моисею въ Чернякино, глухую лѣсную деревню, гдѣ у крестьянъ и выговоръ былъ другой и одежда была иная. Наша деревня была болѣе цивилизованной, такъ какъ мы жили ближе къ фабрикѣ. Учить мнѣ пришлось трехъ парней: 22, 12 и 9 лѣтъ. Плату за ученіе я получилъ въ размѣрѣ 3 руб., которые и отдалъ отцу.

Когда я возвратился домой, мои ровесники, деревенскіе парни, стали разспрашивать о жизни въ чужой деревнѣ. Расхваливая царившую тамъ тишину, я задумалъ образовать особую малолѣтнюю общину. Товарищи согласились и выбрали старостой сына богатыхъ родителей, а меня назначили земскимъ, т. е. мірскимъ писаремъ. Сейчасъ же мною изданы были правила. Запрещалось произносить скверныя бранныя слова, принимать участіе въ играхъ съ большими и по праздникамъ играть до обѣда и требовалось безусловное повиновеніе старостѣ, передъ которымъ должно снимать шапку, и по первому зову выходить на общую работу или общую игру. Виновные въ ослушаніи по приговору схода подвергались или сѣченію розгами, или штрафу въ одну или двѣ копейки. На штрафныя деньги предполагалась покупка пороха для стрѣльбы изъ пистолета или ружья.

Нашъ кружокъ дѣйствовалъ дружно. По случаю наступленія весны мы разбрасывали груды снѣга, рыли канавы и т. п. За произнесеніе бранныхъ словъ были наказаны розгами два парня. Штрафныхъ денегъ не было и поэтому рѣшили устроить обязательный налогъ въ 3 копейки на каждаго. Одинъ мальчикъ не внесъ, и его высѣкли. Такъ какъ сѣкли не за проступокъ, а за то, что не далъ денегъ, высѣкли до крови. Высѣченный пожаловался ро-

дителямъ, и наше общество было уничтожено. Ружья мы не успѣли пріобрѣсти, а порохъ былъ уже купленъ. Оставалось только его разстрѣлять. Тогда смастерили пистолетъ изъ кости, придѣлавъ къ нему ложе изъ дерева. Насыпали въ него пороху и подожгли черезъ дырочку сбоку. Произошелъ выстрѣлъ, но не громкій. Тогда я взялъ пистолетъ, положилъ побольше пороху и туго набилъ его. Не успѣлъ я поджечь порохъ, какъ произошелъ оглушительный выстрѣлъ. Зарядъ вылетѣлъ не впередъ, а назадъ, разорвавъ кость и опаливъ мнѣ порохомъ все лицо. Осколками кости мнѣ ранило лицо въ пяти мѣстахъ. Обожженный, весь въ крови, я сначала замылъ кровь, а затѣмъ спрятался въ сарай, откуда вышелъ только вечеромъ. На другой день я родителямъ совралъ, что упалъ съ дерева. Долго я ходилъ съ черными пятнами на лицѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя остались навсегда.

Въ эту весну я сталъ ходить на общественныя работы: чистку прудовъ, починку дорогъ и на покосъ. Косьба сѣна, какая это чудная работа. Всѣ работу эту любили, и во время покоса и мужчины и женщины наряжались въ лучшія одежды, какъ въ праздники. При восходѣ солнца, въ 4 часа утра, когда трава бѣлѣетъ, какъ снѣгъ, 50 человѣкъ крестьянъ стройно, какъ по командѣ, взмахивая острыми косами, двигаются впередъ, оставляя за собою, точно гигантскую змѣю, длинную полосу сѣна. Въ 7 часовъ утра женщины и дѣти приносятъ завтракъ, и всѣ сбиваются въ одну кучу. Завтракъ вкусный. Ѣдятъ блины со сметаной, молоко съ налесничками или пирожками и яйца. Послѣ завтрака лугъ докашивается, сѣно ворочается, и всѣ затѣмъ возвращаются домой съ пѣснями. Часа въ 4 ходилъ по деревнѣ десятникъ и приказывалъ запрягать лошадей ѣхать за сѣномъ. Такъ какъ у насъ владѣніе было черезполосное, сѣно, во избѣжаніе споровъ и затаптыванія нескошеннаго, тотчасъ же убиралось. Къ 5 часамъ, когда сѣно достаточно уже провѣтривалось, складывалось на возы и увозилось. Я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю эту работу. Сколько было веселья, пѣсенъ, шутокъ! Сколько любви проглядывало въ движеніяхъ, въ словахъ, въ нѣмыхъ взглядахъ и улыбкахъ молодыхъ дѣвушекъ и парней... Послѣ 20 іюня жали рожь. Насколько я полюбилъ косьбу, настолько жатва мнѣ не понравилась. Косилъ я хорошо, а жать попробовалъ было и сразу же порѣзалъ руку. Роль моя въ этой работѣ ограничилась вязаньемъ сноповъ и ихъ установкой.

Въ это время въ гор. Лухѣ была ярмарка и отца потребовали туда въ качествѣ понятого. Вмѣсто себя онъ послалъ меня. Въ первый же день меня съ другимъ крестьяниномъ поставили на дежурство при арестантской избѣ. Въ теченіе дня загнали туда много пьяныхъ и буяновъ. Ночью одинъ изъ нихъ убѣжалъ, выскочивъ въ окно. Намъ, дежурнымъ, объявили, что пріѣдетъ скоро

становой Цвиленевъ и выпоретъ насъ. Я очень испугался и вспомнилъ, какую штуку онъ сыгралъ съ Зиновіемъ Васильевымъ 25 марта. Въ этотъ день, по случаю праздника Благовѣщенія, вечеромъ собралось къ Зиновію Васильеву человѣкъ 40 старовѣровъ на молитву. Вдругъ прискакалъ неожиданно становой съ понятыми и окружилъ домъ Зиновія Васильева. Несмотря на то, что всѣ запрятались по разнымъ угламъ на чердакѣ и дворѣ, становой всѣхъ нашелъ, переписалъ, забралъ книги и хотѣлъ взять иконы. Тогда Зиновій Васильевъ далъ становому 200 р. и писарю 25 р. Становой возвратилъ книги, составлять протокола не сталъ и уѣхалъ. Я боялся, что меня высѣкутъ и сошлютъ въ Сибирь. Однако, слава Богу, дѣло окончилось благополучно. Становой пріѣхалъ съ красавицей, которая пѣла и играла на гитарѣ, былъ поэтому въ хорошемъ расположеніи духа и велѣлъ только перемѣнить дежурныхъ понятыхъ.

Съ какою радостью я побѣжалъ домой, несмотря на то, что былъ уже вечеръ. Когда стало уже темнѣть, я подошелъ къ лѣсу, вблизи котораго стояла деревня Омелиха. Невольно я вспомнилъ, что годъ тому назадъ въ этомъ лѣсу была найдена повѣсившейся красавица солдатка Фекла и тамъ же похоронена. Сама ли она повѣсилась, или ее кто-нибудь изъ ея многочисленныхъ любовниковъ повѣсилъ, выяснено не было. Разсказывали, что по ночамъ она выходила изъ могилы и гонялась за прохожими. Съ цѣлью прекращенія ея похожденій крестьянами былъ забитъ въ ея могилу осиновый колъ. Я со страхомъ вошелъ въ лѣсъ и, творя молитву, не оглядываясь, шелъ впередъ. Меня колотило, какъ въ лихорадкѣ. Вздохнулъ я только свободно, когда вышелъ изъ лѣсу и сталъ подходить къ дер. Омелихѣ. Проходя мимо бани, я вспомнилъ, что по слухамъ и въ баняхъ водится нечистая сила. Я поднялъ камень и швырнулъ въ окно, но и изъ этого ничего не произошло. Домой я вернулся въ 3 часа ночи.

Разсказы о разныхъ происшествіяхъ обыкновенно получались отъ нашего сосѣда Тимофея, торговца кадками и ведрами, всегда возвращавшагося домой въ пятницу. Этого дня всѣ однодеревенцы ждали съ нетерпѣніемъ. Не успѣвалъ онъ въѣхать въ деревню, какъ его уже окружала толпа, требовавшая немедленнаго сообщенія новостей. Кто-нибудь распрягалъ лошадь, а онъ разсказывалъ обо всемъ, что видѣлъ и что слышалъ. Рѣчь шла о новыхъ указахъ, прочитанныхъ въ Юрьевцѣ, о войнѣ, о рекрутскомъ наборѣ, о кражахъ и о разныхъ случаяхъ. До поздней ночи мужики толпились около избы Тимофея, слушая его разсказы.

Дядю Тимофея я считалъ очень умнымъ. Человѣкомъ не только умнымъ, но и прозорливымъ считалъ Зиновія Васильевича. Третьимъ замѣчательнымъ человѣкомъ былъ Корнилій Ивановъ, колдунъ и лекарь. О немъ разсказывали, что онъ знается съ нечи-

стой силой, портитъ людей, можетъ напустить болѣзнь и исцѣлить, приворожить человѣка одного къ другому и наоборотъ. Онъ собиралъ постоянно разные травы и коренья. Ходили слухи, что у него есть и разрывъ-трава. Дядя Корнилій клалъ на пустую телѣгу стручекъ съ 9 горошинками—и пара лошадей не могла сдвинуть возъ съ мѣста. Переходилъ дорогу съ заговоренною въ рукахъ травою—ни одна лошадь не хотѣла переѣхать этого мѣста. Поэтому дядя Корнилій былъ необходимымъ человѣкомъ на всякой свадьбѣ, на которой онъ бывалъ полновластнымъ распорядителемъ. По его указанію не только дѣлались разныя церемоніи, но даже составлялась смѣта угощенія. Однажды былъ я у дяди Корнилія въ то время, когда къ нему пріѣзжалъ купецъ Морокинъ за лекарствомъ отъ запоя.

— Ты мнѣ составь, пожалуйста, покрѣпче,—говоритъ купецъ.—У меня дѣла, а между тѣмъ, какъ начну пить, недѣли три нахожусь въ безуміи. Вотъ тебѣ 10 рублей. Не жалѣй добра. Составь крѣпче!.

— На нашъ вѣкъ дураковъ хватитъ!—сказалъ Корнилій послѣ отъѣзда гостя.—Я ему купилъ на 10 коп. солодковаго корня, ревеню и сварилъ съ полынью. Это пойло облегчило его желудокъ и онъ пересталъ пить. Теперь еще проситъ.

«Такъ вотъ почему,—думалъ я,—онъ ходитъ въ красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ! Хорошо быть знающимъ человѣкомъ! Буду учиться всему. Хочу все знать»!

IV.

Деревенскій разсказчикъ.—Мое первое письменное произведеніе.—Дневникъ—Затменіе солнца.—Землемѣръ П. А. Зарубинъ.—Собираніе травъ.—Рекруть.—Писаніе писемъ.—Требованіе въ Москву.—Прощаніе.—Поѣздка.

На святкахъ въ 1846 году пріѣзжалъ къ сосѣду Егору дворовый человѣкъ Телепнева. Это былъ веселый молодой человѣкъ. Онъ игралъ на гармоніи, пѣлъ разныя пѣсни и разсказывалъ разныя исторіи. Одинъ разъ давалъ представленіе «Судъ царя Соломона». Нарядился онъ въ какой-то пестрый халатъ и на головѣ у него былъ высокій колпакъ. Ему помогалъ нашъ однодеревенецъ, Петръ Китаевъ, который говорилъ много смѣшныхъ прибаутокъ. Слушатели говорили, что Китаевъ мастеръ самъ прибаутки сочинять. Меня это очень удивило, такъ какъ я слышалъ отъ одного фабричнаго, что все, что пишется, и всѣ сказки даже, сочиняютъ сенаторы въ Петербургѣ и Москвѣ, тамъ печатаютъ и разсылаютъ по всей имперіи.

Я долго думалъ по этому поводу и рѣшилъ наконецъ сочинить что-нибудь. Написалъ я слѣдующее: «Въ Ветлужскомъ уѣздѣ одинъ мужикъ замѣтилъ, что къ нему на пасѣку за медомъ хо-

дитъ медвѣдь. Онъ его подкараулилъ и выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Медвѣдь побѣжалъ. Мужикъ за нимъ и схватилъ его за хвостъ. Хвостъ оторвался. Онъ за заднюю часть. Она оторвалась. Онъ за спину. Спина отвалилась. Какъ хватилъ его за уши, такъ оба и упали. Объ этомъ случаѣ сотникъ донесъ становому, тотъ капитану исправнику, этотъ губернатору, а послѣдній сенату, который велѣлъ напечатать и объявить по всей имперіи». Я прочиталъ это нѣсколькимъ крестьянамъ, и всѣ сразу повѣрили въ истинность происшествія. Мнѣ было совѣстно.

Между тѣмъ дядя Кириллъ привезъ мнѣ въ подарокъ академическій календарь 1824 года. Онъ купилъ его, думая, что въ немъ напечатаны хорошія сказки, такъ какъ календарь былъ въ переплетѣ. Я былъ очень доволенъ этою книгою, такъ какъ узналъ названія всѣхъ губерній. Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ подробное описаніе Костромской губерніи. На пустыхъ страницахъ календаря кѣмъ-то сдѣланы были разныя отмѣтки и записаны разныя событія. Я тотчасъ же сшилъ себѣ тетрадку, завелъ дневникъ и сталъ дѣлать въ немъ каждый день отмѣтки. Записано мною было, какъ однажды Катя, моя родственница, сосѣдка, встрѣтившись со мною, сказала, что я, вѣроятно, научился отъ Корнилія колдовству и приворожилъ ее, потому что она цѣлый день думаетъ о мнѣ. Другая отмѣтка была о затменіи солнца. Когда свѣтъ солнца началъ меркнуть, всѣ убѣжали въ свои дома. У насъ зажгли передъ иконами восковыя свѣчи и стали молиться. Всѣ очень были встревожены. Когда стало опять свѣтлѣть, мнѣ разрѣшили выйти на улицу. Около избы дяди Егора была большая толпа, среди которой стоялъ пріѣхавшій изъ Москвы Иванъ Куколкинъ и смотрѣлъ на солнце въ закопченное стекло. Брали у него посмотрѣть и другіе охотно, но когда онъ сталъ говорить, что еще мѣсяцъ тому назадъ въ Москвѣ былъ извѣстенъ день и часъ затменія солнца, на него набросились всѣ и стали кричать, что онъ безбожникъ, такъ какъ воли Божіей никому не дано знать. Онъ замолчалъ и не возражалъ.

Осенью началось межеваніе земель. Меня послали быть понятымъ. Днемъ я носилъ цѣпь, а вечеромъ расписывался за всѣхъ остальныхъ понятыхъ. Бурмистръ говорилъ, что землемѣръ, Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ, сынъ пучежскаго мѣщанина [1]), научился межевать и сталъ бариномъ. Землемѣра я считалъ человѣкомъ сверхъестественнымъ, умѣющимъ читать чужія мысли. Вывелъ это заключеніе я изъ нѣсколькихъ случаевъ. Одинъ разъ не успѣлъ одинъ изъ мужиковъ сказать потихоньку, что ему и ѣсть и спать хочется, какъ землемѣръ посмотрѣлъ на него и за-

[1]) Извѣстный впослѣдствіи изобрѣтатель, писатель, редакторъ «Петербургскаго Листка».

кричалъ: «Эй! что ты осовѣлъ! Ѣсть или спать хочешь». Вслѣдъ за тѣмъ онъ посмотрѣлъ въ астролябію, велѣлъ поставить колышки и мѣрить цѣпью. Вдругъ онъ крикнулъ: «Стой! копай здѣсь. Въ этомъ мѣстѣ должна быть межевая яма и знаки, 3 камня и угли». Стали копать и дѣйствительно нашли и камни и угли. Увидѣвъ, какъ я пишу, онъ велѣлъ мнѣ приходить къ нему по воскресеньямъ писать повѣстки сотскимъ и бурмистрамъ о явкѣ къ межеванію и о представленіи документовъ. Павелъ Алексѣевичъ научилъ меня многому. Я узналъ не только четыре правила ариометики, но и получилъ понятіе объ астролябіи и магнитной стрѣлкѣ. Познакомился также и съ грамматикой. Уходя отъ Павла Алексѣевича съ гостинцами и двугривеннымъ въ карманѣ, я всегда удивлялся его познаніямъ и уму. Не нравилось мнѣ только, что онъ въ постные дни ѣлъ молоко, ѣлъ зайцевъ и насмѣхался надъ старовѣрами, даже надъ Зиновіемъ Васильевымъ, скрывшимся въ лѣса.

— Удралъ спасаться, напившись мірской кровью,—говорилъ о немъ Павелъ Алексѣевичъ.—Когда служилъ барину, тогда дралъ всякіе поборы, и грибами, и холстиною, и масломъ. Даже выкупъ положилъ за дѣвокъ, которыя не желали выходить замужъ и итти въ другую вотчину.

Между тѣмъ послѣдній выкупъ устроилъ уже новый бурмистръ Малкинъ. Когда уѣзжалъ Зиновій Васильевъ, прощаніе его было торжественное. Оставивъ свой богатый домъ и свою власть, онъ съ сыномъ Парфеномъ доѣхалъ до Волги, слѣзъ съ телѣги, погладилъ своего пѣгаго и сказалъ сыну: «Прощай, Парфенъ! Береги пѣгаго. Онъ былъ мнѣ вѣрнымъ слугою. Живи благочестиво, трудись до изнеможенія, какъ твой братъ Иванъ, и тогда дурныя мысли смущать тебя не будутъ. Не забывай бѣдныхъ. Ты теперь остаешься въ мірѣ одинъ, и мы будемъ молиться за тебя»! Сказавъ это, онъ сѣлъ въ лодку и заплакалъ.

Мой другъ и товарищъ Миша досталъ гдѣ-то книгу «Травникъ, т. е. описаніе цѣлебныхъ травъ съ указаніемъ, гдѣ оныя растутъ и отъ какой болѣзни полезны бываютъ». По описаніямъ мы собирали травы, сушили, разсказывали объ ихъ цѣлебныхъ свойствахъ и лечили. Хотя никому ни разу мы не помогли, но насъ стали считать колдунами.

Осенью новый бурмистръ неправильно сдалъ въ солдаты мужика, лѣтъ 35-ти, кривого, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ плохой плательщикъ. Въ дѣйствительности же бурмистру нравилась его жена. Сдалъ также въ рекруты и парня Никифора, котораго мы очень жалѣли. Это былъ скромный парень, преданный расколу. Онъ постоянно читалъ священное писаніе и любилъ уединеніе. Съ этою цѣлью онъ съ наступленіемъ весны нанимался пасти стада. Сидитъ онъ бывало подъ тѣнью кустика, пле-

тетъ лапти или дѣлаетъ коробочку изъ бересты и тихо напѣваетъ или духовную, или заунывную пѣсенку. Иногда играетъ на свирѣли. Онъ удивительно зналъ природу и былъ близокъ къ ней. Онъ зналъ каждый цвѣточекъ, каждую травку, гдѣ какая растетъ, чѣмъ пахнетъ. Зналъ, гдѣ какія ягоды растутъ, гдѣ грибы. Онъ умѣлъ заглядываться на волнующуюся рожь, заслушиваться пѣнія птичекъ. Птицы и животныя любили его и летѣли и бѣжали къ нему.

Въ началѣ зимы пронесся слухъ, что баринъ потребовалъ выбора и присылки къ нему въ услуженіе болѣе красивыхъ и ловкихъ дѣвушекъ и парней. Я и Михаилъ считались не изъ плохихъ и побаивались очень, какъ бы выборъ не палъ на насъ. Я не сидѣлъ, сложа руки, а работалъ. Тканьемъ полотна зарабатывалъ я до 20 коп. въ день. Видя мою прилежность, не разъ говорили: «вотъ будешь женихъ-молодецъ». При такихъ замѣчаніяхъ я думалъ про себя, что я не хочу быть простымъ мужикомъ и валяться на полу, прикрывшись съ бабой епанчею. Этимъ словомъ называли войлочную полсть, которую обязательно должна была принести невѣста. Я хотѣлъ быть приказчикомъ на фабрикѣ и носить красную рубашку, такую, какъ у дяди Корнилія. Съ просьбою писать письма ко мнѣ обращалось очень много бабъ. Однажды пришла жена старосты и попросила написать своему возлюбленному, что мужъ ея въ извѣстный день уѣзжаетъ. Какимъ-то образомъ мужъ, староста, перехватилъ это письмо. Избивъ жену, онъ потребовалъ меня къ себѣ.

— Это ты писалъ это письмо?—грозно спросилъ онъ меня.

Я сознался.

— А знаешь ли ты, щенокъ, что гдѣ руки, тамъ и голова. Если ты еще разъ осмѣлишься написать подобное письмо, я тебя зашлю туда, куда и воронъ костей не заноситъ. Ступай.

Я сталъ уходить. Онъ щелкнулъ меня пальцемъ по затылку и прибавилъ:

— Смотри, объ этомъ ни гу-гу.

Лѣтомъ я занимался полевыми работами, а осенью поступилъ въ селѣ Порскомъ къ купцу Пономареву приказчикомъ на постоялый дворъ. На моей обязанности лежалъ отпускъ сѣна и овса и составленіе счетовъ. Пробылъ я тамъ всего недѣли двѣ, а затѣмъ Пономаревъ сталъ заниматься самъ. Заработалъ я 2 рубля 80 копеекъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ одну изъ субботъ, едва семья стала на общую молитву, какъ раздался стукъ въ окно. Послышался голосъ, что бурмистръ немедленно требуетъ къ себѣ отца вмѣстѣ со мною. Я испугался и подумалъ, что меня хотятъ высѣчь за то, что я наканунѣ цѣлый вечеръ съ его дочерьми гадалъ на оракулѣ. Не успѣли мы притти къ бурмистру, какъ онъ объявилъ, что

посланные имъ въ Москву къ господамъ мальчики забракованы и отправлены обратно и что поэтому въ Москву посылаюсь я.

— Ты его завтра же къ вечеру отправь въ Шую и передай Кондакову, который и отвезетъ его въ Москву,—приказалъ бурмистръ.—А ты не горюй,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Если бы ко двору не попалъ, въ солдаты пошелъ бы. Дома тебѣ не усидѣть.

Объяснивъ, что дорогой Кондаковъ будетъ кормить меня на мірской счетъ, онъ далъ мнѣ 3 рубля. Узнавъ, что я отправляюсь въ Москву, матушка заплакала и невѣстки захныкали. Такимъ образомъ 19 декабря 1847 г. рѣшилась моя участь, и я долженъ былъ ѣхать въ Москву. Баню топить было уже поздно. Поэтому я вымылся и выпарился въ большой нашей печи и сѣлъ ужинать. Всѣмъ былъ поданъ кочанъ капусты, похлебка и картофель и, кромѣ того, лично мнѣ медъ и клюква. Когда я улегся спать, мать сѣла рядомъ со мной и долго говорила мнѣ, чтобы я постоянно молился и не забывалъ бы Бога. Утромъ въ нашу избу набралась цѣлая толпа народа. Пришелъ между прочимъ и Никита, жившій лѣтъ 40 въ кучерахъ и наконецъ прогнанный господами за пьянство.

— Не горюй и не плачь,—говорилъ онъ.—Москва слезамъ не вѣритъ. Надо быть проворнымъ и ловкимъ. Вислоухимъ тамъ плохо, — облопошатъ. Если напроказничалъ, — хорони концы, не попадайся. Мы бывало цѣлую ночь гуляемъ по кабакамъ, трактирамъ и у красныхъ дѣвушекъ, а утромъ дома, какъ ни въ чемъ не бывало. Все шито и крыто. Однимъ словомъ, гуляй, да дѣло знай и не зѣвай.

Мать замѣтила ему, что я еще малъ для гулянья.

— Э, скоро научится,—отвѣтилъ онъ.—Тамъ нужно жить такъ, какъ живутъ товарищи. Съ волками жить, по-волчьи выть. Чужая сторона по головкѣ не гладитъ. А ты первымъ дѣломъ, какъ явишься, — училъ онъ меня, — кланяйся въ ноги. Сиволапаго къ ручкѣ не допустятъ. Стой прямо, руки по швамъ. Повернуться прикажутъ,—живо налѣво кругомъ.

Слушая Никиту, я не зналъ, вѣрить ему или не вѣрить. Часовъ въ 9 подали обѣдъ: лапшу съ грибами, пшенную кашу и кисель гороховый съ масломъ. Затѣмъ я пошелъ прощаться по деревнѣ. Заходилъ и къ священнику и къ діакону. Они просили доложить господамъ о нуждахъ церкви. Когда я возвратился домой, меня ждала закуска: грибы соленые и баранки. Хоть и не хотѣлось ѣсть, я взялъ грибовъ, проглотилъ нѣсколько штукъ и сказалъ:

— Прощайте, грибы. Не придется мнѣ больше васъ собирать. Не ходить мнѣ больше зеленымъ лугомъ по темнымъ лѣсамъ.

У родителей показались на глазахъ слезы, и самъ я заплакалъ,

— Сладокъ былъ родительскій родной хлѣбъ. Каковъ-то будетъ хлѣбъ на чужой сторонѣ, въ бѣлокаменной Москвѣ,—продолжалъ я.

— И откуда у него слова такія берутся,—сказала тетка.

— Вотъ тебѣ коробочка съ бѣльемъ,—сказала матушка.—Тутъ есть и три платочка. Въ Москвѣ, говорятъ, носъ платкомъ вытираютъ.

Передавъ бѣлье, она благословила меня и передала мнѣ мѣдный образокъ Пресвятой Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ. Простившись съ родителями, я обошелъ всю избу и зашелъ во дворъ попрощаться съ лошадьми и коровами. Отецъ съ матушкою сѣли на мірскую подводу, а я пошелъ рядомъ, прощаясь со всѣми встрѣчными. Многіе давали мнѣ на гостинцы деньги. На краю деревни я перекрестился на церковь и простился со всѣми. Моя подруга Катя поцѣловалась со мною и сунула мнѣ въ руку колечко съ молитвою и поясокъ со словами:

— Не забывай меня.

Отвѣсивъ еще разъ всѣмъ низкій поклонъ, я сѣлъ на подводу и мы поѣхали.

Въ 9 часовъ вечера мы пріѣхали въ деревню Филисово къ Кондакову, кот рый, имѣя шесть лошадей, занимался перевозкой товаровъ изъ села Вичуги въ Москву и обратно. На слѣдующій день, 21 декабря, я простился съ родителями и, взгромоздившись на одинъ изъ возовъ съ мануфактурнымъ товаромъ, тронулся въ путь по направленію къ Москвѣ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, ко мнѣ подошелъ Кондаковъ и сказалъ:

— Нечего тебѣ плакать. Возьми вотъ рогожу. Прикройся и спи.

Мнѣ надоѣло смотрѣть на безконечныя снѣжныя поля. Я послушался добраго совѣта и заснулъ. Проснулся я только утромъ, когда мы стали подъѣзжать къ селу Васильевскому, принадлежащему князю Трубецкому. Въ селѣ дворники, т. е. хозяева постоялыхъ дворовъ, выбѣгали на улицу и приглашали у нихъ остановиться, но у Кондакова и его зятя Тараса былъ знакомый постоялый дворъ, куда мы и направились. Въ чистой, просторной, теплой избѣ былъ пріятный запахъ печенаго хлѣба и жаренаго лука. Дворничиха подала чай и потомъ обѣдъ, который состоялъ изъ ботвиньи съ варенымъ соленымъ судакомъ, похлебки изъ картофеля со снитками, лапши съ бѣлыми грибами, жареной малосольной севрюги съ картофелемъ, гороховаго киселя съ постнымъ масломъ и мягкаго ситнаго хлѣба съ медомъ. Во время обѣда пріѣхалъ торговецъ дичью, крестьянинъ Варнавинскаго уѣзда, который сѣлъ обѣдать съ нами. Послѣ обѣда Тарасъ и торговецъ выпили по стакану пѣннаго. За обѣдъ заплатили по 25 копеекъ съ человѣка. Послѣ обѣда отправились въ путь и ѣхали не останавливаясь два дня. Былъ сильный морозъ. Торговецъ дичью молилъ Бога, чтобы морозъ продолжился. Онъ боялся, что попор-

тится дичь, отъ которой уже шелъ запахъ. Тарасъ же просилъ оттепели, такъ какъ у него коченѣли руки при перепряжкѣ 6 лошадей. День Рождества мы встрѣтили на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ и поѣхали опять впередъ.

V.

Москва.—Первыя впечатлѣнія.—Представленіе господамъ.—Составъ господской семьи.—Первыя обязанности.—Встрѣча Новаго года.—Сдача лакея въ солдаты.

Вотъ наконецъ и Москва. Начинало разсвѣтать и сквозь розоватый туманъ виднѣлись два столба съ фонарями.

— Это Преображенская застава,—сказалъ Тарасъ.

Около шлагбаума стояло множество возовъ и саней, около которыхъ толпился народъ. Ѣдущихъ опрашивали въ конторѣ о томъ, кто такіе и куда ѣдутъ, и пропускали по одному возу. Въ сторонѣ виднѣлась церковь... Я перекрестился большимъ крестомъ.

— Крестится, какъ раскольникъ, — замѣтилъ Тарасъ. — Вотъ пріѣдешь въ Москву, тамъ тебя пріучатъ и къ щепоткѣ и къ табаку.

Я смотрѣлъ на все изумленными глазами: и на громадные дома, и на снующій народъ, и на извозчиковъ.

— Это будочникъ съ алебардой, — училъ меня Тарасъ.—Они всякаго могутъ задержать и отправить въ кутузку для обученія уму-разуму.

Всюду сновали разносчики со сбитнемъ, калачами и сайками, громко крича:

— Горячихъ кому угодно.

— Видишь круглое зданіе,—сказалъ Кондаковъ.—Это строеніе для огненной машины, которая по желѣзной дорогѣ будетъ возить изъ Москвы въ Петербургъ и людей и товары.

— А правду ли говорятъ,—спросилъ Тарасъ:—что дорога будетъ, какъ стрѣла, прямая и что когда пригорки сравняютъ и лѣса прорубятъ, Петербургъ будетъ виденъ какъ на ладони?

— Развѣ возможно глазу человѣческому видѣть за 700 верстъ, отвѣтилъ Кондаковъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ Шуйское подворье и, помѣстивъ возы во дворѣ, сами вошли въ постоялый дворъ Кормилицына. Это былъ подвалъ каменнаго дома, очень сырой, свѣтъ въ который едва пробивался сквозь покрытыя сплошь льдомъ окна. Кондаковъ сначала сходилъ въ контору, а затѣмъ велѣлъ мнѣ взять свой сундучекъ и повезъ меня на розвальняхъ къ господамъ. Проѣзжая по улицѣ и разсматривая дома, я очень безпокоился о томъ, какъ примутъ меня господа. Мнѣ было бы очень стыдно, если бы меня забраковали и признали негоднымъ для Москвы. Въ то же время припоминалъ слова Никиты: «Не довернешься—бьютъ и пере-

вернешься—бьютъ». Когда мы въѣхали въ Медвѣжій переулокъ, Кондаковъ снялъ шапку и слѣзъ съ саней.

— Слѣзай и снимай шапку,—скомандовалъ онъ.—Видишь тотъ домъ вдали. Это господскій.

— Да вѣдь далеко. Мы бы во дворъ въѣхали.

— Молчи. Изстари ведется, что на господскій дворъ мужики должны входить пѣшкомъ и безъ шапки.

Мы вошли во дворъ и направились въ одинъ изъ флигелей, гдѣ помѣщалась людская. Тамъ сидѣлъ дворецкій, распивая чай съ лакеями и горничными.

— А, Федоръ Федоровичъ пріѣхалъ,—раздался голосъ.

Кондаковъ подалъ руку дворецкому и другимъ и, указывая на меня, сказалъ, что привезъ новаго слугу.

— Здравствуй, землецокъ, — сказалъ шутливо дворецкій, оглядывая меня.

Всѣ разсматривали мою шубу и сапоги, шептались и хихикали. Я въ свою очередь робко разглядывалъ ихъ, удивлялся ихъ синимъ сюртукамъ и платьямъ и недоумѣвалъ, что они нашли во мнѣ смѣшного. Дворецкій отнесъ переданное ему Кондаковымъ письмо и скоро насъ позвали въ домъ. Въ прихожей сидѣли два лакея, изъ которыхъ одинъ моталъ бумагу, а другой вязалъ чулокъ. Въ залѣ стояли стеклянныя цвѣтныя ширмы, висѣли большія зеркала и лампы, подъ которыми болтались стаканчики для стекавшаго изъ лампъ льняного масла. Изъ залы черезъ коридоръ вошли въ кабинетъ, гдѣ, разбитый параличомъ, лежалъ на кровати самъ баринъ.

— Здорово, Кондаковъ,—сказалъ онъ.—Привезъ мальчика. Ты чей будешь?

— Дмитрія Евдокимова, крапивновскаго,—отвѣтилъ я.

— А, знаю. Нравится Москва?

— Нравится, сударь,—опять отвѣтилъ я и, вспомнивъ наставленія Никиты, бухнулся въ ноги. Въ это время вошла барыня. На ней было шелковое, съ широкими рукавами и складками на плечахъ платье, на головѣ жемчужная гребенка, въ ушахъ горѣли серьги, на груди блестѣла звѣзда, на шеѣ былъ жемчугъ. Сама она была молода и красива, и мнѣ показалась богиней. Она присѣла на кровать къ мужу и спросила меня:

— Ты изъ какой деревни?

Я такъ смѣшался, что не могъ отвѣтить.

— Забылъ уже, какъ зовутъ деревню,—насмѣшливо продолжала она.—А тебя какъ зовутъ?

— Федоромъ Дмитріевичемъ.

— Вотъ какъ.

Она что-то сказала барину по-французски и они вдвоемъ засмѣялись. Тутъ я вспомнилъ опять наставленія Никиты и бух-

нулся на полъ передъ нею, такъ что ея ноги очутились надъ моей головой.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ,—сказала она и ушла.

На этомъ и кончилось представленіе господамъ. Меня отвели опять въ людскую, гдѣ предложили мнѣ ужинать, но я ѣсть не могъ. Я легъ спать и долго не могъ заснуть. Передъ моими глазами все стояла барыня. Я удивлялся, почему у нея, 25—27-лѣтней красавицы, мужъ старикъ, лѣтъ 60, и думалъ, что у насъ въ деревнѣ лучше, такъ какъ такихъ неравныхъ браковъ не бываетъ. Всю ночь мнѣ грезились разныя сладкія сновидѣнія. Проснувшись же, я почувствовалъ горькую дѣйствительность. Въ полутемной людской еще всѣ спали, и только слышался храпъ кучеровъ и дворниковъ. Я, боясь нарушить покой, не вставалъ и думалъ о томъ, какъ врутъ въ деревнѣ. Разсказывали, что дворовые не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью, а между тѣмъ, пока здѣсь храпятъ, въ деревнѣ самый плохой ткачъ успѣлъ уже наткать миткаля аршинъ 6 не меньше. Вотъ наконецъ встали, умылись и пошли каждый по своему дѣлу. Въ людскую явился дворецкій и горничныя и стали пить чай.

— Хочешь чаю?—спросилъ меня дворецкій.—Пилъ чай въ деревнѣ?

— Нѣтъ.

— На, выпей.

Мнѣ дали чашку чаю и три баранка. Я старался пить такъ, какъ пьютъ остальные. Выпивъ двѣ чашки, я поблагодарилъ и перекрестился большимъ крестомъ.

— Раскольницокъ,—насмѣшливо замѣтилъ дворецкій.

Я присматривался ко всему окружающему. Семья господъ состояла изъ барина, барыни, трехъ сыновей и дочери. Старшій сынъ, Александръ, учился въ Дворянскомъ институтѣ, а дочь въ Екатерининскомъ. У старшаго былъ репетиторъ-студентъ, который жилъ у господъ, къ младшимъ, Николаю и Сергѣю, ходили два учителя. Кромѣ того, была нѣмка, которая давала уроки нѣмецкаго языка и въ то же время была экономкой. Дворецкій самъ-четвертъ, поваръ самъ-четвертъ, Василій экономъ самъ-третей, кухарка въ людской, кучеръ, форейторъ, два дворника, три лакея, три горничныхъ, меня еще прибавили, еще хотятъ выписать. Я недоумѣвалъ, къ чему такъ много людей держатъ.

Пока меня заставили носить воду, щепать лучину, чистить ножи. Кликали меня Федькой. Мнѣ это было очень непріятно. Въ деревнѣ ко мнѣ приходили изъ другихъ деревень съ просьбой прочитать и написать письма, угощали меня, ухаживали за мной, звали Федоромъ Дмитріевичемъ, а здѣсь — деревенскій чурбанъ, Федька. Я чувствовалъ, какъ давило мнѣ въ горлѣ и подступали слезы къ глазамъ. Съ меня сняли мѣрку и скоро нарядили. Въ

казакинѣ изъ толстаго домашняго сукна, въ манишкѣ съ галстукомъ и коротко остриженный, я, глядя на себя въ зеркало, самъ себя не узнавалъ.

Меня назначили прислуживать за столомъ. Главная же моя обязанность была неотлучно находиться при баринѣ и поправлять не слушавшіяся ему руки и ноги и вытирать носъ. Мнѣ это было не по душѣ.

Прошло однообразно нѣсколько дней и наступило 31 декабря. Въ этотъ день вечеромъ освѣтили весь домъ. Кромѣ лампъ, въ залѣ горѣли сальныя свѣчи, а въ гостиной 2 свѣчки бѣлыя и крѣпкія, какъ сахаръ. Лакеи были во фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Пріѣхало очень много гостей. Выли дядья барыни П. Л. Демидовъ, Л. Л. Демидовъ, А. Л. Демидовъ, генеральша Рогожина, Титова, Поливанова, Хазиковы и генералъ Митусовъ. Я былъ въ числѣ лакеевъ въ передней и помогалъ снимать верхнее платье, только у меня дѣло плохо спорилось. Подхватывая шубу, я тащилъ и фракъ; снимая теплые сапожки, я стаскивалъ башмаки. Среди лакеевъ особенно выдавался камердинеръ П. Л. Демидова, Сергѣй Мироновъ, котораго Демидовъ купилъ у графа Панина за 3 тысячи рублей. Это былъ огромнаго роста, осанистый и всезнающій человѣкъ. Разсматривая шубы господъ, онъ говорилъ, что одна изъ чернобурой лисицы и стоитъ тысячу рублей, другая изъ соболей 2 тыс. и т. п. Я въ это время думалъ, что деревенская изба стоитъ только 100 рублей и вспоминалъ, какъ я съ братомъ мѣсилъ глину для кирпичей, чтобы уплатить оброкъ. Въ залѣ въ это время подъ музыку Титовой, игравшей на фортепьяно танцовали. Въ 12-мъ часу зажгли елку, затѣмъ стали ужинать и ровно въ 12 часовъ съ бокалами шампанскаго въ рукахъ стали поздравлять другъ друга. Меня это очень удивляло. Въ деревнѣ у насъ этотъ вечеръ просто считался кануномъ Васильева дня, и матушка увѣряла, что новый годъ начинается перваго марта, въ тотъ день, когда сотворенъ міръ.

Январь мѣсяцъ 1848 г. былъ суетливый, все гости ѣздили. Я былъ на посылкахъ и между прочимъ покупалъ ежедневно «Московскія Вѣдомости» и «Полицейскій Листокъ», въ которомъ читалъ разсказы. Когда стала наступать весна, я влѣзалъ на чердакъ и смотрѣлъ, какъ начинаютъ краснѣть березы и вить гнѣзда галки, глядѣлъ въ синюю даль и на чернѣвшую вдали Марьину рощу, и мысли мои уносились туда, далеко, въ мою родную деревню. Какъ бы въ отвѣтъ на мои думы, 1 апрѣля, во время обѣда, барыня, разговаривая съ гостями, сказала, что лѣтомъ поѣдетъ въ деревню.

Наша обыденная жизнь въ людской была нарушена происшествіемъ. На Ѳоминой недѣлѣ людей стали кормить тухлою солониною. Мы ѣли неохотно, но молчали. Лакей же Иванъ при встрѣчѣ

съ экономкой назвалъ ее чухонской мордой и сказалъ, что если она будетъ продолжать давать тухлятину, то броситъ ей солонину въ лицо. Нѣмка стала его за это ругать, а онъ погрозилъ ей кулакомъ. Она сейчасъ же побѣжала жаловаться господамъ. Иванъ былъ немедленно вызванъ. Онъ не сталъ отказываться отъ своихъ угрозъ и добавилъ, что люди не собаки, а между тѣмъ даже собаки не ѣдятъ той говядины, которую отпускаетъ намъ нѣмка. За такую дерзость Иванъ немедленно былъ сданъ въ солдаты. Онъ иногда помогалъ мнѣ ухаживать за бариномъ, теперь же я остался одинъ.

VI.

Поѣздка въ деревню.—Холера.— Петербургскій губернаторъ Кавелинъ. — Смерть барина.—Чтеніе русскихъ авторовъ.—Артистъ Самаринъ.—Герольды.—Посѣщеніе Москвы императоромъ Николаемъ I.—Интриги прислуги.— Посѣщеніе театра въ первый разъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1848 г. барыня собралась въ деревню и взяла съ собою сына, студента, горничную и меня. Я былъ очень радъ и счастливъ. При въѣздѣ въ деревню насъ встрѣтилъ бурмистръ, старосты и крестьяне съ хлѣбомъ-солью. Всѣ были въ праздничныхъ платьяхъ. Я отыскивалъ глазами родныхъ и знакомыхъ и радостно кивалъ имъ головою. Остановились мы въ домѣ бурмистра, и барыня разрѣшила мнѣ провѣдать родныхъ. Встрѣча была радостная. Матушка прежде всего стала спрашивать, не пересталъ ли я креститься большимъ крестомъ, и долго твердила мнѣ держаться завѣта дѣдовскаго. Къ моей матери очень часто заходила барыня и, сидя съ нею подъ яблонью въ саду, подолгу съ ней разговаривала. Для развлеченья барыни собрался какъ-то подъ окнами хороводъ, который пѣлъ пѣсни. Между бабами была и Катя, которая была уже замужемъ. У меня стояли на глазахъ слезы. Черезъ двѣ недѣли мы поѣхали обратно по Ярославскому шоссе. Въ это время кругомъ свирѣпствовала холера, и ямщики всѣ были пьяны, такъ какъ имъ въ видахъ предохраненія отъ холеры отпускалась водка. Въ Москвѣ была тоже сильная холера. Многіе выѣхали, и Москва сильно опустѣла. Газеты переполнены были статьями о холерѣ.

Переѣхавшій въ Зыково баринъ сказалъ, что дворецкій плохо за нимъ ухаживалъ, и его съ семействомъ отпустилъ. Мнѣ былъ подаренъ жилетъ и галстукъ и меня стали звать Федоромъ, а не Федькой. Удалось достать «Современникъ», и я не спалъ ночей, пока не прочиталъ романъ «Три страны свѣта».

Въ этомъ году господа встрѣчали новый годъ у Дуровыхъ. Перваго января у насъ утромъ было много гостей, и обѣдали князь Вяземскій и дядя барина, петербургскій губернаторъ Кавелинъ.

Когда стало темнѣть, онъ увидѣлъ изъ окна искры. Вслѣдъ затѣмъ послышался стукъ въ стѣну. Это зажигали фонарь и вставляли его въ стѣну дома.

— Какъ, у васъ въ Москвѣ до сихъ поръ вколачиваютъ фонари въ стѣны деревянныхъ домовъ. Ну, это небезопасно, неправильно,—сказалъ онъ.

На другой же день у воротъ былъ поставленъ столбъ, и на немъ укрѣпленъ фонарь.

Въ концѣ марта баринъ заболѣлъ. У него былъ страшный жаръ, онъ не спалъ и въ бреду метался по постели. 2 апрѣля онъ скончался.

Похороны были великолѣпны. Отпѣвали въ Рождественской церкви, что въ Путинкахъ, и похоронили въ Симоновомъ монастырѣ. Было два архимандрита и много духовенства. Барыня нарядилась въ черное платье и каждый день ходила въ церковь и въ Петровскій монастырь. Мнѣ барыня подарила кое-что изъ платья барина и серебряные часы. Я такъ былъ доволенъ, что даже по ночамъ, просыпаясь, повѣрялъ свои часы съ другими. Послѣ смерти барина у меня было больше свободнаго времени, и я сталъ много читать. Прочиталъ Жуковскаго и многихъ другихъ писателей. Самое большое впечатлѣніе на меня произвели сочиненія Карамзина. Онъ повліялъ на мое воображеніе и на мое сердце. Мнѣ казалось, что я иначе сталъ думать и чувствовать.

«Московскія» и «Полицейскія Вѣдомости» были переполнены свѣдѣніями о войнѣ съ Венгріей. Пріѣзжавшій часто къ барынѣ Дмитрій Александровичъ Демидовъ обыкновенно спорилъ съ Сергѣевымъ и Дружининымъ и доказывалъ имъ, что мы совершенно напрасно помогаемъ австрійцамъ.

Однажды утромъ, въ ожиданіи пробужденія барыни, я сидѣлъ подъ акаціей во дворѣ и читалъ «Полицейскій Листокъ». Вдругъ ко мнѣ подходитъ артистъ Иванъ Васильевичъ Самаринъ въ черномъ сюртукѣ, пуховой шляпѣ и съ камышевою тростью въ рукахъ. Онъ взялъ у меня «Листокъ», просмотрѣлъ его и спросилъ, гдѣ я учился грамотѣ. Я отвѣтилъ, что у брата въ деревнѣ...

— А ты приходи ко мнѣ,—сказалъ онъ.—Я дамъ тебѣ книгъ для чтенія.

Самаринъ жилъ у Глушкова во флигелѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Василіемъ Дорофеевичемъ, матерью, братьями и сестрами. Отецъ его былъ крѣпостнымъ Волкова, имѣвшаго большой домъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ и плисовую фабрику въ Горенкахъ по Владимирской дорогѣ. Иванъ Васильевичъ былъ красивъ и строенъ, осанка у него была благородная и манеры прекрасныя. У него бывали писатели и было много поклонницъ, между которыми выдѣлялась красивая, молодая Голубева, которая часто къ нему ѣздила.

На слѣдующій же день я явился къ Ивану Васильевичу за книгами. Онъ далъ мнѣ два тома Пушкина. Братъ его, Сергѣй, узнавъ, что я имѣю плохое понятіе о грамматикѣ, далъ мнѣ грамматику Востокова, сказавъ: «Дарю ее тебѣ, потому что она надоѣла мнѣ хуже горькой рѣдьки».

Я сталъ вставать раньше всѣхъ и тотчасъ же начиналъ зубрить грамматику и читать географію. Долго я не могъ понять системы Коперника, пока наконецъ не уяснилъ ее себѣ. Тогда я вспомнилъ, какъ однажды у насъ хотѣли бить 15-лѣтняго парня за то, что онъ сталъ разсказывать о томъ, какъ, по словамъ его грамотнаго отца, земля вертится. Барыня дала мнѣ письменныя принадлежности и велѣла учить азбукѣ 6-лѣтнихъ дѣтей.

Въ августѣ мѣсяцѣ разъѣзжали по улицамъ Москвы на сѣрыхъ лошадяхъ, въ каскахъ и бѣлыхъ мундирахъ, герольды съ отбитыми у венгерцевъ значками. Ихъ сопровождали трубачи. Народъ крестился, прославляя Бога за побѣду. Нѣкоторые же господа говорили, что мы за положенныя головы русскаго солдата можемъ хвастаться только этими тряпками. Я читалъ манифестъ, что подъемлется оружіе въ отмщеніе врагу за вѣру, отечество и честь Россіи, и теперь, слушая разныя сужденія, недоумѣвалъ и не зналъ, кого бы и какъ бы спросить, чтобы мнѣ разъяснить все это. Такъ этотъ вопросъ и остался для меня не разъясненнымъ.

Осенью, когда окончилась постройка новаго большого дворца въ Кремлѣ, пріѣхалъ государь императоръ Николай Павловичъ. Въ 10 часовъ вечера, при яркомъ свѣтѣ луны, увидѣлъ я царя въ шинели и бѣлой фуражкѣ, ѣхавшаго съ какимъ-то генераломъ. Народъ кричалъ «ура». Коляска четверикомъ быстро пронеслась по Тверской мимо меня. Я хоть и мелькомъ видѣлъ царя, но былъ очень счастливъ. Во дворцѣ былъ всенародный маскарадъ. Наша вторая экономка, молодая дѣвица, ходила туда и говорила, что было тамъ тысячъ 20. Во второй разъ я видѣлъ государя ближе. Когда онъ проѣзжалъ по Театральной площади, народъ окружилъ его и сталъ на себѣ везти экипажъ. Я пробился впередъ и ухватился тоже за крыло экипажа. Подъѣзжая къ Тверской часовнѣ, государь оглянулъ народъ и строго и громко сказалъ: «Довольно». Народъ моментально разсыпался.

Вмѣстѣ съ довѣріемъ барыни ко мнѣ росло во мнѣ усердіе къ работѣ. Видя, что барыня мною довольна, остальные слуги, и старые и молодые, стали завидовать и старались чѣмъ-нибудь повредить. Скоро имъ удалось меня подловить. Не желая отставать отъ остальныхъ, я, несмотря на строгій наказъ моей матушки, сталъ курить трубку. Какъ-то въ людской загорѣлись отъ неизвѣстной причины угли въ корзинѣ. Старая экономка донесла барынѣ, высказавъ предположеніе, что огонь заронили курильщики, въ числѣ которыхъ назвала и меня. Барыня, очень боявшаяся пожара, такъ

какъ ни домъ, ни имущество застрахованы не были, очень разсердилась, отобрала у всѣхъ трубки, сожгла ихъ и приказала больше не курить. Между тѣмъ я курить уже привыкъ. Поэтому я, пользуясь отсутствіемъ барыни, взялъ ея трубку и докурилъ ее на балконѣ. Это подмѣтила та же экономка и донесла барынѣ.

— Какъ ты смѣлъ курить изъ моей трубки?—спросила грозно меня барыня.

— Да я не подкладывалъ табаку.

— Нечего сказать, хорошее оправданіе. Да развѣ можно курить изъ моей трубки?

— Мою-то вы, вѣдь, сожгли,—отвѣтилъ я наивно.

— Вотъ тебѣ 30 копеекъ, возьми и купи.

Я съ гордостью показалъ деньги экономкѣ.

— Балуетъ тебя. Скоро подъ юбку посадитъ,—зло замѣтила экономка.

Я былъ возмущенъ такимъ замѣчаніемъ. На барыню я смотрѣлъ, какъ на высшее, недосягаемое божество. Совсѣмъ другими глазами я смотрѣлъ на Аннушку, горничную сосѣдей Мерлиныхъ, уѣхавшихъ на дачу и оставившихъ ее одну въ домѣ. Сначала мы посылали одинъ другому издали поцѣлуи съ балкона, а потомъ познакомились. Узнавъ, что она читаетъ, я сталъ давать ей книги. Мы очень часто видѣлись.

Прочитавъ разсказы о Петрѣ Великомъ и о Суворовѣ, я рѣзко измѣнилъ свою жизнь. Сталъ рано вставать и трудиться. Я и дрова пилилъ, и снѣгъ съ крыши сбрасывалъ, сталъ вмѣсто полотера полъ натирать и по ночамъ выходить провѣрять караульщиковъ. Пылъ мой къ работѣ охладилъ немного одинъ случай. Барыня дала мнѣ рубль для покупки воска для половъ и пуговицъ. Рубль я завернулъ въ платокъ, который положилъ въ карманъ. Идя въ лавки, я по дорогѣ зашелъ помолиться къ Иверской. Пока молился, у меня платокъ съ рублемъ украли. Денегъ своихъ у меня въ это время ни копейки не было и поневолѣ я долженъ былъ возвратиться домой и доложить объ этомъ случаѣ. Она взглянула на меня, сказала что-то по-французски племянницѣ и затѣмъ объявила мнѣ, что если я умѣю терять деньги, то долженъ сумѣть натирать полы безъ воска. Меня очень разстроило это недовѣріе, и я долго плакалъ. Однако черезъ нѣсколько времени барыня, узнавъ, что я купилъ воскъ на свои деньги, отдала мнѣ рубль.

Иванъ Васильевичъ Самаринъ въ свой бенефисъ далъ мнѣ контрамарку для входа въ театръ. Барыня меня отпустила. Въ театрѣ я былъ въ первый разъ. Сидѣлъ я на самомъ верху. Было жарко. Ничего я не понялъ. Видѣлъ, что на сценѣ входили и уходили, говорили, пѣли и плясали. Публика хлопала, стучала

и кричала. Я глядѣлъ не на сцену, а на ложи и кресла, удивляясь множеству народа и роскоши нарядовъ. То, что было на сценѣ, какъ-то проскользнуло мимо меня. Я не радъ былъ, что и пошелъ. На вопросъ барыни, хорошо ли было въ театрѣ, отвѣтилъ, что хорошо, но жарко. Она засмѣялась. Поваръ объяснилъ, что на балаганахъ гораздо интереснѣе.

VII.

Чтеніе книгъ. — Посѣщеніе театра. — А. А. Демидова. — Открытіе Николаевской желѣзной дороги. — Пріѣздъ государя императора Николая I въ Москву. — Цѣны мѣстныхъ припасовъ. — Привозъ бурмистромъ оброка. — Смерть Гоголя. — Смерть Жуковскаго. — Поѣздка Глушковой въ Петербургъ. — Жестокое обращеніе господъ съ крѣпостными.

Писалъ я чисто и складно, поэтому барыня заставляла меня писать приказы старостамъ и сама только подписывала. Читалъ я много. Послѣ Гоголя прочиталъ рукописную поэму Лермонтова «Демонъ». Начитавшись, я сталъ считать себя обиженнымъ судьбою и ходилъ мрачный. Сочиненіе Карамзина и избранныя мѣста Вербицкаго, гдѣ такъ много высокихъ мыслей и успокоительныхъ совѣтовъ, меня ободряли. Я говорилъ себѣ, что счастье заключается не въ роскоши и богатствѣ, а въ доброй совѣсти и исполненіи долга. Ну и что же изъ того, что я не баринъ, а слуга, думалъ я. Въ этой жизни свѣтомъ и тепломъ солнца наслаждается и тотъ и другой одинаково, печали есть и у того и другого, а въ будущей жизни всѣ будутъ сравнены.

Весною былъ у меня отецъ. Я водилъ его по Москвѣ и показывалъ ему ее, но онъ ко всему относился равнодушно. Закупивъ товаръ для продажи въ деревнѣ, онъ товаръ этотъ отправилъ на возахъ съ Кондаковымъ, а самъ домой пошелъ пѣшкомъ.

Въ теченіе всей зимы, благодаря Самарину, Н. И. Пельту и Якунину, дававшимъ мнѣ контрамарки, я очень часто бывалъ въ театрѣ. Теперь я уже вполнѣ сознательно относился къ игрѣ на сценѣ и очень полюбилъ театръ. Я слѣдилъ за каждымъ словомъ и запоминалъ... На другой день я на вопросы барыни подробно ей разсказывалъ о содержаніи пьесы и объ игрѣ. Помню, какъ хорошо игралъ Шумскій Хлестакова и М. С. Щепкинъ городничаго. Видѣлъ Щепкина и въ «Скупомъ Рыцарѣ».

Узнавъ, что я пишу письма для барыни, ея сестра, Авдотья Александровна Демидова, также стала призывать меня къ себѣ писать письма. Эта 50-лѣтняя дѣвица, имѣя хорошее состояніе, была неимовѣрно скупа и расчетлива въ мелочахъ. Держа лошадей, имѣя хорошіе экипажи, она жалѣла дровъ для отопленія дома и отказывала себѣ въ ѣдѣ. Жалѣя денегъ въ уплату за пересылку, она послала 50 руб. въ простомъ письмѣ. Деньги пропали. Несмотря на это, она послала деньги опять въ простомъ письмѣ. За-

казавъ карету, она, пока карета дѣлалась, въ теченіе двухъ лѣтъ ежедневно заѣзжала смотрѣть, какъ дѣлаютъ карету.

19 августа государь императоръ съ семействомъ пріѣхалъ въ Москву по желѣзной дорогѣ. Ѣхалъ отъ Петербурга до Москвы 20 часовъ. Разсказываютъ, что государь былъ очень доволенъ, благодарилъ и поцѣловалъ Клейнмихеля. Въ народѣ ходятъ слухи, что наступаютъ послѣднія времена, такъ какъ въ священномъ писаніи сказано, что передъ концомъ міра будутъ ѣздить на огненныхъ колесницахъ. Поэтому, говорятъ, и митрополитъ Филаретъ отказался отъ освященія дороги, признавая ее выдумкою антихриста.

Съ осени барыня покупку припасовъ возложила на меня. Цѣны были на все недорогія:

Дрова 1 саж. 16 руб. ассигнаціями, 1 возъ сѣна 44—50 коп. ассигн., 1 возъ соломы 1 руб. сереб., 1 четв. овса 9 руб. ассигн., 1 пудъ муки 36 коп. ассигн., 1 фунтъ сахара 24 коп. сер., четв. ведра водки 1 руб. 13 коп. сер., 1 пудъ говядины 5 руб. 30 коп. ассигн., 100 шт. яицъ 1 руб. сер., 1 пудъ сальныхъ свѣчей 13 руб. ассигн.

Зимою, несмотря на морозы, барыня посылала меня каждый день на базаръ. Чтобы согрѣться, я заходилъ въ трактиръ пить чай съ баранками. Такъ какъ барыня не давала на это денегъ, я, издерживая на себя 20 коп., барынѣ показывалъ не настоящія цѣны, а немного выше. Закупая всѣ припасы, я увидѣлъ, какъ дорого стоитъ барынѣ содержаніе дворни. Желая выслужиться и пріобрѣсти побольше довѣрія, я сообщилъ студенту Сергѣеву, что дворникъ, уѣзжая за водой, свезъ дрова знакомой прачкѣ. Сергѣевъ передалъ это барынѣ и дворника сейчасъ же отдали въ солдаты. Я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и успокаивалъ себя тѣмъ, что, можетъ быть, ему повезетъ судьба, какъ и сданному въ солдаты лакею Ивану. Этотъ былъ очень доволенъ и приходилъ къ намъ похвастаться своимъ гвардейскимъ мундиромъ. Онъ былъ тамбуръ-мажоромъ.

Къ дѣтямъ, Сергѣю и Николаю, которыхъ я научилъ читать, наняли гувернантку. Старшаго, Александра, который готовился поступить въ юнкерское училище, приходилъ учить строевой службѣ и фронту унтеръ-офицеръ.

Пріѣзжалъ изъ юрьевецкой вотчины бурмистръ Василій Ефимовъ. Главная цѣль его пріѣзда была упросить барыню купить для себя часть земли на ея имя и другую землю промѣнять. Барыня дала на это свое согласіе. Меня онъ угощалъ чаемъ и далъ 2 рубля. Вѣроятно, онъ ублажалъ меня потому только, чтобы я не разсказывалъ барынѣ о томъ, какъ онъ беретъ взятки съ крестьянъ, нарушая очередь при сдачѣ въ солдаты. Барынѣ бурмистръ привезъ оброкъ съ крестьянъ: 4 пуда сухихъ грибовъ, 5 пудовъ

коровьяго масла, 3 пуда меду и, собранные съ дѣвокъ, не вышедшихъ замужъ, холсты и по 2 фунта сушеной малины съ каждой.

Дѣвушка княгини Шаховской разсказывала, что она была въ Парижѣ и что тамъ нѣтъ ни крѣпостныхъ, ни дворовыхъ. Всѣ грамотные и каждый учится чему хочетъ. Хорошо, думалъ я, тамъ. У насъ же учатъ тому, чему захочетъ учить баринъ.

21 февраля (1852 г.) зашелъ въ трактиръ и узналъ, что скончался Николай Васильевичъ Гоголь. На Никитинскомъ бульварѣ, въ домѣ графа Толстого, гдѣ жилъ Гоголь, весь дворъ былъ полонъ каретъ. Былъ губернаторъ Закревскій и много генераловъ и господъ. 23 февраля Гоголя отпѣвали въ университетской церкви. Было очень много народу. Гробъ несли студенты до Даниловскаго монастыря, гдѣ его и похоронили. Петръ Ивановичъ Крюковъ говорилъ, что Гоголь былъ настолько бѣденъ, что даже фрака порядочнаго не имѣлъ. Я видѣлъ Гоголя нѣсколько разъ, когда онъ приходилъ къ Хомякову. Я хорошо помню его острый носъ и сгорбленную фигуру съ опущенной внизъ головой. Вечеромъ сталъ читать «Мертвыя Души». «Вечера на Хуторѣ» интереснѣе.

29 марта, по случаю праздника Пасхи барыня подарила мнѣ 3 рубля и матерію на жилетъ. Дворовые стали зло на меня смотрѣть. Я вспомнилъ разсказъ Марлинскаго о томъ, какъ чортъ съ цѣлью перессорить деревенскихъ бабъ бросилъ имъ лентъ. Сейчасъ же я запряталъ матерію подальше.

Въ маѣ прочиталъ въ газетахъ, что въ Баденъ-Баденѣ скончался Жуковскій. Прочиталъ письмо Жуковскаго изъ Баденъ-Бадена къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Какое знаніе, сколько глубокихъ думъ, сколько искренности и мягкихъ чувствъ. А какъ хорошо описаны горы, воздухъ и небо. Какой громадный умъ и какая великая душа!

17 іюня барыня поѣхала въ Троицкій монастырь и взяла съ собой меня и горничную Машу. Въ гостиницѣ было много знакомыхъ господъ. Барыня цѣлые дни проводила съ Жуковой и Блохинымъ, который за ней ухаживалъ. Вѣроятно, и онъ нравился барынѣ, потому что въ его присутствіи она была очень оживлена, смѣялась и пѣла даже. Когда же оставалась одна, бывала очень задумчива и сидѣла молча. Я очень боялся, что барыня можетъ выйти замужъ. Неизвѣстно, вѣдь, каковъ будетъ новый баринъ. Можетъ и въ солдаты сдать. Блохинъ сталъ часто пріѣзжать къ намъ и въ Москвѣ, когда мы возвратились. 29 іюля барыня получила отъ сестры своей, Агр. Ал. Дурново, письмо, въ которомъ сообщалось, что сынъ барыни Александръ, служившій уже во Владимирскомъ полку, во время маневровъ около Петербурга заболѣлъ. Сейчасъ же барыня получила видъ на жительство и свидѣтельство на право выѣзда изъ Москвы и уѣхала по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Домомъ сталъ распоряжаться студентъ Сергѣевъ, который сталъ

ухаживать за мастеричками. 26 августа получилъ письмо отъ Дурново, что барыня заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Возвратилась барыня домой только 15 октября, блѣдная и худая послѣ болѣзни.

6 декабря по Москвѣ распространился слухъ, что графъ Закревскій велѣлъ подать въ отставку коменданту за то, что онъ наказываетъ людей своихъ ежедневно. Пичугинъ былъ высланъ изъ Москвы за жестокое обращеніе съ людьми. У него была привычка каждый разъ, когда съ него снимали сапоги, толкать носкомъ сапога въ лицо. Какъ-то онъ много проигралъ въ клубѣ и, пріѣхавши домой, такъ ткнулъ сапогомъ въ лицо лакею, что тотъ упалъ замертво и не приходилъ въ сознаніе всю ночь. Жена его утромъ побѣжала къ камердинеру графа Закревскаго и пожаловалась. Графъ велѣлъ освидѣтельствовать человѣка и, узнавъ, что Пичугинъ вообще со всѣми обращался жестоко, выслалъ его въ деревню.

Да, плохо другимъ крѣпостнымъ приходилось! Недавно Н. И. Сабуровъ выпоролъ въ части трехъ мужиковъ за то, что они не сняли шапки передъ проходившей черезъ дворъ его любимой экономкой. На оправданіе ихъ, что они не узнали ее, такъ какъ она была закутана платкомъ, имъ было сказано, что послѣ порки они будутъ узнавать ее и въ томъ случаѣ, если на ней будетъ сотня платковъ. А экономка-то сама изъ крестьянскихъ дѣвушекъ. Хороша.

Въ «Полицейскомъ Листкѣ» печатается, что продаются мужъ поваръ 40 лѣтъ, жена прачка и дочь, 16 лѣтъ, красивая, умѣющая гладить и ходить за барыней. Я догадался, что это дѣвушка Аполлинарія, знакомыхъ господъ. Баринъ раньше ни за что не соглашался ее продать, а теперь, вѣроятно, уже надоѣла, или онъ нашелъ новую и продаетъ.

Ф. Д. Бобковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНОГО ЧЕЛОВѢКА [1]).

VIII.

Увеличеніе штата прислуги.—Холера въ деревнѣ.—Поѣздка съ преосвященнымъ Филоѳеемъ въ Кострому.—Посѣщеніе родной деревни.

БЕРУ книги изъ барской библіотеки и много читаю.

Прислуга все прибавляется. Теперь у насъ два повара, два кучера, кромѣ меня, два лакея, 4 горничныхъ, экономка, прачка и въ ученьи дѣвушка Маша. Привезли еще мужика. Онъ сталъ плакать и проситься въ деревню, говоря, что у него остался тамъ безъ присмотра мальчикъ 5 лѣтъ. Чтобы успокоить, его свели въ часть и дали записку квартальному. Его сильно высѣкли.

Въ сентябрѣ (1853 г.) получилъ печальную вѣсть отъ отца. Умерла мать и 2 невѣстки отъ холеры. За одну недѣлю умерло 7 человѣкъ изъ нашего семейства. Холера въ деревнѣ сильная. Я попросилъ у барыни разрѣшеніе съѣздить въ деревню. Она согласилась и дала на дорогу 3 рубля. Вечеромъ же мнѣ сказали, что преосвященный Филоѳей ѣдетъ въ Кострому и что она, по его просьбѣ, назначаетъ меня сопровождать его въ поѣздкѣ и смотрѣть за его вещами.

1 октября я съ преосвященнымъ Филоѳеемъ выѣхали изъ Москвы и поѣхали въ лавру, гдѣ ночевали. Пока владыка былъ у архимандрита Порфирія, я съ келейникомъ Вуколомъ пили пре-

[1]) Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ» т. CVIII, стр. 446.

красное вино, а затѣмъ уснули на мягкихъ постеляхъ. Я такъ чувствовалъ себя хорошо, что готовъ былъ итти въ монахи. Утромъ 2 октября поѣхали въ Виѳанію. Подъѣхали прямо къ церкви, а оттуда въ семинарію, въ которой владыка воспитывался и потомъ былъ ректоромъ. Была торжественная встрѣча. Откуда поѣхали въ лавру. Въ это время пріѣхалъ и возвратившійся изъ Костромы прокуроръ св. синода Лопухинъ. Въ Кострому онъ ѣздилъ по дѣлу о раскольничьихъ иконахъ. Было выяснено, что отобранныя у раскольниковъ иконы чиновники консисторіи продавали тѣмъ же раскольникамъ и брали за это большія деньги. Лопухинъ былъ важный старикъ съ умнымъ лицомъ. Бесѣдовалъ онъ съ владыкою больше 2 часовъ. Затѣмъ поѣхали впередъ и въ 9 час. вечера въѣхали въ ворота Данилова монастыря около Переяславля. Владыка, выпивъ чаю съ просфорою, сейчасъ же ушелъ спать. Казначей спросилъ у меня, будетъ ли владыка ужинать. Я только что хотѣлъ отвѣтить, что владыка не ужинаетъ, какъ келейникъ Вуколъ сказалъ, что не мѣшаетъ на всякій случай приготовить кое-что. Казначей убѣжалъ, а Вуколъ мнѣ объяснилъ, что за владыку мы поужинаемъ. И дѣйствительно, мы ѣли икру, семгу и уху изъ стерляди, запивая винами. Въ 7 час. утра выѣхали, проѣхали Переяславль и пріѣхали въ 2 часа дня въ Ростовъ, въ Яковлевскій монастырь. Съ одной стороны монастырскихъ стѣнъ озеро длиною верстъ 13 и шириною около 8, съ другой—маленькая рѣчонка. По озеру сновали лодки. Видъ со стѣнъ прекрасный. Взглядъ уносился въ невѣдомую даль, туда, гдѣ озеро сливается съ горизонтомъ, съ другой же стороны останавливался на раскинутомъ трехугольномъ городѣ съ полуразвалившимися стѣнами кремля. Изъ монастыря на другой день поѣхали въ село Шапсы, гдѣ племянница владыки была замужемъ за мѣстнымъ священникомъ. На краю деревни близъ церкви стояла небольшая изба священника, состоявшая изъ комнаты съ перегородкой. Вся комната была завалена кочнами капусты, и поэтому племянница провела владыку за перегородку, гдѣ стояла кровать и кіотъ съ образами. Выпивъ чаю, владыка вышелъ осматривать огородъ.

— У насъ все бѣдно и неустроено,—извинялась попадья.

— Мы и сами жили такъ,—задумчиво отвѣтилъ владыка.

6-го октября мы въѣхали въ Ярославль. По улицамъ вмѣсто мостовой была гать. Карета съ трудомъ двигалась, такъ какъ колеса тонули въ грязи. Остановились мы въ Спасскомъ монастырѣ. Вечеромъ владыка пошелъ къ живущему на покоѣ, ослѣпшему преосвященному Евгенію, съ которымъ говорилъ до 12 часовъ ночи. Я просто заслушался ихъ умныхъ разговоровъ о миссіонерствѣ въ Китаѣ и распространеніи христіанства среди степныхъ иновѣрцевъ. Въ 6 часовъ утра я отправился на колокольню. Хотя начиналась заря, но небо было еще темно и кое-гдѣ изрѣдка бли-

стали звѣзды. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и наконецъ выплыло солнце. Волга трепетала мелкими серебристыми блестками волнъ, которыя въ одномъ мѣстѣ, при впаденіи рѣки Которосли, были свѣтло-малиноваго цвѣта. Надъ рѣкою вились чайки, на стоявшихъ на якорѣ и медленно покачивавшихся судахъ рабочіе копошились, умывались, молились... Залитый весь солнцемъ городъ также сталъ просыпаться. Я долго любовался этой чудной картиной. Утромъ поѣхали дальше. Былъ сильный вѣтеръ, Волга бушевала, и паромъ не дѣйствовалъ. Однако по просьбѣ владыки 24 человѣка рабочихъ взялись за канатъ. На срединѣ Волги волны перебрасывали воду черезъ весь паромъ. Владыка молчалъ и только, когда пріѣхали, сказалъ: «Слава Богу, Богъ перенесъ». Покатили затѣмъ въ каретѣ по костромской дорогѣ. Грузная карета въ 8 лошадей едва двигались по грязи. Нѣкоторые мосты были ненадежны и приходилось объѣзжать, дѣлая крюкъ верстъ по пяти. Было уже темно, когда наконецъ показалась Кострома и мы въѣхали въ ворота Ипатьевскаго монастыря. Для владыки была приготовлена баня, но онъ сейчасъ же пошелъ служить всенощную, а баней воспользовались я съ Вуколомъ. Мы же по обыкновенію съѣли и приготовленный для него ужинъ. Утромъ явился полицеймейстеръ съ извиненіемъ, что не встрѣтилъ вчера владыку, объяснивъ, что онъ ѣздилъ его встрѣчать по другой дорогѣ. Въ 9 час. утра переѣхали рѣку Кострому на лодкѣ и направились прямо въ соборъ, который былъ переполненъ народомъ. Впереди стояли губернаторъ Войцехъ, въ военномъ мундирѣ, адъютантъ, полицеймейстеръ, вице-губернаторъ Брянчаниновъ, предсѣдатель казенной палаты Голоушевъ и многіе другіе. Слышался громкій шопотъ и замѣчанія. Многіе высказывали свое первое впечатлѣніе о владыкѣ.

— Всѣ манеры Филарета, но только однѣ манеры, а выраженія въ лицѣ никакого нѣтъ.

— Одно смиреніе и больше ничего. Знаемъ его мы весь родъ. Ни одного умнаго.

— Лицо однако у него замѣчательное, какъ бы дышитъ святостью.

— Братъ тоже у него смирный, а какой изъ него толкъ. Я его знаю. Учился вмѣстѣ съ нимъ...

Такія замѣчанія слышались съ разныхъ сторонъ. Вышелъ владыка и сказалъ слово на ту тему, что благодать Господня будетъ только тогда, когда будетъ полное согласіе и единеніе между пастыремъ и пасомыми. По возвращеніи въ монастырь, въ покояхъ владыки застали много разнаго народа. На другой день, 10 октября, я пошелъ осматривать монастырь, который основанъ предкомъ Годунова, татарскимъ княземъ Четомъ въ 1334 году. Въ церкви св. Михаила на правомъ клиросѣ стоитъ старый рѣз-

ной кипарисовый тронъ, на которомъ вѣнчался на московское царство Михаилъ Ѳедоровичъ. Въ ризницѣ было много рѣдкихъ книгъ. Отецъ ризничій показывалъ мнѣ лицевую живописную псалтирь, рукописное старинное евангеліе, ризы, вышитыя жемчугомъ руками Ксеніи Годуновой, митры и прочее. Въ ризницѣ, кладовыхъ и даже въ подвалахъ подъ колокольней валялись въ безпорядкѣ по полу много раскольничьихъ книгъ и иконъ безъ ризъ, отобранныхъ у купца-раскольника Пупырина и другихъ. Мнѣ было грустно смотрѣть на эти иконы, передъ которыми прежде такъ много возносилось Творцу горячихъ молитвъ. Эти книги и иконы консисторскіе чиновники вмѣстѣ съ монахами постепенно по секрету продаютъ раскольникамъ, выручая большія деньги.

Осматривалъ келью, гдѣ имѣлъ пребываніе Михаилъ Ѳедоровичъ со своею матерью. Изъ кельи выходъ на крыльцо съ каменными ступенями, на которыхъ стоятъ старыя пищали, нѣкогда отражавшія враговъ. Покои Михаила Ѳедоровича состоятъ изъ продолговатой передней и двухъ маленькихъ комнатъ. Стѣны увѣшаны портретами, картинами и гравюрами. Мебель была временъ Екатерины и поставлена была туда во время путешествія императрицы по Волгѣ.

Когда всѣ начальствующія и другія лица перебывали у владыки, въ монастырѣ настала скука и тишина. Слоняясь безъ дѣла, я выходилъ на террасу, садился на скамейку и курилъ. Слышался шелестъ могучихъ вѣковыхъ кедровъ, шумѣла рѣка Кострома, издали доносился рокотъ Волги. Кругомъ тишина. Скучно. Я пошелъ къ преосвященному и попросилъ отпустить меня, такъ какъ я желалъ побывать еще у отца. Владыка на прощанье мнѣ сказалъ, что въ томъ случаѣ, если меня освободитъ барыня, онъ будетъ радъ всегда имѣть меня при себѣ. Давъ мнѣ 25 руб., псалтирь и разныя книги, онъ благословилъ меня образомъ. Прощаясь дружески съ Вуколомъ, я пожелалъ ему успѣха въ сборѣ денегъ.

— Слава Богу, я собралъ уже здѣсь за эти дни сотни три,— отвѣтилъ онъ весело.

На почтовой станціи я нашелъ попутчика, офицера кинешемскаго гарнизона, съ которымъ и поѣхалъ. Офицеръ, какъ сѣлъ, такъ сейчасъ же и заснулъ. Я же раздумывалъ о своей поѣздкѣ и о своей судьбѣ. Дорога была ужасная. Это была не грязь, а просто рѣка грязи. Невольно мнѣ пришли на память стихи Вяземскаго:

Дорога наша—садъ для глазъ,
Деревьевъ рядъ, канавы;
Работы много, много славы;
Но жаль,—проѣзда нѣтъ подъ часъ.

Въ Кинешмѣ офицеръ предложилъ переночевать у него на квартирѣ, но я отказался и остановился въ гостиницѣ. Тамъ я прочиталъ наконецъ «Московскія Вѣдомости», газету, которую давно не видѣлъ. На Дунаѣ начались сраженія, турки безчело-

вѣчно рѣжутъ нашихъ плѣнныхъ, а Англія и Франція шлютъ свой флотъ въ Черное море. Изъ Кинешмы нанялъ мужика и отправился въ родную деревню. Добрался только въ два часа ночи. Всѣ уже спали. Я постучалъ въ окно и услышалъ взволнованный голосъ отца: «Это ты, батюшки, Ѳедя».—«Я, я». Не могу до сихъ поръ забыть этой радостной встрѣчи. Объятія, поцѣлуи. Скоро вся изба наполнилась сосѣдями. Начиная со слѣдующаго дня, меня наперерывъ каждый звалъ къ себѣ въ гости, и бурмистръ, и староста, и крестьяне. Вѣдь я былъ не кто-нибудь, я былъ тотъ, который сопровождалъ по губерніи преосвященнаго по рекомендаціи своей помѣщицы. Слѣдовательно, былъ на хорошемъ счету у нея. На другой день служилъ панихиду на могилѣ моей бѣдной матушки. Братъ Савелій былъ женатъ. Онъ обвѣнчался тайкомъ съ молодой здоровой бабой, бѣжавшей отъ родителей. Братъ Иванъ хотѣлъ жениться на дѣвицѣ лѣтъ 30, но та не давала своего согласія. Поэтому онъ обратился ко мнѣ за помощью. Хотя я, читая «Современникъ» и другіе журналы, былъ другихъ воззрѣній и находилъ, что нельзя силою выдавать замужъ, но захотѣлъ помочь брату и сказалъ о желаніи брата бурмистру и старостѣ. Тѣ сказали, что свадьбу устроятъ. 28 октября съѣздилъ къ невѣстѣ брата, и свадьба была рѣшена. Причту было дано 4 рубля, 2 бутылки водки и 1 бутылка наливки. Невѣсту привезли силой и, несмотря на ея слезы, обвѣнчали. Грустная была свадьба, несмотря на пьянство и стрѣльбу... Приходилъ священникъ съ дьякономъ разспрашивать о преосвященномъ. Удивлялись его строгой жизни, воздержанности—и сами напились. Однако пора было ѣхать въ Москву. Бурмистръ далъ 10 рублей на дорогу, и 30 октября я распрощался съ родными и уѣхалъ. Черезъ Шую дотащился до г. Владимира. Тамъ остановился и сейчасъ же пошелъ въ театръ. Играли пьесу «Съѣхались, перепутались и разъѣхались» и «Артисты между собой». Ложи были пустыя, въ креслахъ народу было много и раекъ былъ полонъ. Хотя играли хорошо, но театръ былъ маленькій, въ райкѣ были всѣ пьяны и мнѣ казалось, что я былъ не въ театрѣ, а балаганѣ. 6 ноября пріѣхалъ въ Москву. Прежде, чѣмъ итти домой, отправился въ трактиръ и вызвалъ туда кучера Авдея. Узналъ, что барыня въ Петербургѣ.

IX.

Война съ турками.—Отправленіе сына барыни на войну и возвращеніе его раненымъ.—Жестокое обращеніе нѣкоторыхъ помѣщиковъ съ людьми.—Смерть императора Николая I.—Паденіе колокола.—Закревскій и Колесовъ.—Вѣсти изъ Севастополя.—Театръ.

Съ возвращеніемъ барыни изъ Петербурга жизнь наша пошла обычнымъ путемъ до 27 января 1854 г., когда мы провожали выступающій въ Одессу Владимирскій полкъ, въ которомъ слу-

жилъ сынъ барыни, Александръ Петровичъ. Послѣдній еще не поправился отъ горячки и лежалъ въ постели больной. Къ намъ пріѣхали полковникъ Ковалевъ и много офицеровъ. Прощались и пили шампанское. Часовъ въ 11 утра мимо крыльца прошелъ весь полкъ и всѣ уѣхали. 19 февраля выздоровѣвшій Александръ Петровичъ выѣхалъ догонять полкъ; я поѣхалъ его провожать. Черезъ Тулу мы пріѣхали въ Орелъ 21 февраля, и въ этотъ же день вступилъ туда и полкъ. Александръ Петровичъ пошелъ съ полкомъ дальше, на войну, а я отправился назадъ въ Москву.

Въ іюнѣ ѣздили съ барыней въ Троицкую лавру. Были въ гостяхъ у инспектора Виѳанской семинаріи Наѳанаила и пили чай около пруда, на которомъ катались въ лодкѣ семинаристы и пѣли «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Въ іюлѣ ѣздили съ барыней въ родную деревню Крапивново. Братъ Иванъ былъ скученъ. У него все шли нелады съ женой. Возвращались черезъ Кострому и заѣзжали въ гости къ владыкѣ. По дорогѣ къ Москвѣ перегоняли все время двигавшіяся къ югу войска. Въ Москвѣ только и говорили о войнѣ. Въ октябрѣ получилось офиціальное подтвержденіе слуховъ о сраженіи 8 сентября на Альмѣ. Четверть Владимирскаго полка уничтожена. Александръ Петровичъ, Зейдлеръ и полковникъ Ковалевъ ранены. Барыня ходитъ грустная. 25 декабря, въ 7 часовъ утра, пріѣхалъ раненый Александръ Петровичъ. Барыня, истерически рыдая, бросилась къ нему и долго держала его въ своихъ объятіяхъ. Сейчасъ же пріѣхали знакомые: Крюковы, Мерлины, Сабуровы и Борисовы. Всѣ интересовались послушать разсказъ живого свидѣтеля сраженія. Александръ Петровичъ говорилъ, что много пало нашихъ напрасно, вслѣдствіе необдуманности начальства. Александръ Петровичъ на Альмѣ былъ впереди съ застрѣльщиками. Не успѣлъ онъ подойти къ валу, какъ его ранили въ голову и онъ скатился внизъ.

Лечилъ его хирургъ Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ. О войнѣ всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что начата она необдуманно.

Теперь работы у меня было очень много. Пришлось ухаживать за раненымъ Александромъ Петровичемъ и завѣдывать хозяйственною частью, которая вся перешла ко мнѣ, и вести всю переписку. Даже отчетъ въ дворянскую опеку пришлось составлять мнѣ. Пріѣзжалъ братъ Савелій. Онъ привозилъ людей юрьевецкаго помѣщика Михаила Матвѣевича Поливанова, который долженъ былъ перемѣнить дворню. Поливановъ принудилъ переночевать у себя жену своего камердинера. Желая отомстить барину, мужъ, зная привычку барина отдыхать послѣ обѣда, поставилъ горшокъ съ порохомъ подъ его кровать и передъ концомъ обѣда зажегъ свѣчу и вставилъ ее въ порохъ. Уходя изъ спальни, онъ прихлопнулъ двери. Отъ сотрясенія свѣча упала, порохъ воспла-

менился и произошелъ страшный взрывъ. Вышибло окна и проломило потолокъ и часть крыши. Изъ людей пострадалъ одинъ только самъ камердинеръ. Его отбросило къ стѣнѣ и онъ найденъ былъ лежащимъ на полу безъ чувствъ. Слѣдствія и суда не было, такъ какъ Поливановъ этого не хотѣлъ, а камердинеръ былъ сданъ въ солдаты.

Много говорили тоже о случаѣ съ генераломъ фонъ-Менгденомъ. Онъ любилъ очень сѣчь людей. Поэтому каждый день искалъ случая, чтобы придраться къ кому-нибудь, разумѣется, находилъ предлогъ и поролъ. Наконецъ всѣ люди его остервенились. Въ одинъ день, когда онъ пришелъ въ конюшню смотрѣть, какъ будутъ сѣчь повара, человѣкъ 12 дворовыхъ набросились на него, связали и стали сѣчь. Онъ сталъ умолять освободить его отъ наказанія. Его отпустили, когда онъ далъ слово, а затѣмъ и подписку, что съ этого дня онъ никого наказывать не будетъ. Объ этомъ случаѣ онъ никому не говорилъ и больше уже людей не сѣкъ.

19 февраля въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» былъ напечатанъ бюллетень о болѣзни императора. Было напечатано, что онъ во время смотра простудился и заболѣлъ гриппомъ. 20 февраля 1855 г. въ Москвѣ стали говорить, что императоръ скончался 18 числа. Въ 2 часа дня раздался печальный звонъ колоколовъ и всѣ церкви стали наполняться народомъ слушать панихиду по скончавшемся императорѣ. Всѣ были унылы и молчаливы. Я ходилъ въ Рождественскую церковь. Во время чтенія манифеста всѣ плакали. Затѣмъ начался обрядъ присяги. Было слышно, что каждый присягалъ искренно, отъ всего сердца, выражая полную преданность и готовность положить жизнь за царя и отечество. Всѣ искренно молились и возносили желанія къ Богу о благополучномъ царствованіи вступившаго на престолъ императора.

Во время обѣда пріѣхалъ Митусовъ и сообщилъ, что при началѣ благовѣста упалъ большой колоколъ съ колокольни Ивана Великаго, продавилъ три пола и убилъ нѣсколько человѣкъ. Стали ходить слухи, что этотъ случай не къ добру. Другіе же говорили, что это знаменіе того, что случится что-то необыкновенно важное. Ждутъ окончанія войны.

23 февраля умерла Авдотья Назаровна Глушкова. Когда я пришелъ къ ней на квартиру 25 числа, она еще не лежала на столѣ. Въ квартирѣ былъ полный безпорядокъ, и вся дворня была пьяна. Послѣ ея смерти нашли денегъ только 4 рубля бумажками и 3 мѣдью.

Въ городѣ говорили, что государь, вступая на престолъ, заявилъ, что онъ будетъ заботиться объ улучшеніи быта крестьянъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ черезъ Москву идутъ все ратники, дружина за дружиной съ барабаннымъ боемъ и музыкой. Дворяне вооружаютъ на свой счетъ цѣлыя дружины, купцы жертвуютъ деньги

на пушки. Графъ Закревскій предложилъ городскому головѣ Колесову собрать съ московскихъ купцовъ на вооруженіе арміи 300 тысячъ. Подписка замедлилась. Графъ потребовалъ Колесова и спросилъ о причинѣ замедленія. Тотъ замялся и не зналъ, что отвѣтить. Графъ потребовалъ показать ему подписную книгу и, увидѣвъ, что Колесовъ подписалъ только 1000 рублей, прибавилъ къ цифрѣ два нуля и велѣлъ доставить всѣ 300 тысячъ черезъ три дня. Деньги полностью были доставлены.

Александръ Петровичъ получилъ орденъ св. Анны и темлякъ на шпагу. Его встрѣтилъ великій князь Николай Николаевичъ и долго разспрашивалъ о сраженіи, въ которомъ онъ былъ раненъ. Теперь онъ зачислился въ запасъ арміи.

О войнѣ только и говорятъ, но вѣсти все неутѣшительныя. 26 августа была такая телеграмма: «Съ каждымъ днемъ непріятельская армія усиливается прибывающими свѣжими войсками, нападенія ихъ становятся все сильнѣе и сильнѣе, и потери наши доходятъ до огромнаго размѣра. Нынѣшній уронъ людей съ нашей стороны доходитъ до 1000 человѣкъ. Если придется оставить сѣверную часть города въ рукахъ непріятеля, то онъ найдетъ въ ней одни окровавленные камни и развалины». Всѣ предполагали, что Севастополь уже въ рукахъ непріятеля и что телеграмма эта подготовительная. Вообще уныніе и недовольство. Ругали французовъ и англичанъ за то, что приняли сторону нехристей-турокъ. Возвратившіеся съ войны раненые разсказывали, что непріятель провелъ желѣзную дорогу и пушки подвозили съ моря прямо къ крѣпости. Солдатъ они хорошо кормятъ и поятъ ромомъ. Нашимъ же трудно приходится, потому что около Крыма болота и трудно добраться до Севастополя и доставить провизію. Той же, которая наконецъ доставляется, солдаты не радуются— гнилая. Въ газетахъ описываются геройства Щеголева, черноморскихъ моряковъ и солдатъ. Сердце радуется, но предчувствуетъ недоброе.

Вечеромъ пошелъ въ театръ. Шла нарочно написанная на тему о текущихъ событіяхъ пьеса. Семьи провожаютъ идущихъ на войну рекрутъ и плачутъ, а помѣщикъ (Самаринъ) воодушевляетъ ихъ и обѣщаетъ разныя льготы. Всѣ кричатъ, что готовы умереть за царя и отечество. Многіе изъ зрителей плакали.

Ходятъ всѣ невеселы—у кого сынъ убитъ, у кого братъ. Молодежь рвется все-таки на войну. Даже бывшій семинаристъ Смирновъ, который лѣтомъ занимался по русскому языку съ кадетами, и тотъ говоритъ: «Духовныхъ людей нынѣ тоже призываютъ на войну. Пошелъ бы я, да кончилъ дѣло, вышелъ изъ семинаріи. Хочу въ дьячки. А что, кстати, Ѳедя, не слышно ли отъ меня запаха водки». Онъ любилъ выпивать.

Александръ Петровичъ зимою сталъ часто ѣздить въ клубъ. Онъ тамъ играетъ въ карты и проигрываетъ. Барыня не знаетъ и очень тревожится, недоумѣвая, куда тратитъ онъ деньги, которыя постоянно у нея проситъ.

Я же продолжаю ходить въ театръ. 28 ноября, въ бенефисъ Шумскаго шла въ первый разъ пьеса Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинскаго». Играли: Муратова М. С. Щепкинъ, Кречинскаго С. В. Шумскій, Расплюева Садовскій. Театръ былъ полонъ. Хлопали, топали, кричали. Садовскій былъ такъ смѣшонъ, что публика хохотала до слезъ. Публика много разъ вызывала автора, но онъ не показывался, хотя и говорили, что онъ въ театрѣ. Передавали, что ему запрещено жить въ столицѣ. Когда я возвращался домой и шелъ по Сѣнной площади, домъ Сухово-Кобылина былъ весь освѣщенъ. Во дворѣ стояло много каретъ. Артисты и знакомые у него ужинали.

X.

Сватовство и свадьба Маріи Петровны.— Танѣевъ. — Встрѣчи севастопольскихъ героевъ.—Рязанскіе помѣщики.—Пріѣздъ государя.—Слухи о волѣ.—Самаринъ и Дружининъ. — Балъ у французскаго посла. — Фейерверкъ у Лефортовскаго дворца.—Увеличеніе оброка.

У Маріи Петровны два жениха сразу. Молодой человѣкъ Иванъ Яковлевичъ Оболенскій и полковникъ лейбъ-гренадерскаго полка Алексѣевъ. 5 января объявленъ былъ женихомъ Оболенскій, а 13 января я отнесъ ему письмо съ отказомъ. Нашли, что онъ слабъ здоровьемъ. Полковникъ Алексѣевъ торжествуетъ.

Вечеромъ 19 января былъ у насъ въ гостяхъ С. Н. Танѣевъ, сумасшедшій. Ему лѣтъ 50. Онъ румянится и на лбу большой кокъ. Всегда во фракѣ, который лоснится, и въ цилиндрѣ, который для блеска смазанъ масломъ. Желая посмѣяться, ему представили Марью Петровну подъ именемъ княжны Бобринской. Онъ величественно поклонился ей и спросилъ, любитъ ли она музыку. Она отвѣтила, что очень любитъ, и сейчасъ же заиграла пѣсню «Ты коса ль моя». Танѣевъ, закатывая глаза, сталъ пѣть. Потомъ ему предложили жениться на ней. Онъ спросилъ: «А въ какой мѣрѣ ея владѣнія».—«Тридцать тысячъ душъ».—«Это прекрасно, но родъ Бобринскихъ, кажется, изъ новыхъ, такъ сказать, только изъ дворянскихъ».—«Дѣдъ ея завоевалъ татаръ подъ Казанью».—«Такъ-то такъ, но я не могу смѣшивать кровь князей Владимирскихъ съ другими родами. Тѣмъ болѣе, что я въ скоромъ времени буду княжить во Владимирскомъ княжествѣ»... Танѣевъ живетъ одинъ въ мезонинѣ съ двумя крѣпостными лакеями и кухаркой на 50 руб. въ мѣсяцъ, которые высылаетъ ему братъ. Лакеямъ онъ назначилъ дежурство, но дежурилъ всегда одинъ Алексѣй, который занимался шитьемъ башмаковъ, другой же, Аполлонъ, тор-

говалъ книгами отъ книжнаго магазина Миллера на вокзалѣ. Каждый день баринъ спрашивалъ, почему нѣтъ слѣдующаго дежурнаго, и ему выдумывали какую-нибудь причину: то пошелъ на пожаръ, то медвѣдя смотрѣть и т. п. Баринъ успокоивался. Это продолжалось ежедневно въ теченіе лѣтъ шести. Въ день полученія денегъ отъ брата Танѣевъ шелъ обязательно въ баню. Деньги клалъ на голову подъ шляпу. Раздѣвшись, онъ съ шляпой на головѣ входилъ въ баню и требовалъ надушить комнаты. Брызгали духами и паръ поддавали мятной водой. Онъ снималъ шляпу и приказывалъ взять денегъ, сколько слѣдуетъ. Брали у него и на пиво и на водку, и поэтому баня ему всегда стоила не менѣе 10 рублей.

25 января была помолвка Марьи Петровны съ полковникомъ Алексѣевымъ, а 12 февраля была свадьба, на которой былъ губернаторъ Синельниковъ и много военныхъ и штатскихъ генераловъ. Была военная музыка, было много шампанскаго и великолѣпный ужинъ. Кондитеръ взялъ по 3 рубля съ персоны.

24 февраля, на масленой недѣлѣ, въ субботу, Москва встрѣчала севастопольскихъ героевъ-моряковъ. В. А. Кокоревъ поднесилъ хлѣбъ-соль. Онъ сталъ на колѣни, сдѣлалъ земной поклонъ и потомъ сталъ говорить о храбрости моряковъ и геройской защитѣ Севастополя. Для солдатъ было дано угощеніе, офицеровъ же чествовали сначала завтракомъ въ Эрмитажѣ, потомъ обѣдомъ въ дворянскомъ собраніи. У графа Закревскаго для нихъ былъ балъ. Послѣ этого былъ дневной спектакль, послѣ котораго на 30 тройкахъ моряки поѣхали въ Стрѣльну, гдѣ ихъ угощалъ обѣдомъ Кокоревъ.

Въ публикѣ идутъ споры о войнѣ. Одни говорятъ, что насъ побѣдили, Севастополь взяли и флотъ потопили, а другіе, что мы сами корабли потопили и что съ нами ничего не могли сдѣлать. 20 марта въ газетахъ помѣщена телеграмма о подписаніи мирнаго трактата въ Парижѣ. Всѣ радуются и ждутъ подробностей.

Ходилъ въ баню и тамъ отъ дворецкаго гг. Ивинскихъ наслышался много разсказовъ о рязанскихъ помѣщикахъ. Говорилъ, что помѣщикъ Еропкинъ, кромѣ оброка съ крестьянъ, бралъ столько, сколько хотѣлъ. Какъ только узнавалъ, что у кого-нибудь заводились деньги, сейчасъ же придирался къ какому-нибудь случаю и бралъ выкупъ, то за освобожденіе отъ обученія башмачному мастерству, то за освобожденіе отъ житья при дворѣ. Одинъ изъ его крестьянъ занимался извозомъ и имѣлъ до 30 лошадей. Онъ постоянно былъ въ отлучкѣ и рѣдко пріѣзжалъ домой къ братьямъ, которые тоже были хорошіе, исправные мужики. Пріѣхалъ онъ какъ-то домой во время поста и узналъ отъ старосты, что баринъ не только не дастъ ему больше паспорта, но даже хочетъ отобрать лошадей. Задумался мужикъ, посовѣтовался братьями и рѣ-

шилъ уѣхать немедленно безъ паспорта. Братья поѣхали его провожать. Не успѣли они цѣлымъ обозомъ отъѣхать верстъ пять, какъ ихъ догналъ баринъ съ дворовыми. Баринъ началъ было бить хлыстомъ мужика, а тотъ хватилъ его дубиною такъ, что тотъ упалъ безъ чувствъ. Начался было судъ, который, однако, пріостановленъ по желанію предводителя дворянства.

Помѣщикъ же Волховской очень любилъ дѣвушекъ и не пропускалъ ни одной. У него было правило, что выходившая замужъ дѣвица въ первую ночь должна была итти на поклонъ къ барину. Случилось, что вышла одна замужъ за смѣлаго парня, и онъ ее послѣ вѣнца не пустилъ къ барину, несмотря на присылку за нею сначала старосты, а потомъ лакея. Баринъ, разсерженный неповиновеніемъ, самъ прибѣжалъ за бабой. Мужъ отдулъ барина плетью и на другой же день былъ отправленъ въ городъ и сданъ въ солдаты.

Слушая разсказы эти, я вспомнилъ красивую Настю, которую сослалъ въ Сибирь ея баринъ Дурновъ за то, что она отказала ему въ его требованіяхъ и сошлась съ дворовымъ Ѳомой, отъ котораго забеременѣла. Я провѣдывалъ ее въ пересыльной тюрьмѣ. Въ сѣромъ зипунѣ она конфузилась и краснѣла, а у меня отъ жалости стояли слезы на глазахъ.

27 марта прибылъ въ Москву государь императоръ. 29 марта былъ въ манежѣ парадъ лейбъ-гренадерскаго полка и освященіе новаго знамени. 31 марта былъ парадъ на театральной площади. Я ходилъ за провизіею, остановился и вмѣстѣ съ другими сталъ ждать проѣзда государя. Вотъ раздалось громкое «ура» и пріѣхалъ государь. Онъ сѣлъ на коня, и войска стали проходить мимо него. Я былъ такъ воодушевленъ, что мнѣ опять захотѣлось быть солдатомъ и я готовъ былъ тотчасъ же итти сражаться.

Долго меня волновали разныя думы о волѣ. Господа между собою тихо и осторожно, чтобы прислуга не слышала, говорятъ по этому поводу. Государь щедрою рукою сѣетъ добро и милости... Заключилъ миръ, хотя мы могли бы еще долго бороться съ непріятелемъ. Освободилъ много заключенныхъ и возвратилъ многихъ изъ ссылки. Поэтому, можетъ быть, освободитъ и насъ. Тогда царствованіе его будетъ славное во вѣки вѣковъ...

Въ маѣ ходилъ къ нашимъ кадетамъ въ кадетскій корпусъ. Проходя черезъ садъ, я остановился у бесѣдки, на которой прочелъ надпись: «Сей памятникъ на мѣстѣ отдохновенія Петра I, сооруженный по повелѣнію Александра I». Я долго стоялъ и смотрѣлъ на то мѣсто, на которое ступала нога Петра Великаго, исторію котораго я прочиталъ недавно. Мое воображеніе унесло меня въ давно прошедшее время и мимо меня прошли Меншиковъ, Лефортъ, Шереметевъ и другіе.

5 іюля, по случаю именинъ Сергѣя, мы, дворовые, сидѣли во дворѣ и пили чай и пиво. Мимо насъ прошелъ Иванъ Васильe-

вичъ Самаринъ, поклонился, крикнулъ: «Пируете», и далъ Сергѣю 30 коп. Хотя онъ и бывшій дворовый, но какой онъ умный и знающій. Недавно меня посылалъ къ нему П. А. Дружининъ передать ему тетрадь для просмотра его комедіи. На другой день Самаринъ возвратилъ тетрадь и прислалъ Дружинину записку слѣдующаго содержанія: «Съ удовольствіемъ прочиталъ и нашелъ много интереснаго и много мыслей, но жаль, что въ сценическомъ отношеніи неудовлетворительна и требуетъ много передѣлокъ».

17 августа 1856 г. былъ торжественный въѣздъ императора въ Москву, 23-го герольды объявили о днѣ коронованія и 27-го совершилась коронація. 4 сентября былъ обѣдъ отъ купечества въ манежѣ и 8 сентября былъ обѣдъ для народа на Ходынкѣ. Приготовлены были цѣлые бараны жареные, гуси и проч. и много водки. Такъ какъ былъ сильный дождь, я не пошелъ. Отъ ходившихъ слышалъ, что давка и свалка была невообразимая. Еще до пріѣзда государя все растащили. Кому достались куски, разсказывали, что все было тухлое. Сейчасъ же пошли толки, что графъ Закревскій потому и допустилъ моментально все расхватать, что узналъ о недоброкачественности угощенія. 18 сентября государь былъ на балу у французскаго посла, графа Морни. Такъ какъ въ квартирѣ его, въ домѣ Римскаго-Корсакова, у Страстного монастыря, залъ былъ не особенно великъ, онъ былъ увеличенъ временной пристройкой во дворѣ. Стѣны были обтянуты шелковой матеріей и убраны цвѣтами. Внутри было множество тропическихъ растеній. Снаружи весь домъ былъ роскошно иллюминованъ. Какъ я былъ доволенъ, что мнѣ удалось попасть на иллюминацію и фейерверкъ у Лефортовскаго дворца. Со стороны поля былъ приготовленъ фейерверкъ въ видѣ Тріумфальныхъ воротъ, Нарвскихъ воротъ, памятника Сусанина и прочее. Тутъ же стояли мельницы, деревья и разныя фугуры. Вечеромъ, когда уже было темно, издалека послышалось громкое «ура», и заблистали бенгальскіе огни, сопровождавшіе государя. Съ крыши дворца изъ слухового окна полились на площадь лучи электрическаго солнца. Говорили, что артиллерійскій генералъ сжигалъ алмазъ, стоящій 10 тысячъ рублей. Вся площадь огласилась потрясающимъ «ура», и заиграла музыка. Государь, съ государынею вышли на балконъ. Государыня сама поднесла огонь къ проволокѣ, по ней полетѣла птичка къ кусту, который весь вспыхнулъ. Отъ куста по фосфорнымъ ниткамъ побѣжалъ огонь въ разныя стороны, и въ 5 минутъ вся огромная площадь была иллюминована великолѣпно. Музыка была необыкновенная. Играли 1000 музыкантовъ и пѣли 1000 пѣвчихъ. Отъ капельмейстера шли проводы къ пушкамъ и колоколамъ и время отъ времени палили пушки и звонили колокола. Въ это время стали разрываться съ трескомъ надъ головами ракеты и бураки и одинъ за другимъ сгорать разныя ворота, памятники и фигуры. Земля дро-

жала. Слышались крики и истерическія взвизгиванія барынь. Многія изъ нихъ падали въ обморокъ. Впечатлѣніе было громадное, но пришлось простоять 4 часа и потомъ итти пѣшкомъ 7 верстъ и потому усталъ неимовѣрно...

Наступилъ октябрь, и барыня увеличила оброкъ. Велѣла написать въ варпавинское имѣніе о присылкѣ 3 пудовъ меду и 100 паръ рябчиковъ и въ юрьевецкое о присылкѣ 300 аршинъ холста и бѣлыхъ грибовъ и малины сушеной—пудъ. Хочетъ также барыня продать домъ, за который назначила цѣну 12,000 руб. Приходилъ комиссіонеръ, поговорилъ о продажѣ дома и стащилъ изъ буфета серебряныя ложки.

Наступаетъ конецъ года. Мнѣ приходитъ на мысль, что пока я любовался и восхищался парадами и иллюминаціями, люди сумѣли нажить деньги. Знакомый офиціантъ, который на своемъ вѣку не прочелъ ни одной книги, покупалъ, во время коронаціи, отъ придворныхъ лакеевъ вино и перепродавалъ ихъ по двойнымъ цѣнамъ. Торговецъ Кочетковъ поставилъ ко двору матрацы и нажилъ 40 тысячъ. Припомнился мнѣ и с.-петербургскій портной Кочетовъ, который послѣ смерти императора Николая I скупилъ всѣ траурныя матеріи и нажилъ большія деньги. Я же сижу безъ денегъ.

Барыня ходитъ разстроенная. Она не желаетъ, чтобы Александръ Петровичъ женился на бѣдной дѣвушкѣ Русановой и не дала своего согласія на этотъ бракъ.

XI.

Продажа дома.—Разсужденіе о волѣ.—Смерть Демидова и раздѣлъ наслѣдства.—Поѣздка въ Зарайскъ. — Разговоры по поводу слуховъ объ освобожденіи крестьянъ.—Стихи.—Разсужденіе о дворовыхъ людяхъ.—По поводу смерти Грановскаго.—Смерть художника Иванова.—Ложный Извольскій.—Обѣдъ литераторовъ.

Продали домъ Кочеткову за дешевую цѣну, всего за 10 тысячъ. Квартиру наняли у Локошникова, на Тверской ул., за 570 руб. въ годъ. Не успѣли переѣхать на новую квартиру, какъ стало бывать много гостей. Всѣ постоянно твердятъ, что крестьянъ отпустятъ на волю.

Преосвященный Филоѳей переводится изъ Костромы въ Тверь. Пріѣзжалъ въ Москву и былъ въ гостяхъ у барыни. Провожалъ его на вокзалъ. Возвращаясь домой, проходилъ мимо продавцевъ вербъ и птицъ, купилъ жаворонка и выпустилъ на волю. Онъ взвился, закружился и запѣлъ. Можетъ быть, и насъ царь освободитъ, и мы свободно взовьемся и полетимъ. Куда? Куда, напримѣръ, я полечу? Родные всѣ умерли. Остался лишь братъ пьяница да старая изба съ пустымъ дворомъ. Слѣдовательно, все равно придется оставаться жить у господъ. Развѣ преосвященный Филоѳей возьметъ меня...

Барыня попрежнему ѣздитъ часто по монастырямъ, а я все хожу въ театръ.

10 іюля 1857 г. были похороны дяди Марьи Александровны, Лавра Львовича Демидова. Въ то время, когда онъ брился, онъ упалъ со стула и умеръ. Послѣ него осталось большое состояніе, тысячъ въ 200, большой домъ и цѣлые табуны лошадей. Онъ очень любилъ лошадей и верховую ѣзду. Обыкновенно по Москвѣ онъ ѣздилъ верхомъ. За нимъ всегда шелъ конюхъ, который не долженъ былъ отставать, хотя бы баринъ ѣхалъ рысью. Если баринъ, оглянувшись, замѣчалъ, что конюхъ отсталъ, онъ наказывался розгами. Доѣхавъ до Кузнецкаго моста, баринъ слѣзалъ съ лошади, входилъ въ какой-нибудь магазинъ, торговался и, ничего не купивъ, возвращался домой.

Изъ Нижегородской губерніи пріѣхалъ родной братъ барыни, Александръ Васильевичъ Демидовъ. За обѣдомъ онъ разсказывалъ о своемъ покойномъ отцѣ, умершемъ на девятомъ десяткѣ. Онъ велъ очень воздержанную и аккуратную жизнь, но былъ очень строгъ. Людей онъ наказывалъ постоянно. Любилъ онъ, напримѣръ, телячью почку. Когда лакей обносилъ блюдо, одинъ изъ гостей взялъ эту почку себѣ. На другой же день лакей былъ сданъ въ солдаты.

4 сентября хоронили архимандрита, ректора Виѳанской семинаріи. О немъ разсказывали, что онъ пріучилъ мышей подбѣгать къ столу во время его обѣда. Онъ обыкновенно бросалъ имъ кусокъ сыра, который онѣ тутъ же и съѣдали. Однажды пріѣхавшая къ нему барыня, увидѣвъ мышей, страшно перепугалась, бросила чашку съ чаемъ на полъ и сама вскочила на диванъ.

Въ концѣ сентября происходилъ раздѣлъ имущества между наслѣдниками Демидова. Петръ Львовичъ отказался отъ причитающейся ему части наслѣдства въ пользу остальныхъ сонаслѣдниковъ. Въ это время Аграфена Александровна не дала его управляющему сѣна для лошадей и въ сѣдлѣ, которое выбралъ себѣ Петръ Львовичъ, замѣнила серебряныя стремена простыми. Когда Петръ Львовичъ узналъ объ этомъ, онъ разсердился и потребовалъ свою часть, равняющуюся 30.000 руб. Всѣ заахали и накинулись на Аграфену Александровну; но было уже поздно. Петръ Львовичъ взялъ деньги и всѣ распредѣлилъ между дворнею покойнаго.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ зарайское имѣніе И. С. Дурново къ Аграфенѣ Александровнѣ съ письмомъ по дѣлу о раздѣлѣ между нею и М. П. Алексѣевой наслѣдственнаго имѣнія Авд. А. Демидовой. Когда я пріѣхалъ въ г. Подольскъ, всѣ жители были на улицѣ. Ждали проѣзда великаго князя Михаила Николаевича. Скоро пролетѣлъ фельдъегерь, а затѣмъ пріѣхалъ и великій князь. Онъ вылѣзъ изъ коляски, подошелъ къ стоявшимъ въ

строю артиллеристамъ, поздоровался съ ними, поговорилъ съ офицерами и сейчасъ же уѣхалъ. Проѣхавъ черезъ утопающій въ грязи Зарайскъ, добрался наконецъ до Истоминки. Пока Аграфена Александровна разсматривала бумаги, я сидѣлъ въ дѣвичьей. Аграфена Александровна объявила, что она обдумаетъ и подпишетъ бумаги на слѣдующій день, и оставила ночевать. Въ дѣвичьей сидѣли экономки и двѣ дѣвушки, Аксюша и Катя. Тамъ же лежалъ журналъ «Русскій Вѣстникъ», который читала Катя. Я сталъ просматривать журналъ, а потомъ читать вслухъ повѣсть и читалъ до двухъ часовъ ночи. Катѣ 18-й годъ и она очень красива. Скоро ее будутъ звать Екатериной Яковлевной, такъ какъ она замѣчена сыномъ Аграфены Александровны, молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, и ее пошлютъ къ нему въ Петербургъ.

Возвратившись въ Москву, прочиталъ стихотворенія Кольцова и самъ сталъ писать стихи. Теперь пишу стихи подъ заглавіемъ: «Пріѣздъ мой въ Москву».

Въ декабрѣ (1857 г.) прислуживалъ на вечерѣ у Н. А. Усова. Было много гостей и очень много разговаривали по поводу дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, занимающихся разсмотрѣніемъ вопроса объ устройствѣ крестьянъ. Въ трактирѣ у Тріумфальныхъ воротъ собравшіеся дворовые разныхъ господъ читали напечатанное въ газетахъ предложеніе нижегородскому дворянству заняться разсмотрѣніемъ вопроса объ устройствѣ быта крестьянъ. По этому поводу много разговаривали.

— Это доказательство, что будетъ скоро воля,—сказалъ одинъ.

— Ну, этого нельзя сказать. Пока идутъ одни только разсужденія,—отвѣтилъ другой.

— Какія разсужденія,—вмѣшался Ивинскій поваръ. Воля непремѣнно будетъ, потому что и французъ при заключеніи мира совѣтовалъ это сдѣлать. А то, говоритъ, будете вы хуже турокъ.

— А что это значитъ, что помѣщикамъ будетъ предоставлена полицейская власть,—спросилъ кто-то.—Вѣдь полиція и теперь есть и поретъ розгами отлично.

— А ты подержи лучше языкъ за зубами, — посовѣтовалъ кондитеръ.

— Говорятъ, что воля объявлена будетъ по всей Россіи въ три дня, будутъ разъѣзжать герольды и читать манифестъ. Говорятъ, что все уже готово и помѣщики знаютъ, только молчатъ.

— Говорятъ, что, кромѣ воли, дворовымъ дадутъ землю и каждому по 100 р.,—замѣтилъ поваръ.—Я земли не возьму, спрошу чистыя деньги. Я первымъ дѣломъ куплю штофъ водки, подойду къ кабинету барина и при немъ выпью стаканчикъ за здоровье государя императора. Барину же пожелаю всего хорошаго.

— Какъ освободятъ, самъ присмирѣешь.

Такіе шли разговоры.

Однажды, когда у барыни были гости, она позвала меня и велѣла подать для прочтенія мои стихи: «Какъ я пріѣхалъ въ Москву». Илья Васильевичъ Селивановъ прочиталъ ихъ, назвалъ меня поэтомъ и подарилъ мнѣ свое сочиненіе «Провинціальныя воспоминанія». Барынѣ нравились мои стихи, такъ какъ въ нихъ я восхищался ея красотою. 31 декабря я, какъ и въ предыдущіе дни, леталъ въ облакахъ. Встрѣчая новый годъ, меня призвали и велѣли прочитать сочиненные мною стихи:

Что-то новый годъ готовитъ,
Что-то, что-то онъ пошлетъ,
Бѣда новая изловитъ,
Или счастье меня ждетъ и т. д.

Господа, слушая меня, хвалили и дали выпить бокалъ шампанскаго. Я былъ безконечно счастливъ и пересталъ думать о волѣ. Благодаря тому, что барыня разрѣшаетъ мнѣ часто отлучаться, я взялся устроить свадебный ужинъ у священника, выдававшаго дочь замужъ. За ужинъ на 60 человѣкъ взялъ 106 р. и выручилъ 20 рублей.

По случаю масленицы обѣдали у барыни гости, и разговоръ шелъ о крестьянахъ. Барыня доказывала, что рабство установлено Богомъ. Рабство заведено искони и о немъ упоминается и въ Библіи и въ Евангеліи. Признаться по душѣ, мнѣ лично хорошо живется. Поэтому будь, что будетъ. Видѣлъ сонъ, что какой-то голосъ говорилъ: «Капитолій младшій родился въ податномъ состояніи и впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ, важнымъ лицомъ и сочинителемъ». Существовалъ ли когда-нибудь Капитолій, не знаю. Служилъ панихиду по умершемъ Сергѣѣ, камердинерѣ. Несмотря на то, что ему было 30 лѣтъ, ему не было другого имени, какъ «Сережка». Кто заслужитъ другое имя, на того всѣ дворовые злятся.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» прочиталъ статью гр. Толстого. Онъ пишетъ: «Лакейство и всѣ дворовые начали огрызаться. Это уже становится невыносимымъ. Хоть бы поскорѣе освободили насъ отъ этихъ тунеядцевъ». Меня эта статья очень оскорбила, и я хотѣлъ было написать отвѣтъ. У меня роились мысли и возникали вопросы. Кто же другой, какъ не сами помѣщики, создали этотъ классъ людей и пріучили ихъ къ тунеядству. Кто заставлялъ ихъ дармоѣдничать, ничего не дѣлать и спать въ широкихъ передняхъ господскихъ хоромъ. Развѣ кто-либо изъ дворовыхъ могъ жить такъ, какъ хотѣлъ. Живутъ такъ, какъ велятъ. Отрываютъ внезапно отъ земли и дѣлаютъ дворовымъ, обучая столярному, башмачному или музыкальному искусству, не спрашивая, чему онъ желаетъ обучаться. Изъ повара дѣлаютъ кучера, изъ лакея—писаря или пастуха. Каждый, не любя свои

занятія, жилъ изо дня въ день, не заботясь о будущемъ. Да и думать о будущемъ нельзя, потому что во всякую минуту можно попасть въ солдаты или быть сосланнымъ въ Сибирь. Такихъ господъ, какъ моя барыня, мало. Меня чуть ли не каждый день и въ театръ отпускаютъ и позволяютъ зарабатывать копейку службою въ двухъ домахъ. Статьи все-таки не написалъ, несвоевременно. Однако теперь каждое повышеніе тона барыни и ея сына меня вгоняетъ въ краску. Мнѣ думается, что и на меня смотрятъ, какъ на тунеядца и на дармоѣда.

Въ «Русской Бесѣдѣ» читалъ статью Григорьева о Грановскомъ. Григорьевъ освѣщалъ характеръ и дѣятельность только что покинувшаго міръ человѣка мрачнымъ факеломъ. Онъ безцеремонно объясняетъ и причину своего на него неудовольствія. Грановскій, уѣзжая за границу, не исполнилъ какого-то даннаго ему обѣщанія. Порицая поведеніе Грановскаго, Григорьевъ указываетъ на его праздную жизнь и въ Москвѣ и за границей и на страшную его лѣность. «Учился онъ, говоритъ, не по-нашему, а урывками, безъ системы и умѣетъ лишь щеголять пышными фразами». Я удивился такой безцеремонной статьѣ.

Повѣрялъ вотчинныя бумаги. Въ юрьевецкой вотчинѣ земли 1648 дес., т. е. около 6 десятинъ на душу. Всѣ господа провѣряютъ землю для соображенія. Полученъ оброкъ изъ варнавинской вотчины 1286 р. и юрьевецкой 1273 р. Барыня довольна. Пріѣзжалъ бурмистръ и говорилъ, что собираются свѣдѣнія о количествѣ крестьянскихъ угодій и оброка. Повидимому, надо ожидать освобожденія крестьянъ. Читалъ сочиненія Ломоносова и его біографію. Вотъ это былъ человѣкъ съ великимъ умомъ и твердой волей. Одолѣлъ всѣ препятствія и вышелъ въ люди. Для отмѣченнаго Богомъ нѣтъ преградъ, нѣтъ крѣпостного права. Онъ свободенъ. На душѣ нехорошо. Чувствую, что я дерзко отвѣтилъ барынѣ. Она сдѣлала замѣчаніе за недосмотръ, за то, что собакѣ не дали приготовленныхъ костей, и добавила, что если бы это случилось при ея покойномъ отцѣ, то меня выпороли бы. Я отвѣтилъ: «На вашемъ мѣстѣ я не позволилъ бы себѣ относить такія воспоминанія къ отцу». Барыня сказала только, что я сталъ забываться...

На дняхъ читалъ физику Щеглова. Умъ человѣческій всему вывелъ законы. Эта наука отрезвила меня отъ поэзіи и объяснила мнѣ много непонятнаго.

Въ «Эрмитажѣ» показывали Юлію Пастрану, женщину-урода съ бородой. Ѣздятъ смотрѣть ее множество господъ. Выманиваютъ лишнія деньги.

Кончина художника Иванова меня огорчила. Я недавно смотрѣлъ его картину «Явленіе Христа народу». Казалось мнѣ, что я вижу живыхъ людей. Имя его будетъ незабвенно многіе вѣка.

Пишу все стихи и даже говорю риѳмами. Заходилъ къ А. М. Смирнову показать мои стихи. Онъ прочиталъ и сказалъ: «Однѣ риѳмы, братъ. Много грусти и мало мысли и чувства»...

Съ Китаемъ заключили договоръ о границахъ и къ намъ перешла цѣлая область. По-моему, нѣтъ въ этомъ большого выигрыша. Новый край надо заселить, укрѣпить и защищать. Слѣдовательно, надо много расходовъ и затратъ. Другія же государства будутъ завидовать и точить зубы.

Появившаяся въ августѣ 1858 г. комета все увеличивается. Хвостъ длинный, большой. Народъ говоритъ, что либо къ войнѣ, либо къ повальнымъ болѣзнямъ.

Я очень смущенъ. Увидѣвъ, какъ я горячо благодарю Сущеву, барыня замѣтила, что доброта своихъ господъ не цѣнится и что у чужихъ господъ готовъ ноги лизать. Мнѣ обидно, потому что барыню люблю и цѣню.

Встрѣтился съ землякомъ. Онъ говорилъ, что мужички боятся, что они, получивъ освобожденіе, останутся безъ земли. Боятся, что господа не отдадутъ той земли, которая куплена на ихъ деньги, что на имя господъ.

Читалъ сочиненія Жуковскаго. Сколько кротости душевной, свѣтлаго ума и любви.

Какъ-то днемъ раздался неожиданно сильный звонокъ въ передней. Выбѣгаю и встрѣчаю какого-то развязнаго молодого человѣка. «Марія Александровна у себя?» спрашиваетъ.—«Дома», отвѣчаю.—«Ну, и слава Богу. Доложите, что по нужному дѣлу чиновникъ гражданской палаты Извольскій». Я доложилъ барынѣ. Она сказала, что никакого Извольскаго не знаетъ, но велѣла пустить. Не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ бросился передъ барыней на колѣни и сталъ говорить, что онъ отставной чиновникъ, обремененный семействомъ, наслышанъ о ея добротѣ и прочее. Барыня дала ему 10 рублей. Не успѣлъ онъ уйти, какъ пріѣхалъ П. И. Крюковъ и разсказалъ, что этотъ господинъ подъ разными именами уже у многихъ господъ выманилъ деньги. Вотъ такъ пройдоха.

28 декабря (1858 г.) былъ въ клубѣ обѣдъ литераторовъ, на которомъ были Катковъ, Погодинъ, Кокоревъ и другіе,—всего человѣкъ сто. Открыто говорили въ защиту освобожденія крестьянъ, говорили, что комиссіи работаютъ, а дворяне тормозятъ дѣло. Кокоревъ говорилъ рѣчь, которую сочинилъ М. П. Погодинъ и за которую, разсказываютъ, онъ заплатилъ 10 тысячъ. Все, что говорилось въ клубѣ, стало извѣстнымъ и обсуждалось въ дворянскомъ клубѣ. Воейковъ сердился и говорилъ, что собрались разсуждать о чужихъ дѣлахъ голоштанники, которыхъ надо разогнать метлой поганой.

XII.

Взысканіе оброка.—Описаніе купеческихъ свадебъ.—Пожары.—Шамиль.—Встрѣча новаго года.—Столкновеніе съ барыней.—Чтеніе книгъ.

Въ январѣ полученъ ярославскій оброкъ 1600 рублей. Это въ первый разъ изъ доставшагося по наслѣдству имѣнія послѣ смерти Петра Ивановича Демидова. Покойный не любилъ, чтобы оброкъ не вносился въ срокъ. Въ противномъ случаѣ староста вызывался въ Москву, ему обривали голову и заставляли мести дворъ до тѣхъ поръ, пока новый староста не привозилъ оброка. Иногда же бывали случаи, что П. И. Демидовъ списывалъ со счета оброкъ за цѣлый годъ, прощалъ.

Въ теченіе января мѣсяца нанимался нѣсколько разъ кондитерами и прислуживалъ на купеческихъ свадьбахъ. Всѣ купеческія свадьбы похожи одна на другую. Обыкновенно въ 8 ч. вечера пріѣзжаютъ сразу новобрачные и гостей человѣкъ сто. Сначала подаютъ шипучее донское, выпивъ которое, всѣ садятся и молчатъ, сложивъ руки. Разносится чай, послѣ котораго ставятся на столъ закуска, водка и вина. Какъ только отопьютъ чай, всѣ встаютъ и молча толпою двигаются къ закускѣ. Долго ѣдятъ и пьютъ, преимущественно водку смирновку. Начинаетъ играть музыка и разносится дессертъ: разрѣзанные яблоки и апельсины, виноградъ, леденцы въ бумажкахъ и орѣхи. Во время начавшихся танцевъ подаютъ оршадъ, лимонадъ и мороженное. Танцуютъ довольно оригинально: двигаются какъ-то неуклюже, точно автоматы, и иногда выкидываютъ неожиданныя колѣнца, какіе-то скачки. Иногда приглашались танцовать и дирижировать изъ балета Шашкинъ, Ершовъ и Ширяевъ, которымъ платили за вечеръ по 15 руб. Гости, въ свою очередь, давали имъ деньги, такъ что собирали они рублей по 25. Въ другихъ комнатахъ играли въ стуколку и трынку на большія деньги. Почти всегда во время игры происходили недоразумѣнія. Замѣчали чью-нибудь нечестную игру. Начинали тогда спрашивать, кто такой, чей гость—со стороны жениха или невѣсты. Когда оказывалось, никто не знаетъ такого, что это явившійся безъ приглашенія шулеръ, его торжественно выводили вонъ. Такъ какъ каждый купецъ старался, чтобы его свадьба была не хуже другихъ, заботились прежде всего о томъ, чтобы было какъ можно больше гостей. Если на чьей-либо свадьбѣ были офицеры и гимназисты, то и на слѣдующую непремѣнно приглашались и офицеры и гимназисты. Свадебный пиръ считался очень торжественнымъ, если на немъ былъ генералъ. За нимъ посылали особую карету, торжественно встрѣчали и сажали на самое почетное мѣсто. Около двухъ часовъ ночи садились ужинать. По заранѣе составленной запискѣ офиціантомъ провозглашались тосты. Послѣ множества блюдъ обязательно ставилось эффект-

ное блюдо: желе съ горящей стеариновой свѣчой по срединѣ. Вина пили очень много. Подъ конецъ ужина многіе забывали о вилкахъ и ѣли руками, а также сморкались въ салфетки. Свалившихся со стула убирали въ другія комнаты. Начинался страшный шумъ, такъ какъ, кромѣ громкихъ разговоровъ, многіе начинали пѣть «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Музыка начинала играть «По улицѣ мостовой», и старые и молодые, помахивая платочками, пускались въ плясовую. Часамъ къ семи утра, когда болѣе приличная публика уже уѣзжала, танцовали со стульями на головѣ, вскакивали на столы и били посуду. Нерѣдко размякшій молодой цѣловался съ хорошенькой сосѣдкой, а молодая плакала и тащила его домой. Разъѣздъ гостей караулили офиціанты. Одинъ подавалъ верхнее платье, а другой подставлялъ блюдо, прося на чай. Послѣ разъѣзда офиціанты шли гурьбой въ сосѣдній трактиръ и дѣлили между собою выручку. Я любилъ ходить на эти пиры, потому что доставалось на чаи всегда больше двухъ рублей на человѣка.

Прочитавъ въ газетахъ рецептъ, какъ дѣлать варенцы, барыня велѣла мнѣ приготовить ихъ, и я сдѣлалъ ихъ очень удачно. Поэтому, въ іюнѣ мѣсяцѣ, уѣзжая въ гости къ Макаровой въ Нерехту, барыня приказала мнѣ для Александра Петровича приготовить что-нибудь, какую-нибудь котлетку или кашу. Не успѣла она уѣхать, какъ у насъ начались обѣды. Каждый день обѣдало человѣкъ 8. Подавались цѣлые окорока телятины, пеклись кулебяки, дѣлались пирожныя.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Москва стала горѣть. Каждый день бывало пожаровъ до семи. Всѣ въ большомъ страхѣ. На Именной улицѣ всѣ переселились изъ домовъ и ночуютъ на улицѣ въ повозкахъ, такъ какъ получились подметныя письма, что улица будетъ горѣть. Несмотря на поставленную стражу, загорались дома въ нѣсколькихъ мѣстахъ на улицѣ. Противъ нашей квартиры сгорѣли дома Сабанѣева и Обольянинова и много другихъ. Пожарные сидѣли на крышѣ нашего дома, въ которомъ отъ жары полопались стекла въ окнахъ.

— Что это за злодѣи поджигатели,—говорю я клубному буфетчику Максимычу.

— А это злодѣйство, говоритъ, имѣетъ и хорошую сторону. Будетъ работа плотникамъ и другимъ рабочимъ. Домовладѣльцы получатъ страховую премію отъ богатыхъ обществъ, а квартиранты предупреждаются и тоже могутъ застраховать имущество.

Я несогласенъ съ такими доводами.

24 сентября видѣлъ Шамиля, котораго везутъ въ Петербургъ и который остановился въ гостиницѣ «Дрезденъ». Это плечистый высокаго роста мужчина. Волоса у него почти красные, глаза проницательные, лицо умное. По костюму и по лицу мнѣ онъ казался

не воиномъ, а духовнымъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что глаза его напоминали мнѣ митрополита Филарета.

Читаю и перечитываю «Обломова» Гончарова. Нахожу, что Александръ Петровичъ очень похожъ на Обломова. Интересный романъ, будитъ къ полезной жизни, стряхиваетъ сонъ съ души и тѣла и поднимаетъ и несетъ въ какую-то другую сферу. Вспоминая прочитанное, я повторялъ слова: «теперь или никогда», думалъ, что надо работать теперь, а то будетъ поздно, рвался куда-то и... упирался лбомъ въ стѣну господскаго двора, гдѣ я былъ немного выше простого лакея и пользовался большою свободою только по добротѣ барыни. «Будетъ воля, и тогда выбивайся на дорогу», говорилъ я себѣ. А на какую дорогу. Что я знаю и на что я способенъ? Могу быть только офиціантомъ и служить у тѣхъ же господъ, съ которыми я такъ сжился и которыхъ считаю родными.

Встрѣчалъ Новый годъ (1860 г.) въ купеческомъ клубѣ, гдѣ прислуживалъ. Господи, какъ много выпили господа вина. Одинъ офицеръ, князь Мещерскій, который угощалъ актрисъ, заплатилъ за 32 бутылки по 5 рублей. Конечно, бутылокъ пять ему приписали лишнихъ.

Пріѣзжалъ въ концѣ января къ барынѣ изъ доставшейся по наслѣдству отъ Демидова вотчины крестьянинъ Карнинъ просить разрѣшить ему выдать дочь свою замужъ за крестьянина чужой вотчины. Петръ Львовичъ Демидовъ въ такихъ случаяхъ, давая разрѣшеніе, ничего за это не бралъ, барыня же взяла 100 рублей. Въ февралѣ барыня передала ярославскую пустошь за 500 рублей купцу, который хочетъ устроить тамъ паточный заводъ. Я не вытерпѣлъ и сказалъ барынѣ, что крестьянамъ эта пустошь нужна, они очень хотѣли купить ее и давали уже 400 рублей.

— Что же я должна была подарить имъ 100 рублей? Это слишкомъ много,—отвѣтила она.

— Но крестьяне вѣдь ваши, а купецъ чужой. Возможно было бы эти 100 рублей возвратить, наложивъ на нихъ оброкъ по 1 рублю на душу.

— Охота мнѣ еще возиться съ ними. Къ тому же я у тебя объ этомъ не спрашивала и въ совѣтахъ не нуждаюсь.

Я, молча, ушелъ. Вотъ тебѣ и доброта.

Читаю о жизни Байрона. Характеръ и личность его мнѣ не понравились. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ проявляется что-то демоническое. Навелъ на меня тоску. Читалъ статью Толстого о дворовыхъ людяхъ. Пишетъ, что господа съ каждымъ поколѣніемъ видоизмѣняются, а дворовые должны быть неизмѣннаго типа. Хотѣлъ было написать ему по поводу этой статьи, думалъ цѣлый вечеръ; но помѣшали,—ничего не написалъ.

Читалъ Аксакова и затѣмъ Искандера «Полярную Звѣзду», которая издается въ Лондонѣ и которую можно достать у студентовъ.

Барыня купила домъ у Спиридонова за 18.500 рублей. Очень много работы по перевозкѣ вещей и устройству въ новомъ домѣ.

Въ новомъ домѣ насъ обновили. Въ окно залѣзъ ночью воръ и обокралъ. Барыня ходитъ недовольная. И по устройству дома много тратъ и много разныхъ вопросовъ по вотчинамъ. Являлись старосты съ планами, съ которыми ведутъ переговоры предводители дворянства. На меня напало религіозное настроеніе. Я сижу одинъ въ комнатѣ и смотрю на картину, изображающую старца Серафима, выходящаго изъ келіи и дающаго кусокъ хлѣба медвѣдю. Хотѣлось бы убѣжать въ пустыню, молиться Богу и быть свободнымъ и отъ господъ и отъ всѣхъ людей и отъ страстей.

XIII.

Татьянинъ день. — Рѣчь Погодина. — Сборъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ.—Толки о реформахъ.—Объявленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.—Разсужденія по поводу освобожденія. — Грубый разговоръ съ барыней. — Погодинъ.—Привѣтственная рѣчь государю.—Уходъ отъ барыни.—Студенческіе безпорядки.

12 января 1861 г., въ день Татьяны и основанія московскаго университета, я въ качествѣ офиціанта прислуживалъ на обѣдѣ въ благородномъ собраніи. Когда столъ былъ накрытъ, распорядились положить на нѣкоторые стулья длинные бѣлые листы. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что на нихъ написаны имена М. П. Погодина, Дмитріева, Назарова, Кетчера и др. Въ три часа дня начался съѣздъ. Послѣ закуски, сѣли обѣдать. Послѣ перваго блюда подали шампанское. М. П. Погодинъ взялъ бокалъ, всталъ и произнесъ рѣчь. Я забылъ свое дѣло и превратился весь въ слухъ и вниманіе. Помню, Погодинъ началъ свою рѣчь такъ: «Почтенное общество, собравшееся нынѣ сюда, предложило мнѣ сказать слово. Признаюсь, что я не помню, чтобы я когда-нибудь такъ затруднялся въ выборѣ словъ для выраженія моей мысли». Затѣмъ онъ началъ говорить о дѣятельности государя императора, о разныхъ преобразованіяхъ и о рѣшеніи его освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Окончилъ онъ такъ: «А вотъ у меня въ рукахъ стихи нашего вѣщаго поэта Пушкина, стихи, которые сорокъ лѣтъ лежатъ подъ спудомъ и которые теперь мы имѣемъ полное право вскрыть:

Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію царя.
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря.

«Заря восходитъ, милостивые государи, несмотря на облака, порою пробѣгающія по горизонту, но это неизбѣжно во всякое переходное время. Заря восходитъ. Поднимемъ же дружно наши бокалы за

здравіе того, который съ такой энергіей трудился на поприщѣ благотворныхъ реформъ. За здравіе благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича. Ура!»

Громкое «ура» огласило залу. Грянула музыка. Потомъ говорили Дмитріевъ и Назаровъ. Профессоръ Бабстъ говорилъ о взаимной связи между всѣми русскими университетами, прочиталъ телеграммы, присланныя другими университетами, и поднялъ бокалъ за процвѣтаніе науки во всѣхъ русскихъ университетахъ. Послѣ обѣда Кашевскій сыгралъ на роялѣ русскую симфонію.

Подъ впечатлѣніемъ чудной, чарующей музыки, подъ вліяніемъ рѣчей я чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Мнѣ казалось, что я расту, увеличиваюсь. Я дрожалъ, по жиламъ пробѣгалъ огонь. Я какъ-то поумнѣлъ, просвѣтлѣлъ, передъ моими глазами открывался какой-то широкій свѣтлый горизонтъ. Мои мысли, моя душа сливались со всѣми одними и тѣми же желаніями и надеждами... Вдругъ неожиданный толчокъ въ бокъ сбросилъ меня съ неба на землю и заставилъ вспомнить, что я не студентъ, а офиціантъ. Меня толкнулъ Кузьмичъ и сказалъ: «Собирай серебро и провѣрь. Да смотри, чтобы кто не укралъ двухъ бутылокъ шампанскаго, которыя я стащилъ и спряталъ за бюстъ».

Въ это время кто-то предложилъ собрать лепту въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Одинъ изъ присутствующихъ сталъ обходить всѣхъ съ подносомъ и въ пять минутъ собрано до трехъ тысячъ рублей.

Погодинъ, хромая, подошелъ къ столу, взобрался на него и громко сказалъ: «Почтенные жертвователи, благодарю васъ отъ лица жаждущихъ просвѣщенія бѣдняковъ. Благодарю добрыхъ людей, такъ сочувственно откликающихся на всякую благую мысль». Толпа, окружавшая столъ, кричала «ура».

2 февраля прислуживалъ на обѣдѣ у Н. А. Усова. Гостей было 45 человѣкъ. Много спорили и кричали по поводу новыхъ реформъ. Одни хвалили, другіе хулили.

— Законы попираются, говорилъ одинъ старичокъ. Намъ Екатерина дала права. Павелъ и другіе цари подтвердили...

— Не нужно забывать, что этого требуетъ время, исторія,— началъ было возражать ему офицеръ въ очкахъ, но ему не далъ говорить старичокъ, закричавъ:

— Это однѣ фразы. Говорить такъ, какъ вы говорите, могутъ только тѣ, которымъ терять нечего.

Говорятъ только о крестьянахъ. Слѣдовательно 19 февраля, вѣроятно, принесетъ намъ что-нибудь новое. 11 февраля барыня по совѣту служащаго при губернаторѣ, П. А. Артемьева, дала вольную Васькѣ лакею, Ванькѣ повару и предложила и мнѣ. Я отвѣтилъ, что какъ ей будетъ угодно. Съ одной стороны, я и такъ пользуюсь свободой, а съ другой—боюсь, какъ бы не произошло

перемѣнъ и не достался бы я кому другому. 14 февраля барыня позвала меня въ кабинетъ и, подавая лежавшую на столѣ бумагу, сказала: «Вотъ я тебѣ даю вольную. Ее нужно засвидѣтельствовать. Сходи къ князю Шаховскому и Ефремову, которые засвидѣтельствуютъ мою руку, а потомъ предъяви бумагу въ гражданскую палату. Тамъ утвердятъ, и ты будешь вольный. Если хочешь служить у меня, живи». Я поблагодарилъ, взялъ бумагу и отправился хлопотать. Я очень смущенъ, точно потерялъ что-нибудь. Сегодня 19 февраля, но ничего особеннаго нѣтъ. На дняхъ отъ имени губернатора было объявлено, что 19 февраля объявленія объ освобожденіи крестьянъ и дворовыхъ не послѣдуетъ и что будетъ объявлено и когда именно, неизвѣстно. Сегодня же «въ Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано, что вопросъ объ устройствѣ крестьянъ заканчивается и во время поста будетъ приведенъ въ исполненіе. Будь, что будетъ. Я же получилъ уже изъ гражданской палаты вольную и сегодня спрыснулъ ее съ знакомыми въ Барсовой гостиницѣ. 23 февраля былъ въ трактирѣ. Тамъ слышалъ разговоры, что манифестъ объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля не объявленъ до сихъ поръ изъ боязни, что народъ по случаю масленицы разбѣжится, перепьется, станетъ бунтовать и разграбитъ господъ. Губернаторъ вытребовалъ казаковъ и войскамъ велѣно быть готовыми къ тревогѣ.

Итакъ, объявленіе манифеста пріостановили. Меня это очень удивило и оскорбило. Я знаю и по самому себѣ и сужу по своимъ товарищамъ и убѣжденъ, что ни одинъ человѣкъ изъ дворовыхъ не уйдетъ безъ спроса даже за ворота и не станетъ грубить. Я долго читалъ и перечитывалъ книжку Славина о томъ, какъ должны встрѣтить свободу крѣпостные дворовые люди. Рѣшилъ написать статью, въ которой думаю высказаться отъ имени дворовыхъ. Сталъ писать и въ концѣ статьи помѣстилъ четверостишіе:

Но, отрѣшившись отъ оковъ,
Предстанетъ въ образѣ иномъ,
Не будетъ гостемъ кабаковъ
И распрощается съ виномъ.

28 февраля отнесъ статью въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей». Тамъ только потребовали написать фамилію и адресъ и взяли статью, не читая.

М. В. Сущева разсказывала барынѣ за обѣдомъ, что дворовый Алексѣй не беретъ вольной, потому что ему некуда дѣваться съ семьей.

5 марта, воскресенье. Конецъ масленой. День знаменательный. Сегодня объявленъ высочайшій манифестъ, подписанный государемъ 19 февраля. Утромъ, когда я подавалъ самоваръ господамъ,

разносчикъ принесъ «Московскія Вѣдомости». Изъ дѣвичьей выглянула Клавдія и позвала меня. «Прочитайте скорѣе, сказала она, указывая на газету. Говорятъ, есть объявленіе о волѣ». Я развернулъ газету и увидѣлъ манифестъ. Къ газетѣ былъ приложенъ и отдѣльно отпечатанный экземпляръ манифеста. Я торопливо и тихонько прочиталъ дѣвушкамъ манифестъ и затѣмъ, молча подавъ газету господамъ, вышелъ въ дѣвичью. Сейчасъ же вошелъ туда Александръ Петровичъ и поздравилъ насъ съ волею. Когда я убиралъ со стола, Марья Александровна спросила меня, радуются ли люди. Я отвѣтилъ, что они удивлены и поражены неожиданностью. Она же попросила меня растолковать хорошенько имъ, чтобы они не напились. Въ 10 часовъ утра я пошелъ въ кварталъ взять «Положеніе» о крестьянахъ, которое, какъ было объявлено въ газетѣ, продавалось по 1 рублю за экземпляръ. Дорогою зашелъ въ Вознесенскую церковь, которая была полна народа. Въ кварталѣ была давка и говоръ. Въ толпѣ разсказывали, что манифестъ и «Положеніе» о крестьянахъ были привезены экстреннымъ поѣздомъ. Газеты печатали всю ночь, чтобы поспѣть приложить экземпляры манифеста. Полиція должна была наклеить объявленія на всѣхъ видныхъ мѣстахъ къ 6 часамъ утра. Кабаки велѣло было не открывать до 1 часа дня. Войска были въ сборѣ. Возвращаясь съ купленною въ зеленой обложкѣ книгою домой, я встрѣтилъ человѣкъ 12 солдатъ съ ружьями. Это былъ одинъ изъ патрулей, которые расхаживали по всѣмъ улицамъ. Въ это время раздался трезвонъ, и народъ повалилъ въ церкви слушать чтеніе манифеста. Я очень пожалѣлъ, что не могъ пойти, потому что, по приказанію барыни, долженъ былъ поскорѣе принести домой «Положеніе». Барыни я дома не засталъ. Она ушла въ церковь съ дѣвушкой. Остальные же всѣ дворовые были дома. Я сталъ имъ читать манифестъ и объяснять. Читалъ я съ чувствомъ и когда прочиталъ заключительныя слова: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго», всѣ перекрестились. У многихъ были на глазахъ слезы. Авдюшка шопотомъ спросилъ меня, можно ли ему теперь попроситься итти погулять. Ванька, 23-лѣтній парень, замѣтилъ, что теперь, вѣроятно, ему позволятъ жениться. На мой вопросъ, почему онъ думаетъ о женитьбѣ, онъ отвѣтилъ, что ему некому починить и выстирать рубахи. Вечеромъ пришелъ въ гости Митусовъ въ сопровожденіи лакея. Барыня спросила у него, почему онъ пришелъ съ конвоемъ. Онъ отвѣтилъ, что для безопасности нанялъ двухъ лакеевъ, такъ какъ ждетъ бунта. Барыня стала смѣяться.

— Не смѣйтесь,—сказалъ онъ.—Увидите, что это была не лишняя предосторожность. Я въ деревню, куда собираюсь ѣхать завтра,

отправилъ двѣ пушки и мушкатера. Пушки велѣлъ поставить у крыльца, а мушкатеръ съ ружьемъ будетъ стоять у воротъ.

6 марта ходилъ въ рынокъ и слышалъ много разсказовъ о томъ, какъ нѣкоторые господа проводили вчерашній день. Старушки Дурновы велѣли закрыть всѣ ставни и, запершись, сидѣли цѣлый день дома, разговаривая съ служанками и дворецкимъ Осипычемъ о милостяхъ и благодѣяніяхъ, которыя были оказываемы ими и ихъ родителями дворовымъ. Время отъ времени онѣ посылали Осипыча послушать, что дѣлается на улицѣ. Исполняя приказаніе, Осипычъ уходилъ, слушалъ и докладывалъ, что по улицамъ одни лишь пьяные ѣздятъ на извозчикахъ съ гармоніями и горланятъ. Многіе господа приглашали къ себѣ нарочно гостей для безопасности. Въ то же время говорили, что вчера въ Подновинскомъ было меньше обыкновеннаго народа и пьяныхъ. Такъ оно и должно было бы быть, такъ какъ теперь каждый долженъ заботиться о себѣ. Заходили нарочно къ Нивинскимъ узнать о поварѣ, который когда-то похвалялся при освобожденіи нагрубить господамъ. Оказалось, что онъ былъ смирнѣе остальныхъ дворовыхъ, молился и плакалъ.

11 марта въ № 36 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатали мою статью съ указаніемъ редактора на то, что это откликъ грамотныхъ крѣпостныхъ людей. Напечатали почти безъ измѣненій. Читая, я весь горѣлъ, волновался и чувствовалъ полное удовлетвореніе самолюбія. Я убѣждалъ себя, что я исполнилъ свой долгъ и долгъ своихъ собратьевъ, высказавъ печатно благодарность и давая обѣщаніе жить порядочно и прилично. Въ то же время я очень сомнѣвался въ томъ, чтобы другіе ясно понимали значеніе освобожденія и чтобы могли разумно воспользоваться имъ, такъ какъ не имѣли личной воли и не умѣли пользоваться свободой.

23 марта Василій и Ванюшка стали просить о прибавкѣ жалованья. Барыня растревожилась, отказала въ прибавкѣ, велѣла уволить Ванюшку и спросила у меня, довольно ли мнѣ получаемыхъ 7 рублей. Я отвѣтилъ, что вполнѣ доволенъ, такъ какъ раньше думалъ и безъ жалованья остаться у нея служить.

30 марта читалъ статью Погодина, въ которой онъ простымъ яснымъ языкомъ горячо призываетъ народъ въ знакъ благодарности къ царю за его великія и благотворныя реформы принести посильную лепту на построеніе храма... Кто бы изъ насъ отказался принести свою лепту. Но нести ее надо въ комитетъ при Чудовомъ монастырѣ. Кто изъ простого люда рѣшится итти въ комитетъ, находящійся подъ предсѣдательствомъ митрополита, съ такою лептою. Гривенникъ сейчасъ же бы далъ. Меньше какъ съ рублемъ итти неловко, прогонятъ, пожалуй. А собираютъ только тамъ, въ одномъ мѣстѣ. По этому поводу я сегодня разсуждалъ съ нѣсколькими своими знакомыми. Всѣ были одного и того же

мнѣнія, что нужно бы было установить 10-копеечный сборъ при волостныхъ правленіяхъ и при ремесленныхъ и мѣщанскихъ управахъ. Если бы сборъ этотъ установить обязательнымъ, образовалась бы такая сумма, на которую возможно бы было устроить благотворительный домъ Александра II и при немъ храмъ во имя Александра Невскаго и больницу. Изъ запаснаго капитала возможно было бы выдавать ссуды, въ размѣрѣ 3 рублей, приходящимъ въ Москву крестьянамъ на заработки впредь до пріисканія работы.

— Прежде всего, — сказалъ знакомый Артемій, — необходимо устроить ночлежный домъ. Я помню, какъ я, явившись въ первый разъ въ Москву, долго бродилъ по ней и не могъ найти пристанища, гдѣ бы могъ обогрѣться и переночевать. Я готовъ на это дѣло пожертвовать свои послѣднія 30 копеекъ.

Мы засмѣялись такому крупному пожертвованію.

— Не смѣйтесь,—сказалъ Иванъ Трофимовъ.—Иногда и 15 копеекъ могутъ устроить судьбу человѣка. Я былъ безъ мѣста въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Сбереженія прожилъ и сталъ уже закладывать платье. Случайно встрѣчаюсь на бульварѣ съ знакомымъ дворецкимъ Безобразова и кланяюсь. Онъ поздоровался со мной и, извинившись, что не можетъ угостить меня чаемъ, такъ какъ торопится домой, сунулъ мнѣ 15 коп. Я уже давно чаю не пилъ и поэтому сейчасъ же пошелъ въ трактиръ «Венецію» и заказалъ себѣ порцію. Вдругъ входитъ буфетчикъ Богданова. Я пригласилъ его и угостилъ чаемъ. Разговаривая, я между прочимъ сказалъ, что я безъ мѣста. Онъ отвѣтилъ, что его баринъ ищетъ выѣзднаго лакея и предложилъ рекомендовать меня. На слѣдующій же день я былъ уже на мѣстѣ, на которомъ живу до сихъ поръ и на которомъ я и деньгу нажилъ. Вотъ что значитъ 15 копеекъ.

Въ концѣ концовъ рѣшили собрать 5 руб. и отослать въ комитетъ.

24 апрѣля дворовый Павлычъ, лежавшій въ злой чахоткѣ, скончался. Передъ смертью онъ указалъ мнѣ, какія вещи кому отдать. Сюртукъ онъ просилъ отдать Костину съ тѣмъ, чтобы онъ далъ денегъ на похороны. Послѣ его похоронъ барыня приказала отдать сюртукъ покойнаго вольнонаемному лакею Ивану. Узнавъ объ этомъ, я доложилъ, что Костинъ даетъ за сюртукъ 8 рублей и что если она желаетъ, можно отдать Ивану эти 8 рублей, такъ какъ и онъ давалъ деньги на похороны. Барыня вспылила и сказала: «я хочу отдать сюртукъ, а не деньги». На мое замѣчаніе, что сюртукъ собственность покойнаго и что онъ распорядился отдать его Костину, барыня стала кричать: «Да, вы теперь вольные, имѣете права. Смѣете разсуждать... не слушаться, грубить», и стала плакать. Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ въ комнату вошли Артемьевъ и Демидовъ, стали говорить, что я не смѣлъ

грубить барынѣ, и наступать на меня. Я указалъ на толстую палку и сказалъ: «Не заставьте меня взяться за это грубое орудіе». «Вы грубо оскорбили Марью Александровну», сказалъ Демидовъ, уходя съ Артемьевымъ изъ комнаты. — «Вы не слышали моихъ словъ и слѣдовательно врете, г. Демидовъ», отвѣтилъ я и захлопнулъ за ними дверь. Можетъ быть, я неправъ, но я желалъ исполнить волю покойнаго.

1 мая была свадьба Александра Петровича Глушкова и Анны Петровны Шлемянниковой. Преподнесъ имъ стихи, за которые получилъ 5 рублей. Сознаюсь, что стихи были плохи и не стоили ни копейки.

Въ маѣ же былъ у редактора «Московскихъ Вѣдомостей» В. Ф. Корша, которому объяснилъ о желаніи бывшихъ дворовыхъ людей увѣковѣчить память объ освобожденіи постройкой дома благотворительности.

— Если М. П. Погодинъ указываетъ на построеніе храма,— сказалъ редакторъ:—то, несомнѣнно, онъ руководствуется общимъ понятіемъ массы простого люда, всегда имѣющаго обыкновеніе созидать въ память чего-либо монастыри, храмы, часовни. Я не могу не сочувствовать вашему желанію возвести вмѣсто храма домъ благотворительности. Вы напишите статью по этому поводу и выразите въ ней, что это желаніе многихъ. Я съ удовольствіемъ дамъ ей мѣсто. Это будетъ своевременно и хорошо. Итакъ, напишите, а я сдѣлаю комментаріи, — добавилъ, прощаясь, Коршъ.

Я сталъ обдумывать статью, но въ это время узналъ, что ожидается въ Москву пріѣздъ государя. Я бросилъ статью и сталъ писать привѣтственную рѣчь. Долго я писалъ ее, закончилъ стихами и на слѣдующій день понесъ показать ее Погодину. Подойдя къ крыльцу дома Погодина, я нерѣшительно и, какъ казалось мнѣ, съ благоговѣніемъ позвонилъ. Отворившая двери горничная провела меня въ кабинетъ. Разглядывая старинную мебель, картины, бюсты, громадные шкапы съ множествомъ книгъ, которыми переполнены были и столы, я вспомнилъ, что въ этомъ кабинетѣ бывали Пушкинъ, Гоголь, Аксаковъ, Бѣлинскій и другіе, и мнѣ стало чудиться ихъ таинственное присутствіе. Въ это время послышалось движеніе въ сосѣдней комнатѣ. Ко мнѣ въ халатѣ и туфляхъ вышелъ Погодинъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснилъ, что я бывшій дворовый человѣкъ и пришелъ просить совѣта, какимъ образомъ выразить государю благодарность отъ класса дворовыхъ людей за дарованное освобожденіе.

— Это очень хорошо и будетъ кстати,—сказалъ Погодинъ:—потому что государь огорченъ печальными недоразумѣніями при исполненіи высочайшаго манифеста. Народъ въ своемъ невѣжествѣ не понялъ царской милости и поэтому во многихъ мѣстахъ произошли печальныя недоразумѣнія. Образуйте артель дворовыхъ

и поднесите государю хлѣбъ-соль. Многія крестьянскія общества готовятся это сдѣлать. Сейчасъ у меня былъ фабрикантъ Алексѣевъ. Его фабричные тоже хотятъ поднести хлѣбъ-соль.

Въ отвѣтъ на это я подалъ ему составленную мною рѣчь. Погодинъ пригласилъ меня сѣсть и, самъ усѣвшись въ кресло, просмотрѣлъ мое писанье и сказалъ:

— Конечно, теперь всякое сердечное, разумное слово пріятно будетъ услышать и государю и всѣмъ. Вы вотъ, какъ грамотный, поняли благодѣяніе царя, освободившаго милліоны крѣпостныхъ. Вы лично можете сдѣлать много хорошаго въ кругу своихъ товарищей, растолковывая здравомысленно обязанности отпущенныхъ на волю. Соберите же товарищей и представьтесь министру двора.

Возвращаясь домой, я все обдумывалъ совѣтъ Погодина. Я понялъ хорошо, что онъ для меня неисполнимъ. И самъ я никогда не рѣшусь пойти къ министру двора и никто изъ моихъ товарищей не осмѣлится выставить себя представителемъ отъ имени всѣхъ дворовыхъ людей. Да и на покупку блюда нѣтъ.

Черезъ два дня, 18 мая, былъ высочайшій выходъ въ Кремлѣ. Едва государь вышелъ на крыльцо Чудова монастыря, какъ площадь вся огласилась неумолкаемымъ «ура». Орали всѣ неистово, какъ сумасшедшіе. Я былъ, какъ пьяный, и кричалъ вмѣстѣ съ другими до хрипоты. Государь, окруженный генералитетомъ, сошелъ внизъ и сѣлъ на сѣраго коня. Я успѣлъ-таки подать свою рѣчь въ конвертѣ одному изъ генераловъ. Очень опасаюсь, что генералъ просто броситъ ее и не покажетъ государю.

19 мая Александръ Петровичъ Глушковъ предложилъ мнѣ остаться у него въ услуженіи съ жалованьемъ по 8 рублей въ мѣсяцъ. Я согласился. Слѣдовательно, моя барыня не пожелала больше имѣть меня у себя за грубость. Долго плакалъ...

25 мая получилъ отъ М. П. Алексѣевой славный выговоръ за то, что помогалъ совѣтами дворовому Костину, какъ освободиться ему отъ генерала Алексѣева и выручить свое платье, которое тотъ не хотѣлъ отдавать.

— Я не думала,—говорила она:—что ты такой способный и въ тебѣ совмѣщаются такъ много дарованій. Подумайте только, что это за человѣкъ. Онъ въ одно и то же время и поэтъ, и сутяга, и лакей.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ занятъ хлопотами по поводу постройки дома Александромъ Петровичемъ, весь ушелъ въ это дѣло и поэтому такъ и не написалъ статьи, задуманной мною, о необходимости начать сборъ на постройку благотворительнаго дома. Къ тому же боюсь, что надо мной станутъ глумиться.

Въ іюнѣ же барыня Марья Петровна переѣхала на новую квартиру. Прощаясь, она велѣла заходить къ ней, сказала, что не беретъ меня съ собой потому, что я необходимъ Александру Пе-

тровичу при постройкѣ дома, и дала 25 рублей. Поблагодаривъ ее со слезами на глазахъ, я поцѣловалъ у нея руку и послѣ ея ухода написалъ стихи, въ которыхъ вылилось мое настроеніе.

Я вижу грустно, что теперь
Мнѣ отворилася ужъ дверь
Изъ дома, сердцу дорогого,
Куда изъ края я родного
И отъ родныхъ былъ привезенъ
И тамъ въ лакеи возведенъ,
Гдѣ прожилъ столько лучшихъ лѣтъ,
Гдѣ погубилъ свой жизни цвѣтъ.
Душой и тѣломъ я изпошенъ,
Какъ кость обглоданная брошенъ.

Вспомнивъ, что преосвященный Филоѳей хотѣлъ когда-то взять меня къ себѣ, я написалъ ему. Въ августѣ баринъ какъ-то сказалъ мнѣ, что владыка велѣлъ передать, что теперь для меня у него мѣста нѣтъ. Вѣроятно, ему доложили, что я измѣнился.

Въ сентябрѣ всѣ газеты были переполнены извѣстіями о происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ безпорядкахъ между крестьянами по поводу надѣловъ. Крестьяне убѣждены, и злонамѣренные люди поддерживаютъ это убѣжденіе, что царь велѣлъ всю помѣщичью землю отдать имъ.

3 октября въ московскомъ университетѣ вслѣдствіе волненія среди студентовъ закрыты 2 курса. Студенты ходятъ по улицамъ большими группами, спорятъ и громко жалуются, что имъ не позволяютъ обсуждать свои дѣла.

12 октября студенты громадною толпою двинулись къ дому губернатора и запрудили всю площадь. Несмотря на множество полицейскихъ и жандармовъ, они кричали и безобразничали, ругали полицейскихъ и раскидывали лотки у разносчиковъ. Вышедшій по приказанію губернатора адъютантъ объявилъ, что губернаторъ проситъ выбрать депутатовъ, но изъ толпы никто не вышелъ. Кричали всѣ сразу. Нѣкоторые требовали разрѣшенія открыть ссудную кассу, другіе добивались перемѣны ректора. Стали слышаться крики: «конституцію»... Когда на просьбу губернатора разойтись толпа не обратила вниманія и, стоя на одномъ мѣстѣ, продолжала кричать, жандармы стали надвигаться на нее и тѣснить. Со стороны студентовъ въ жандармовъ полетѣли палки. Тотчасъ же произошла свалка, и студенты стали разбѣгаться. Бѣгущихъ сталъ ловить народъ и колотить. Бить стали всѣхъ бѣгущихъ, даже и не студентовъ. Арестованныхъ было такъ много, что части Тверская, Пречистенская и Арбатская были переполнены бунтовщиками. Въ числѣ другихъ былъ арестованъ и братъ Анны Петровны, студентъ Всеволодъ Петровичъ Племянниковъ, смиреннѣйшій рабъ Божій. Когда еще студенческія волненія только начались, барыня спросила у него, чего студенты хотятъ.

— А почему я знаю, чего они хотятъ,—отвѣтилъ онъ.—Я ничего не хочу. Они только всѣмъ намъ объявляютъ, что поколотятъ всѣхъ, кто отъ нихъ отстанетъ.

15 октября явился студентъ Племянниковъ и разсказалъ, какъ его арестовали. Онъ пошелъ въ университетъ на лекціи и засталъ тамъ уже шумѣвшихъ студентовъ. Выйдя на улицу, онъ хотѣлъ было уйти домой, но толпа увлекла его съ собой. Порывался нѣсколько разъ выбраться изъ толпы, но тутъ уже его не пропускали жандармы и его загнали съ другими подъ арестъ. Народу арестовано было такъ много, что большинству пришлось провести ночь во дворѣ части и спать на голой землѣ. Онъ проспалъ въ телѣгѣ, продрогъ и говорилъ спасибо за то, что дали чаю съ хлѣбомъ. Утромъ переписали фамиліи и отпустили по домамъ.

Читалъ «Бесѣды о Сократѣ» Платона, переводъ Клеванова.

Александръ Петровичъ втянулся въ игру въ лото. При проигрышахъ бываетъ угрюмъ. Если выиграетъ, пріѣзжаетъ домой часа въ 3 — 4 утра сіяющій, привозитъ на особомъ извозчикѣ блюдъ десять кушаній и начинаетъ пировать, лежа въ постели. Хотя обыкновенно въ такомъ случаѣ и получаетъ деньги, но послѣ того порядка, который былъ заведенъ у его матери, мнѣ эта жизнь не нравится.

Ф. Д. Бобковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНОГО ЧЕЛОВѢКА [1]).

XIV.

Разсужденіе объ освобожденныхъ. — Поѣздка въ Веневъ. — Мировые посредники.—Виѳанія.—Ольриджъ.—Отмѣна откупа.—Пьянство. — Польская смута. — Колюбакинъ.

СЕГОДНЯ, 19 февраля 1862 г., ровно годъ, какъ намъ предоставлена свобода устраивать жизнь по собственному желанію. Насъ не продаютъ уже больше наравнѣ съ коровами и овцами, не бреютъ головъ, не рѣжутъ у дѣвокъ косъ, даже не бьютъ по щекамъ. Я пользуюсь свободой и однако остаюсь тѣмъ же самымъ лакеемъ. Всѣ мои товарищи и знакомые тоже продолжаютъ жить на прежнихъ мѣстахъ. Только тѣ, которымъ было отказано отъ мѣста, или вслѣдствіе сокращенія штата прислуги, или за дурное поведеніе, измѣнили свой образъ жизни, но далеко не къ лучшему. На каждомъ шагу только и слышишь, что ищутъ мѣста. Поэтому я сталъ обдумывать, что не мѣшало бы устроить контору для нуждающихся въ пріисканіи мѣста.

Въ маѣ ѣздилъ съ барыней въ Веневъ. Это маленькій, незначительный городокъ. Отъ скуки пошелъ на кладбище. Тамъ прочелъ на памятникахъ много курьезныхъ надписей. Нѣкоторыя записалъ. На одномъ памятникѣ было написано:

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CVIII, стр. 734.

Веневской бараночницѣ.

1. Ударилъ часъ. Друзья простите.
   Куда. Все знать хотите.
2. Кости зракъ
   Смерти знакъ.
   Зри се всякъ,—
   Будешь такъ.
3. О, вы, друзья мои любезны,
   Не ставьте камня надо мной.
   Всѣ ваши бронзы безполезны,—
   Онѣ не скрасять души злой.
   Не славьте вы меня стихами,—
   Стихи отъ ада не избавятъ,
   Въ раю блаженства не прибавятъ.

Пока я занимался чтеніемъ надписей на памятникахъ, ко мнѣ подошелъ сторожъ. На мой вопросъ, давно ли онъ здѣсь служитъ, отвѣтилъ, что его сюда послалъ самъ Богъ.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Служилъ я раньше при военномъ складѣ. Однажды ночью, когда я крѣпко спалъ, меня подхватило вихремъ и унесло на кладбище, гдѣ я опомнился и проснулся только утромъ. Сейчасъ же я пошелъ къ священнику, разсказалъ ему о случившемся, и онъ назначилъ меня сторожемъ. Съ тѣхъ поръ тутъ и сижу.

По возвращеніи въ Москву, въ іюнѣ, мнѣ по дѣлу Костина пришлось побывать у мировыхъ посредниковъ Лопухина и Трубецкаго. Вотъ настоящіе благородные люди. Я удивлялся ихъ терпѣнію и внимательности, съ которыми они обращаются со всѣми, приходящими къ нимъ за разъясненіемъ недоразумѣній. Послѣ чиновниковъ гражданской палаты и управы благочинія и разныхъ чиновъ полиціи они мнѣ показались ангелами умиротворителями и утѣшителями.

Въ сентябрѣ заходилъ въ гости къ знакомому Куликову, у котораго квартируетъ много студентовъ.

— Платятъ ли они?—спросилъ я.

— Бѣдны, но честны, — отвѣтилъ Куликовъ. — Если денегъ нѣтъ, часы отдаютъ. Одно нехорошо, что они всѣ большіе забіяки и спорщики. Иногда цѣлую ночь до самаго утра галдятъ.

Ѣздилъ въ Вифанію и осматривалъ тамъ покои митрополита Платона. Проводникъ, не умолкая, тянулъ заученную рѣчь: вотъ постель, на которой владыка почивалъ... вотъ комната, въ которой принималъ просителей... вотъ зеркальный потолокъ, въ которомъ отражались фигуры просителей, и тамъ ихъ владыка, подымая очи горѣ, разсматривалъ. Онъ не могъ смотрѣть прямо въ лицо, потому что отъ проницательнаго, проникающаго насквозь взгляда его просители падали въ обморокъ... вотъ коверъ, подаренный шахомъ персидскимъ... вотъ... и т. д.

Былъ въ театрѣ и смотрѣлъ игру пріѣзжаго англичанина Ольриджа. Онъ игралъ Отелло, а Медвѣдева—Дездемону. Игра и дикція замѣчательныя. Онъ говорилъ шопотомъ, но такъ звучно, что даже въ райкѣ этотъ шопотъ раздражаетъ ухо. Несмотря на то, что онъ говорилъ по-англійски и что, слѣдовательно, я не понималъ ни одного слова, остальные всѣ актеры, понятно, говорившіе по-русски, рядомъ съ нимъ казались мнѣ мелкими, ничтожными и смѣшными.

Купилъ и прочиталъ механику и физику Щеглова. Хотя очень многаго не понялъ, но добросовѣстно дочиталъ до конца.

1 января 1863 г. вечеромъ я отправился на прогулку. Подойдя къ Никольскимъ воротамъ, я увидѣлъ около кабаковъ цѣлую толпу. Это праздновалась отмѣна откупа. По случаю удешевленія водки, набросились на кабаки и переполнили ихъ. На Трубной площади опять толпа около кабаковъ. Изъ любопытства зашелъ въ одинъ. Оказалось, что все заготовленное заранѣе вино уже выпили и толпа ждетъ новаго подвоза. Вотъ она, народная трезвость.

5 января у барыни родилась дочь Марія. Было нѣсколько докторовъ. Большая суета. Невольно я вспомнилъ о деревнѣ. Тамъ роженицы уходятъ изъ общей комнаты въ холодный, темный чуланъ, откуда послѣ родовъ тащатъ ихъ по 25-градусному морозу въ угарную баню, гдѣ лежатъ онѣ дня три и затѣмъ являются въ избу и принимаются, какъ ни въ чемъ не бывало, за работу. Съ кормилицами происходитъ возня неимовѣрная. Одна больна, другая безъ молока, отъ третьей несетъ какъ изъ винной бочки. Вообще теперь весь народъ, послѣ отмѣны откупа, съ утра каждый день пьянствуетъ, и всѣ улицы переполнены пьяными...

19 февраля ходилъ на публичную лекцію профессора Богданова, который читалъ о значеніи зоологическихъ садовъ и звѣринцевъ. Слушая лекцію, я думалъ, что въ день освобожденія крестьянъ изъ неволи говорятъ о томъ, чтобы сажать звѣрей въ клѣтки и держать ихъ въ неволѣ.

Приписался къ ремесленному цеху.

Въ мартѣ слушалъ лекцію профессора Соколова о дыхательныхъ и голосовыхъ органахъ. Послѣ этой лекціи сталъ читать популярную медицину.

Всѣ и вездѣ толкуютъ о полякахъ и польской смутѣ. Въ Польшу назначается Муравьевъ. Говорятъ, что тамъ творятся большія безобразія. Ну, да и здѣсь дѣлается много не совсѣмъ хорошаго. Появилось много просвѣтителей всякаго рода. Открываются школы, воскресные классы, читальни, лекціи. Однако учатъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и не тому, чему слѣдовало бы. Послѣ азбуки сразу географія и чуть не философія. Нравственно религіозная сторона забыта и надъ религіей насмѣхаются. По

моему мнѣнію, въ школахъ должны обучаться не одной только грамотѣ, но и ремесламъ и земледѣлію. Дѣти очень скоро поняли бы все, что имъ необходимо знать, и пріохотились бы къ работѣ. Обратимся къ жизни. Въ деревнѣ, вѣдь, ребятишки, какъ завидятъ мельницу, сейчасъ начинаютъ мастерить свою мельницу изъ щепокъ на ручьѣ; дѣлаютъ лодку изъ коры и т. п. О взрослыхъ я уже и не говорю. Не успѣютъ открыть въ какой мѣстности ткацкую, какъ онѣ начинаютъ расти и послѣ первой черезъ пять лѣтъ ихъ въ той мѣстности уже 10. Нѣтъ, все идетъ не такъ, какъ слѣдовало бы.

Напечатанная 5 мая статья М. П. Погодина о польскомъ вопросѣ и европейской политикѣ привела въ восторгъ простой народъ. «Вѣдомости», въ которыхъ печатаются адресы отъ разныхъ городовъ и обществъ, высказываются противъ какихъ бы то ни было уступокъ полякамъ и требуютъ немедленнаго подавленія мятежа, хотя бы это даже грозило войной съ Наполеономъ.

Каждый день устраиваются проводы солдатамъ, идущимъ въ Польшу. Муравьевъ съ поляками не церемонится и постоянно высылаетъ ихъ въ Смоленскъ. Всѣ радуются.

Въ іюлѣ заключилъ контрактъ о наймѣ квартиры въ нашемъ домѣ съ генералъ-лейтенантомъ Колюбакинымъ, бывшимъ кутаисскимъ губернаторомъ. Генералъ страшно вспыльчивъ и, какъ разсказываютъ, въ Кутаисѣ всѣхъ колотилъ. Извозчикъ мнѣ вчера разсказывалъ, что генералъ сѣлъ и велѣлъ ему ѣхать. Проѣхавъ немного, онъ крикнулъ: «Къ сенатору Толмачеву».—«А гдѣ онъ живетъ?»—«Какъ, ты не знаешь, гдѣ онъ живетъ». Бацъ его по уху. Затѣмъ сталъ колотить по спинѣ, приговаривая: «На Прѣснѣ, на Прѣснѣ»... Библіотека у генерала громадная.

XV.

Смерть губернатора Тучкова.—Служба бывшихъ дворовыхъ. — Катковъ и Леонтьевъ.—А. В. Повало-Швейковскій.—Поступленіе на службу на желѣзную дорогу и служба на ней.—Кіевъ и его обычаи.

24 января (1864 г.) происходили похороны умершаго генералъ-губернатора Москвы, Тучкова. Не мало пришлось ему пережить волненій и во время объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ и во время студенческихъ безпорядковъ. Добрый былъ человѣкъ.

19 февраля раздался торжественный звонъ. Я пошелъ въ церковь къ Спиридонію. Въ церкви молящимися нашелъ только нѣсколькихъ старушекъ. Народа не было. Стало очень грустно мнѣ. Въ такой день и не поставить свѣчки за здоровье Освободителя! ихъ. Для кабака вотъ такъ всегда находятся и время и деньги...

Въ концѣ года я сталъ раздумывать о своей жизни, о своемъ положеніи и о положеніи вообще всѣхъ бывшихъ дворовыхъ и крестьянъ. Прошло уже четыре года, какъ освободили насъ отъ крѣпостной зависимости. Насъ сдѣлали гражданами земли русской. Каждый изъ насъ имѣетъ право теперь заняться тѣмъ, къ чему онъ чувствуетъ призваніе, имѣетъ право заняться какимъ угодно ремесломъ. Какъ же воспользовался этою свободою я и всѣ мои знакомые, бывшіе дворовые люди. И я и всѣ, кого только я знаю, попрежнему живутъ лакеями у своихъ господъ. Почему? Я думаю, что по привычкѣ. Какъ господа привыкли къ нашимъ услугамъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись, такъ и мы привыкли быть рабами и сидѣть на ихъ шеѣ, не заботясь о будущемъ. Когда мы собираемся вмѣстѣ, о чемъ мы разсуждаемъ? Только о томъ, какъ бы устроить общество или контору опять-таки исключительно только для найма прислуги. Только прислуживать, быть лакеями, только, повидимому, къ этому мы и способны. Другими словами, мы хотя и наемными и по собственному желанію, но остаемся все-таки рабами. Возьмемъ вотъ хоть меня. Я и грамотный, и постоянно много читающій и разсуждающій, вотъ, несмотря на мои 30 лѣтъ, не могу отстать отъ этой безпечной жизни, не могу рѣшиться поступить куда-нибудь письмоводителемъ или конторщикомъ. На словахъ мы способны на все, а на дѣлѣ. Нѣтъ у насъ ни предпріимчивости, ни энергіи.

19 февраля (1865 г.) у меня собрались гости, и мы весело отпраздновали этотъ великій день. Разсуждали только объ учрежденіи общества домашней прислуги. Я написалъ уже проектъ. Набралось уже 60 человѣкъ. Когда будетъ 300, тогда предполагаемъ открыть контору.

Въ мартѣ меня призвалъ къ себѣ Хр. Хр. Мейнъ и предложилъ мнѣ поступить конторщикомъ на Рязанско-Козловскую желѣзную дорогу. Я отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что баринъ, Александръ Петровичъ, боленъ и я не могу его оставить. У него, дѣйствительно, несмотря на его богатырское сложеніе, подкашиваются по временамъ ноги, и онъ тогда падаетъ. Я привыкъ къ господамъ и мнѣ жалко ихъ оставить.

Проектъ свой послалъ Каткову и въ апрѣлѣ пошелъ къ нему. Катковъ меня принялъ, выслушалъ, пригласилъ Леонтьева и, сказавъ ему заняться со мною, кивнулъ головою и ушелъ. Леонтьевъ сказалъ мнѣ, что проектъ мой онъ прочиталъ и нашелъ его дѣльнымъ и желательнымъ. «Мы совѣтовали бы, говорилъ онъ, прибавить еще параграфъ о томъ, что членами общества могутъ быть также и требователи прислуги, т.-е. хозяева. Такъ какъ проектъ этотъ не окончательный, а еще, такъ сказать, созидающійся, я его теперь оглашу въ печати съ тою цѣлью, чтобы публика могла

сдѣлать свои замѣчанія и вы могли бы воспользоваться замѣчаніями публики при окончательномъ составленіи проекта».

Одобряя основную мысль проекта, Леонтьевъ перешелъ къ наборщикамъ ихъ типографіи.

— Это ужасный народъ. Неаккуратность, неопрятность, безпечность. О завтрашнемъ днѣ не думаетъ никто. Сбереженія на умъ не приходятъ. Вотъ наборщики изъ Прибалтійскаго края, такъ тѣ ведутъ себя иначе. Въ ихъ квартирахъ есть даже и обстановка. У нихъ во всемъ и чистота и опрятность. Итакъ, мы за вашу мысль,—закончилъ онъ.

Читалъ Бокля. Какой глубокій умъ!

Черезъ недѣлю отправился въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей». Васильевъ показалъ мнѣ корректуру статьи и заявилъ, что напечатаніе ея откладывается и что когда она будетъ напечатана, неизвѣстно, такъ какъ теперь газета будетъ переполнена другимъ.

Проходя по улицѣ, я встрѣтился съ Мейномъ, который мнѣ сказалъ, что если я теперь же не рѣшусь поступить на желѣзную дорогу, впослѣдствіи я не буду уже имѣть возможность получить мѣсто, и велѣлъ зайти къ нему за полученіемъ рекомендательнаго письма къ Повало-Швейковскому, которому нуженъ приказчикъ. Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, я явился въ гостиницу «Англія» къ Александру Владимировичу Повало-Швейковскому съ письмомъ отъ Мейна.

— Вы отъ Мейна, понимаете ли вы что-нибудь въ постройкахъ, кто вы такой?—быстро задавалъ онъ вопросы, не ожидая отвѣтовъ.— Я даю вамъ 25 рублей въ мѣсяцъ. 27 апрѣля вы уѣзжаете на мѣсто. Передъ отъѣздомъ зайдите и принесите паспортъ,—закончилъ онъ.

Такая рѣшительная и полная энергіи рѣчь на меня сильно подѣйствовала, и я согласился. Мнѣ очень тяжело было разставаться съ господами, тѣмъ болѣе, что Александръ Петровичъ чувствовалъ себя все хуже и хуже. Марья Александровна и Марья Петровна дали мнѣ на дорогу каждая по 10 рублей, и я уѣхалъ изъ Москвы на новое дѣло. Черезъ Рязань и Ряжскъ сначала пріѣхалъ на станцію Яклемецъ, а потомъ на станцію Раненбургъ, гдѣ и занялся присмотромъ за возкою камня и за постройками. Скоро мнѣ увеличили жалованье, и я сталъ получать вмѣсто 25 уже 50 рублей.

5 сентября (1866 г.) открылось движеніе по Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ, и я при этомъ получилъ должность помощника начальника станціи Раненбургъ.

Повало-Швейковскій предложилъ переѣхать на работы въ Кіевъ. Въ Раненбургѣ я просто умиралъ отъ скуки. Поэтому я очень обрадовался предложенію и, несмотря на то, что мнѣ обѣщали

прибавку, немедленно сдалъ должность и укатилъ въ Москву. Здѣсь я женился на портнихѣ Авдотьѣ Платоновнѣ. Черезъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ Кіевъ и оттуда на ст. Бобрикъ, гдѣ скоро сталъ получать жалованья тысячу рублей въ годъ.

По дѣламъ мнѣ часто приходилось ѣздить въ Кіевъ. Мнѣ очень нравился Днѣпръ, и я написалъ слѣдующіе стихи:

Я любовался изъ окна
Доселѣ яростнымъ Днѣпромъ.
Теперь покрытъ онъ тонкимъ льдомъ
И не шумитъ его волна.
Онъ представляетъ чудный видъ,
Блистая чистымъ серебромъ.
Онъ такъ понятно говоритъ
О той могучей силѣ силъ,
Передъ которой буйный Днѣпръ
Въ оковахъ ледяныхъ окрѣпъ
И свой порывъ остановилъ.

Морозы славные и преждевременные. Хохлы говорятъ, что такіе жестокіе морозы нарочно устроили кацапы съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе было перевозить матеріалы для постройки.

Въ декабрѣ 1867 г. узнали о смерти митрополита Филарета. Онъ былъ уменъ до прозорливости, религіозенъ до святости.

Наступаютъ праздники Рождества Христова, а мы сидимъ въ глуши близъ строящейся станціи Бобрикъ. Въ утѣшеніе хохлы стали приносить подарки. Одинъ принесъ куропатокъ, другой два кувшина молока и домашнихъ колбасъ. За это я предложилъ имъ денегъ. Не взяли, водку же выпили съ удовольствіемъ.

6 января 1868 г. былъ въ Кіевѣ и присутствовалъ при освященіи воды. Когда при колокольномъ звонѣ показалась съ Крещатика процессія съ хоругвями, толпа тысячъ въ 50 бросилась къ Днѣпру. Во время толкотни и давки нѣсколько человѣкъ любопытныхъ евреевъ были сброшены въ воду. Толпа смѣялась и шутила, что это новообращенные. Въ процессіи принимали участіе кіевскіе цеховые верхомъ на лошадяхъ, со значками въ видѣ флаговъ.

Въ Кіевѣ вообще много особенныхъ обычаевъ. Обыкновенно въ 12 часовъ дня пускается изъ крѣпости ракета. Однажды кіевляне были поражены, не услышавъ выстрѣла ракеты. Весь городъ взволновался. Стали разузнавать и наводить справки, почему ракета пущена не была. Когда узнали, что губернаторъ не утвердилъ расхода на содержаніе прислуги, пускавшей ракеты, немедленно принялись хлопотать, пока не добились-таки опять хлопанья ракетъ.

Похороны тамъ бываютъ особенно торжественны. Раздается звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ. Народъ собирается толпами.

Идутъ пѣвчіе и масса духовенства, несутъ хоругви и иконы. Когда пѣвчіе перестаютъ пѣть, музыка играетъ похоронный маршъ.

— Кого это такъ пышно хоронятъ?—спросилъ я.

— А богатую купчиху. У насъ всегда такъ хоронятъ.

Въ декабрѣ движеніе по новому желѣзнодорожному пути было открыто. Службѣ моей пришелъ конецъ, и я съ женой уѣхалъ въ Москву.

XVI.

Ростъ Москвы.—Козловъ. — Журналъ «Идея».—Смерть Повало-Швейковскаго.—Поѣздка въ Смоленскъ и Витебскъ. — Стихи. — Подряды. — Процессъ игумена Митрофанія.

Москва съ каждымъ годомъ украшается. Одно меня очень поразило: это обиліе красныхъ вывѣсокъ. Все кабаки и кабаки. Также появилось много банкирскихъ конторъ.

Посовѣтовавшись съ знакомыми, я выкопалъ свой старый проектъ объ учрежденіи артели домашней прислуги и снесъ его къ Гилярову-Платонову. Онъ по поводу этого проекта напечаталъ передовую статью. Сейчасъ же и другія газеты стали разбирать этотъ вопросъ, высказываясь и за и противъ.

Затѣмъ я понесъ проектъ Погодину. Внимательно выслушавъ меня, Погодинъ обѣщалъ возбудить по этому поводу вопросъ въ первомъ же засѣданіи городской думы.

Получилъ сразу два предложенія. Гиляровъ-Платоновъ заявилъ о желаніи взять меня на службу къ себѣ въ контору редакціи, а Повало-Швейковскій предложилъ съѣздить въ Козловъ для наведенія справокъ о цѣнахъ на строительный матеріалъ. Я избралъ послѣднее и поѣхалъ въ Козловъ. Тамъ я сошелся съ молодежью. По вечерамъ много говорили, спорили, и подъ конецъ рѣшили издавать еженедѣльный журналъ «Идея». Изданіе однако не состоялось, хотя я и написалъ для перваго номера слѣдующіе стихи:

Я изъ крестьянъ попалъ въ лакеи,
Скинувъ лапти и кафтанъ.
Надѣлъ въ шляпѣ и ливреѣ
За каретой, какъ болванъ.
Въ бѣломъ галстукѣ, жилетѣ,
Куда я не попадалъ!
Много шлялся я на свѣтѣ
И чего я не видалъ!
На балахъ былъ, на банкетахъ,
На семейныхъ вечерахъ,
У ученыхъ въ кабинетахъ,
На большихъ похоронахъ.
Много чуднаго тамъ слова
Приходилось слышать мнѣ,
Слова вольнаго, живого,

О родной все сторонѣ.
Много думалъ я въ свой вѣкъ,
Всякой всячины слыхалъ;
Но что я—тожъ человѣкъ
Только нынѣ я узналъ,
Прочитавши чудный, славный,
Знаменитый манифестъ,
Коимъ царь нашъ православный
Съ насъ свалилъ тяжелый крестъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ неожиданно получилъ депешу о смерти Повало-Швейковскаго, умершаго отъ апоплектическаго удара. Меня страшно поразила смерть этого молодого (35 лѣтъ), дѣятельнаго и энергичнаго человѣка. Работами сталъ завѣдывать Михайловскій, у котораго я и остался на службѣ.

Ѣздилъ въ Смоленскъ. Обратилъ вниманіе на стѣны, которыя разваливаются. Говорили, что всякій, кому только нуженъ кирпичъ,—беретъ себѣ безъ спроса. Впрочемъ, теперь, повидимому, обратили вниманіе на этотъ памятникъ старины,—начали реставрировать башню Веселуху.

Ѣздилъ въ Витебскъ. Городъ живописный. Тамъ я не встрѣтилъ ни одного русскаго,—все либо евреи, либо поляки.

Стихи по поводу манифеста 19 февраля и по поводу процесса Нечаева.

Манифестъ о всеобщей воинской повинности (1871 г.) вызвалъ много неудовольствія среди купечества и дворянства. Мнѣ захотѣлось высказать царю благодарность за всѣ его реформы, и я написалъ стихи, которые отпечаталъ въ типографіи Мамонтова, 3 марта, въ Москвѣ и послалъ ихъ министру двора. Вотъ они:

Девятнадцатаго февраля.

(Воспоминаніе бывшаго крѣпостного).

Я помню дѣтство: такъ свѣтло
Оно стоитъ передо мной;
Тогда привольно и тепло
Мнѣ было жить въ семьѣ родной.
Я помню вечеръ роковой,
Когда изъ милыхъ мнѣ полей
Перенесенъ я былъ судьбой
Въ Москву—въ толпу чужихъ людей;
Когда, разставшися съ кафтаномъ,
Я принялъ кличку: «человѣкъ»
И глупымъ сдѣлался болваномъ,
Моделью нравственныхъ калѣкъ.
Какимъ тяжелымъ привидѣньемъ
Стоятъ лѣтъ десять предо мной,
Въ какомъ бездѣйственномъ томленьи
Тѣ дни убиты были мной.
Я помню незабвенный годъ...

Какимъ онъ свѣтомъ освѣтилъ
Царемъ раскованный народъ
Отъ узъ, которыя носилъ.
О, какъ тогда мы ликовали,
Толпою окруживъ амвонъ,
Когда намъ волю объявили
Подъ праздничный, веселый звонъ.
Какъ я въ тотъ мигъ помолодѣлъ,
Забывъ печальны тридцать лѣтъ,
И какъ я пламенно хотѣлъ
Тогда бѣжать въ университетъ;
Но поздно было брать уроки,
Себя наукамъ посвящать,
Искоренять свои пороки
И дни младые возвращать.
Съ тѣхъ поръ я часто вспоминаю
То дѣтство, то тяжелы годы,
И тѣмъ лишь душу услаждаю,
Что я дождался дней свободы,
Что я свободнымъ кончу вѣкъ,
Благодаря царя-отца,
Познавши, что я человѣкъ,
Созданье мудраго Творца,
Творца, Котораго дерзаю
Я нынѣ пламенно молить
Благословить царя-державу
И дни его для насъ продлить,
И въ души подданныхъ вселить,
Чтобъ этотъ день благословенный
Умѣли въ памяти хранить
И чтить всегда благоговѣйно.

Отъ министра двора мною получено было объявленіе, что государю императору было благоугодно за мои стихи благодарить.

Живу пока въ Москвѣ. Въ окружномъ судѣ разбирается политическое дѣло о Нечаевѣ, Успенскомъ и прочихъ злодѣяхъ. Напрасно эти господа все валятъ на народъ. Эти не народные герои.

Въ теченіе 1872 и 1873 г. все время провелъ на работахъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и по окончаніи работъ, въ январѣ 1874 г., переѣхалъ въ Москву. Иванъ Самойловичъ Зибертъ выдалъ мнѣ обѣщанные проценты съ чистаго барыша въ размѣрѣ 3.750 рублей. Теперь ужъ я богатый человѣкъ. Всего у меня 6.000 рублей.

По порученію Зиберта строю для него дачу въ Сокольникахъ. Занялся также подрядами. Вмѣстѣ съ Урвачевымъ взялъ съ торговъ подрядъ на поставку 4230 штукъ стеколъ для строящагося храма Христа Спасителя. При заказѣ зеркальныхъ стеколъ въ Бельгіи Урвачевъ, переводя вершки на сантиметры, ошибся на $^1/_8$. Очень возможно, что онъ сдѣлалъ это съ умысломъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, избѣгнуть обрѣзковъ толстаго стекла и

съ другой—уменьшить вѣсъ груза, такъ какъ пошлину приходилось платить съ пуда. Такъ или иначе, но стекла оказались маломѣрными и не подходящими и поэтому комиссія отказала въ пріемкѣ ихъ. Здѣсь мнѣ пришлось убѣдиться, какіе большіе взяточники и смотрителя и десятники. Стекла всѣ были приняты.

Послѣдовалъ указъ о всеобщей воинской повинности. Купцы ропщутъ. Рекрутскія квитанціи поднялись до двѣнадцати тысячъ рублей.

Измѣненіе правилъ о кабакахъ уменьшило ихъ количество. Не думаю однако, чтобы это способствовало къ уменьшенію пьянства въ народѣ, который съ каждымъ днемъ все больше и больше пьянствуетъ и развратничаетъ и все меньше и меньше работаетъ. Лѣность неимовѣрная.

Въ окружномъ судѣ (1874 г.) идетъ скандальный процессъ объ игуменьѣ Митрофаніи, бравшей деньги съ разныхъ лицъ, которыя добивались полученія орденовъ или доступа къ высокопоставленнымъ лицамъ для проведенія дѣлъ. Открылось много изъ того, что такъ тщательно оберегали, чтобы не вышло изъ стѣнъ монастыря; но развѣ за этими стѣнами живутъ одни только святые?!

XVII.

Памятникъ женѣ Брюса.—Художникъ Яковлевъ.—Поѣздка въ деревню.—Расчетъ за поставку стеколъ въ храмъ Спасителя.—Похороны Погодина.—Ахтырка.—Консервный заводъ.—Объявленіе войны Турціи.—Наводненіе.—Поставка консервовъ.—Явленіе креста на льду.

Ѣздилъ съ женою къ знакомымъ на свадьбу въ село Гликово. Тамъ въ церкви стоитъ памятникъ женѣ знаменитаго Брюса. Въ глубокой нишѣ изъ чернаго мрамора того же мрамора гробница и надъ ней конусообразная доска, на которой стоятъ изъ бѣлаго мрамора бюстъ женщины и склонившійся воинъ въ кирасѣ.

Въ Борисоглѣбскѣ, куда ѣздилъ къ знакомому, встрѣтился съ художникомъ Яковлевымъ. Его картины: «Дѣлежъ добычи» и «Грабежъ на большой дорогѣ», были на вѣнской выставкѣ. Теперь онъ возвратился изъ киргизскихъ степей, куда ѣздилъ писать типы туземцевъ для заказанныхъ ему Солдатенковымъ картинъ «Братья разбойники» и «Цыгане». Онъ знаменитъ, но я смотрѣлъ на него какъ на человѣка ненормальнаго, потому что онъ носитъ китайскую косу. Удивительное время. Женщины-курсистки обрѣзываютъ себѣ косу, а мужчины отпускаютъ!

Лѣтомъ побывалъ въ своей родной деревнѣ. Въ Вичугѣ появились и фабрики и большіе каменные дома, которые выстроили бывшіе мои однодеревенцы. Да, много перемѣнъ. Нѣкоторые господа, вслѣдствіе своей лѣни и праздной жизни, обѣднѣли, а мужички, благодаря своей энергіи, наслаждаются теперь жизнью.

На могилахъ родителей поставилъ чугунный памятникъ. Послѣ панихиды пошелъ къ священнику. Грустная картина. И священникъ и жена его постоянно пьютъ. Послѣ этого какимъ же онъ можетъ быть наставителемъ народной нравственности? Осматривалъ лѣсъ и не узналъ. Вырубленъ почти весь. Крестьяне хотѣли его купить, но Глушкова запросила очень дорого. Теперь крестьяне отчаянно его рубятъ, не справляясь, чья это собственность.

По возвращеніи въ Москву обратился въ комиссію за полученіемъ денегъ за поставку стеколъ въ храмъ Спасителя. Мнѣ не хотѣли выдать деньги, находя, что въ стеклахъ есть пузырьки. Я отправился съ жалобой къ генералъ-губернатору князю Долгорукову, который приказалъ выдать деньги, три тысячи рублей. Когда я явился за полученіемъ денегъ, меня окружилъ, какъ саранча, цѣлый штатъ чиновниковъ и другихъ лицъ, начиная съ бухгалтера и кончая десятскими. На своемъ вѣку много мнѣ приходилось видѣть разнаго народа, но такихъ вымогателей я еще ни разу не встрѣчалъ.

Въ октябрѣ (1875 г.) лопнулъ Коммерческій банкъ, въ которомъ лежало на мое имя 1.700 р., принадлежащихъ Урвачеву, 300 р. Шушуевой и собственныхъ 300 руб. У Ивана Самойловича Зиберта на текущемъ счету было тысячъ 40.

8 декабря (1875 г.) были похороны М. П. Погодина. Гробъ, за которымъ шла громадная толпа народа, несли студенты. Его зналъ и любилъ народъ, потому что онъ понималъ нужды его и писалъ простымъ, яснымъ слогомъ.

Въ декабрѣ же былъ на похоронахъ моего благодѣтеля, опредѣлившаго меня на службу, строителя желѣзныхъ дорогъ Хр. Хр. Мейна. Изъ произнесенной надъ гробомъ рѣчи узналъ, что его предокъ, голландецъ, открылъ островъ Гуфеландъ-Мейнъ. Покойный пришелъ въ Москву изъ Архангельска пѣшкомъ и сначала поступилъ въ межевую канцелярію, потомъ былъ управляющимъ имѣніемъ и наконецъ строителемъ дорогъ. Это былъ неутомимый труженикъ съ громадною энергіей.

По порученію Ивана Самойловича Зиберта поѣхалъ вдоль проектированной линіи Сумы и Конотопъ. Проѣзжая Ахтырку (Харьков. губ.), слышалъ слѣдующій разсказъ. Одинъ помѣщикъ былъ сосланъ Анной Іоанновной въ Сибирь, имѣнія же его были отобраны въ казну. Жена его только и думала о печальной участи своихъ дочерей и непрестанно молилась. Однажды она увидѣла во снѣ Богородицу, которая велѣла ей не печалиться больше о своихъ дѣтяхъ и всѣ оставшіяся у нея деньги отдать на поддержаніе ахтырской церкви. Помѣщица сейчасъ же призвала священника, отдала ему деньги и въ тотъ же день вечеромъ умерла. Въ это время вступила на престолъ Екатерина II, которая велѣла многихъ возвратить изъ ссылки и въ томъ числѣ и мужа покой-

ной. Когда императрица узнала, что и мужъ и жена умерли, она велѣла доставить въ Петербургъ двухъ сиротъ, обласкала ихъ, воспитала и потомъ выдала замужъ одну за графа Панина, а другую за графа Чернышева. Впослѣдствіи одна изъ нихъ построила въ Ахтыркѣ новый храмъ, а другая пожертвовала въ него много драгоцѣнной утвари.

Въ сентябрѣ купилъ за пять тысячъ рублей около Рязани дубовую рощу и отправился туда. Первые же дубы, которые свалили, оказались въ срединѣ гнилыми. Едва ли выручу свои деньги.

Въ это время получилъ письмо отъ И. С. Зиберта, въ которомъ онъ сообщалъ, что вмѣстѣ съ Данилевскимъ, Сеченомъ, Киттарой и другими взялъ подрядъ на поставку консервовъ, бульона и сухого мяса для арміи и приглашалъ на службу на устраиваемый заводъ. Сейчасъ же рощу по описи передалъ знакомому и уѣхалъ въ Москву.

Компаніей пріобрѣтена была въ Самарѣ мельница, которую необходимо было передѣлать въ консервный заводъ. По контракту нужно было доставить къ 1 апрѣля 1877 г. 135 тысячъ пудовъ консервовъ.

Въ октябрѣ я былъ уже въ Самарѣ, а 18 начались передѣлки на мельницѣ Цвѣтова. Торопились, спѣшили, а дѣло шло не совсѣмъ удачно. Больше 30—40 пудовъ въ сутки не могли высушить. Устраивали всякаго рода приспособленія и добились того, что 19 декабря нашъ заводъ сгорѣлъ. Причиною пожара была деревянная труба въ аршинъ шириною, въ которую была проведена желѣзная труба изъ печи. Отъ вылетѣвшей ли искры, или отъ накалившагося желѣза высохшая труба вспыхнула, какъ порохъ. Висѣвшая на трубѣ керосиновая лампа лопнула, и горящій керосинъ разлился по полу. Хотя у насъ была пожарная машина и въ бакѣ было 150 ведеръ воды, но воспользоваться машиной не пришлось, такъ какъ обезумѣвшая отъ испуга толпа рабочихъ, разбѣгаясь, порвала пожарный рукавъ. Спасти заводъ не было никакой возможности. Я это быстро сообразилъ и вмѣстѣ съ генераломъ Глушковымъ занялся спасаніемъ кладовой, въ которой было 40 тысячъ пудовъ свѣжаго мороженнаго мяса. Бабы носили кирпичъ, а мужчины быстро закладывали имъ двери кладовой, окна были заложены листовымъ желѣзомъ. Изъ завода успѣли выкатить лишь нѣсколько десятковъ бочекъ съ саломъ, и удалось спасти локомобиль.

Подвозъ мяса былъ остановленъ. Алабинъ, ставившій мясо, потребовалъ отступного 28 тысячъ рублей, но потомъ согласился на 16 тысячъ, такъ какъ придрались къ неисполненію имъ контракта, по которому онъ долженъ былъ доставлять мясо въ тушахъ, а не разрубленное, какъ онъ доставлялъ. Сеченъ тотчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ отсрочкѣ.

15 января 1877 г. по возвращеніи Сечена изъ Петербурга было приступлено къ устройству новаго завода. 11 марта заводъ уже дѣйствовалъ. Работа шла быстро. Съ одной только, устроенной мною и поэтому названной Бобковской, сушильни получалось сухого мяса 200 пудовъ въ сутки. 23 марта готова была вся партія мяса. Стали варить бульонъ. Заказъ вскорѣ былъ оконченъ. За работу съ наградой я получилъ 1500 рублей.

26 марта двинулся ледъ и по Самаркѣ и по Волгѣ. Вода залила весь берегъ, затопила заводъ, и волны стали подходить къ самому дому, въ которомъ я жилъ съ женой.

14 апрѣля узналъ, что объявлена война Турціи. Идутъ цѣлые обозы съ новобранцами и провожающими ихъ семьями. Господи, какъ много пьяныхъ!

12 мая. Волга разливается все больше и больше. Домъ нашъ затопило на $1^1/_2$ аршина. Нижній этажъ и кухня залиты водой. Лодка пристаетъ прямо ко второму этажу. Вечеромъ и ночью, когда волны съ шумомъ разбивались о стѣны и домъ весь шатался, было очень жутко. 17 мая сдалъ заводъ Плѣшакову, сѣлъ съ жёною въ подъѣхавшую къ дому лодку и пересѣлъ на пароходъ, на которомъ доѣхалъ до Нижняго-Новгорода и оттуда отправился по желѣзной дорогѣ въ Москву.

Та же компанія, состоящая изъ Сечена, Зиберта, Данилевскаго и Киттары, получила подрядъ на поставку для военнаго министерства консервовъ бульона, щей и гороховой и картофельной похлебки. Меня взяли и назначили мнѣ жалованья 150 рублей въ мѣсяцъ. 15 іюня заводъ началъ дѣйствовать и къ 20 августа мною сдано было уже много консервовъ. Только желѣзные цилиндры, вмѣщавшіе въ себѣ пять пудовъ, были очень плохи и поэтому даже при самомъ осторожномъ обращеніи съ ними промывались. Къ октябрю военное министерство измѣнило укупорку. Порціи стали раскладываться въ мѣшечки, которые клались въ цилиндры. Черезъ нѣсколько времени опять послѣдовала перемѣна и консервы стали класть въ жестяныя коробки 10, 5 и 1 фун. Коробки эти ставились въ деревянные ящики.

Съ 15 ноября наша улица запружена ежедневно и ѣдущимъ и идущимъ народомъ, направляющимся во дворъ Бахрушинской богадѣльни. Всѣ желали взглянуть на прудъ, на которомъ на льду образовался крестъ болѣе темнаго, чѣмъ остальной ледъ, цвѣта. Служатъ молебны и берутъ воду изъ пруда. Разсказываютъ объ исцѣленіяхъ. Ходилъ смотрѣть и я. Форма креста ясно очерчена. По моему мнѣнію, очень возможно, что маляръ, вымывая кисть, сдѣлалъ знакъ креста на льду.

Долго все шли у насъ невеселыя вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій, и наконецъ 29 ноября было получено извѣстіе о взятіи Плевны. Была иллюминація. Москва ликовала. У знакомыхъ встрѣ-

тился съ однимъ старикомъ. «Чему радуются,—говорилъ онъ.—Я помню 12-й годъ. Какъ тогда радовались, изгнавъ изъ Россіи непріятеля. А сколько послѣ этого было еще войнъ. Всегда потомъ радовались. А что толку отъ этихъ радостей. У насъ все бѣдность кругомъ...»

XVIII.

Либава.—Латыши.—В. К. Меккъ.—Крушеніе поѣзда.—Вильна.—Жизнь въ Либавѣ.—Поѣздка въ Шлиссельбургъ и Новую ладогу.—Либавскій портъ.

Получилъ отъ Зиберта наградныя по прежнему заводу 1.000 руб. и по московскому 1.500 руб. Согласился на предложеніе ѣхать въ Либаву на дополнительныя работы по Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ. 18 января пріѣхалъ въ Либаву. На вокзалѣ всѣ нѣмцы, въ гостиницѣ — латыши. Утромъ я былъ уже на берегу моря. Въ первый разъ я видѣлъ такое безконечное водное пространство и почувствовалъ себя ничтожнѣйшимъ созданіемъ. По берегу ходили гуляющіе и выбирали изъ выброшенной моремъ травы куски янтаря. Либава городъ очень чистый. На окнахъ вездѣ цвѣты и чистенькія занавѣси. Почти изъ каждаго дома несутся звуки рояля. Мнѣ передали, что названіе города Либава произошло отъ латышскаго слова либа, что значитъ липа. Издавна здѣсь существуетъ обычай, по которому новобрачные должны посадить два дерева рядомъ. По преимуществу сажаютъ липы. У кого имѣется собственная земля, сажаютъ на своей, у кого нѣтъ,—за каналомъ. Теперь тамъ цѣлая роща изъ парныхъ деревьевъ. Да, куда не занесетъ человѣка судьба. Въ прошломъ году я былъ среди киргизовъ, а теперь среди латышей. Это здоровый, работящій народъ. Одежда у нихъ собственнаго издѣлія, пиджакъ, брюки и фуражка сѣрыя, изъ домашняго сукна. Сбруя на лошадяхъ тоже самодѣльная. Ѣдятъ много рыбы, молока и масла и пьютъ рѣшительно всѣ, но пьяныхъ не видѣлъ ни разу. Мой участокъ работъ простирается до гор. Шавель на протяженіи 150 верстъ. Обращаться съ рабочими мнѣ очень трудно, потому что они состоятъ изъ поляковъ, жмудиновъ и латышей, не понимающихъ по-русски.

Скоро я въ Либавѣ со многими перезнакомился. Разговоры шли преимущественно о Санъ-Стефанскомъ договорѣ, о Бисмаркѣ и о возможности войны съ Англіей. Шли пожертвованія на устройство добровольнаго флота (1878 г.).

Въ маѣ хоронили моряка, капитана Пинкъ, который взялся поднять изъ воды затонувшій пароходъ при помощи нитроглицерина. Произошелъ преждевременный взрывъ. Пинкъ былъ выброшенъ изъ воды обезображеннымъ трупомъ.

Зимою пріѣзжалъ архіепископъ Филаретъ. Прихожане единственной маленькой церкви устроили ему обѣдъ, на который приглашенъ былъ городской голова Чиврихъ и еще нѣсколько нѣмцевъ. Преосвященный въ своей рѣчи между прочимъ сказалъ, что если не религіозное, то гражданское чувство должно сближать русскихъ съ нѣмцами, въ виду общности интересовъ торговыхъ и по охраненію границъ и что поэтому благоденствіе Россіи должно быть одинаково дорого для всѣхъ подданныхъ, какъ православныхъ, такъ и протестантовъ. Нѣмцамъ преосвященный очень понравился, они подошли послѣ обѣда подъ его благословеніе и пригласили на обѣдъ, который въ честь его устроили въ ратушѣ. Я очень жалѣлъ, что не могъ быть на этомъ обѣдѣ, потому что былъ вызванъ на линію на работы.

Въ январѣ (1879 г.) ѣздилъ съ евреемъ смотрѣть заготовленный лѣсъ. Проѣзжая озеромъ, мы провалились. Мы едва успѣли выскочить изъ саней. Провалившіяся до самой шеи лошади стояли въ водѣ до тѣхъ поръ, пока не подъѣхали на подводахъ латыши, которые и вытащили ихъ. Обсушиваться и отогрѣваться я отправился къ латышу, арендатору лѣсныхъ луговъ. Большая его изба раздѣлялась на двѣ части. Устройство кухни необыкновенное. Она состоитъ изъ четырехъ каменныхъ стѣнъ, постепенно суживающихся и кончающихся отверстіемъ шириною обыкновенной трубы. Въ этой трубѣ нѣсколько желѣзныхъ палокъ для копченія ветчины, гусей и рыбы. Полъ тоже каменный. Такая кухня у всѣхъ латышей. Бѣдные дѣлаютъ стѣны изъ прутьевъ плетеныя и обмазываютъ ихъ глиною. Тяга въ кухняхъ очень большая и поэтому тамъ всегда холодно.

Въ февралѣ пріѣзжалъ осматривать работы по линіи В. К. Меккъ. На 234 верстѣ въ одномъ изъ вагоновъ лопнулъ бандажъ. Поѣздъ едва успѣли остановить всего за три сажени до моста. Если бы не удалось остановить, поѣздъ свалился бы съ моста. Пріѣхавъ въ Либаву, Меккъ заказалъ обѣдъ и послалъ за оркестромъ Нордмана. Когда ему сказали, что оркестръ Нордмана не можетъ явиться, такъ какъ играетъ въ городскомъ театрѣ, Меккъ велѣлъ объявить Нордману, что онъ предлагаетъ ему 300 рублей и ужинъ съ шампанскимъ и что, если онъ не явится немедленно, больше никогда приглашать его не будетъ. Черезъ полчаса Нордманъ явился со всѣмъ оркестромъ, а театръ, въ которомъ шла оперетка, остался безъ музыки.

Въ мартѣ С. С. Зибертъ вызвалъ меня телеграммой въ Москву. Я немедленно явился и узналъ, что мнѣ предлагается быть довѣреннымъ по постройкѣ таможенныхъ зданій въ Либавѣ съ жалованьемъ по 200 руб. въ мѣсяцъ и съ добавленіемъ 15% съ чистаго барыша. Я, разумѣется, согласился и хотѣлъ уѣхать обратно въ Либаву 28 марта, но потомъ рѣшилъ еще разъ зайти къ Зи-

берту, утромъ въ четвергъ. Когда я 29-го пріѣхалъ на Смоленскій вокзалъ, узналъ, что пассажирскій поѣздъ, на которомъ я хотѣлъ было ѣхать, потерпѣлъ крушеніе. Разбито было 9 вагоновъ и убито около 70 пассажировъ. Не захотѣлъ Господь моей гибели. Утромъ, около 5 часовъ, поѣздъ подошелъ къ мѣсту катастрофы близъ станціи Пѣтушково. Полотно дороги на этомъ мѣстѣ было высотою не больше сажени и путь былъ прямой. Въ потерпѣвшемъ крушеніе поѣздѣ отбиты были буфера и вагоны лежали на откосѣ. Отъ одного изъ вагоновъ 3 класса остался лишь одинъ полъ, который былъ весь въ крови. Путь былъ изломанъ, 4 рельса согнуты, шпалы расщеплены. Пассажиры нашего поѣзда сошли посмотрѣть на мѣсто крушенія. Многіе взяли съ собою щепы отъ шпалъ, находя, что шпалы гнилыя. На первой станціи кто-то изъ пассажировъ написалъ въ жалобной книгѣ заявленіе о гнилости шпалъ, и многіе подписались. Я не подписался, потому что, по моему мнѣнію, на прямомъ пути костыли продолжали бы держаться въ шпалахъ, если бы даже онѣ и были гнилыя. Я вѣрилъ объясненію, что въ одномъ изъ вагоновъ лопнулъ бандажъ, онъ сошелъ съ рельсовъ и сталъ поперекъ пути.

Въ Либавѣ мы и работали и развлекались. Ольга Христофоровна Ададурова устроила любительскій спектакль въ пользу бѣдныхъ учениковъ и выручила чистыхъ рублей 200.

Въ августѣ ѣздилъ по дѣламъ въ Вильну. Проѣзжая чрезъ Остробрамскія ворота, надъ которыми помѣщается часовня съ чудотворною иконою Божіей Матери, я невольно вспомнилъ Москву и Иверскія ворота. Въ Вильнѣ мнѣ разсказали о случаѣ, какъ одинъ помѣщикъ сдѣлалъ пожертвованіе для иконы дорогой французскій коверъ, ожерелье и проч. Черезъ нѣсколько времени помѣщикъ пріѣхалъ опять и около иконы не нашелъ ни ковра, ни ожерелья. Для разъясненій онъ поѣхалъ къ ксендзу. Каково же было его удивленіе, когда онъ свое ожерелье увидѣлъ на шеѣ хорошенькой племянницы ксендза и коверъ на полу въ его квартирѣ.

21 ноября было получено извѣстіе о взрывѣ вагона императорскаго поѣзда. Всѣ были возмущены и не только русскіе, но и нѣмцы. По поводу избѣжанія государемъ опасности служили молебны и устраивали иллюминаціи.

Въ декабрѣ за работы по желѣзной дорогѣ получилъ отъ Зиберта 5 тысячъ рублей.

На праздникахъ заѣзжалъ съ визитомъ къ отставному майору Михайловскому. Онъ ставилъ горшокъ со щами въ печь. Получая 33 рубля въ мѣсяцъ пенсіи, онъ вынужденъ былъ самъ и стряпать, и стирать, и шить себѣ бѣлье...

Въ Либавѣ мы веселились по-своему. Какъ-то на пирушкѣ у Кузьмина былъ въ числѣ гостей авторъ пьесъ «Иванъ Ключникъ» и «Блуждающіе огни» Л. Н. Антроповъ съ женою. Онъ пѣлъ

много куплетовъ собственнаго сочиненія подъ аккомпаниментъ жены на роялѣ. Между прочимъ онъ пѣлъ:

Посѣщеніе министра
Совершилось очень быстро;
И на станціи Либавѣ
Много сильно захворали.
Всѣхъ ругалъ онъ понемногу;
А за что, извѣстно Богу.
А строителей по порту
Отослалъ всѣхъ прямо къ чорту.

Затѣмъ мы пропѣли вирши на начальство, припѣвая послѣ каждой строчки: «ходи браво, ходи смѣло, лучше будетъ дѣло».

Вотъ часть этихъ стиховъ:

Предсѣдатель нашъ фонъ-Меккъ
Превосходный человѣкъ.
Нашъ начальникъ Балкашинъ
Не любитель кислыхъ щецъ.
А начальникъ нашъ Пановъ
Вѣчно занятъ, вѣчно новъ.
Участковый же Евграфъ
У него крутъ очень нравъ.
Ададуровъ Михаилъ
Отродясь вина не пилъ.
А начальникъ мастерскихъ,
Своимъ нравомъ очень тихъ.
Училища смотритель
Настоящій сочинитель и т. д.

6 февраля (1880 г.) получено было извѣстіе о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Слава Богу, все обошлось благополучно. Неужели же не могутъ открыть этихъ злодѣевъ...

Въ маѣ мѣсяцѣ, по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, я задумалъ тоже устроить праздникъ. Сдѣлавъ изъ картона щитъ, я окрасилъ его въ голубой цвѣтъ и нарисовалъ на немъ лавровый вѣнокъ, внутри котораго помѣстилъ портретъ Пушкина. Кругомъ щита изображены были корешки переплета книгъ с ѣнадписями на нихъ важнѣйшихъ его произведеній. Щитъ приставленъ былъ къ стѣнѣ, обитой краснымъ кумачомъ и украшенной зеленью. Открытіе памятника назначено было на 28 мая, а я пригласилъ гостей на 25 мая. Мною произнесена была рѣчь о значеніи Пушкина и о томъ, какъ онъ любилъ Россію и все русское, при чемъ мною прочитано было нѣсколько его произведеній.

Въ декабрѣ записался въ купцы I гильдіи. 31 декабря у Черенцовыхъ весело встрѣчали новый годъ. При первомъ ударѣ двѣнадцати часовъ одна изъ дѣвицъ оторвала заглавный листокъ на стѣнномъ календарѣ, я сталъ бить молоткомъ въ мѣдный подносъ

и затѣмъ съ бокалами шампанскаго въ рукахъ всѣ хоромъ пропѣли «Боже царя храни». Пѣли русскія пѣсни и плясали камаринскую.

6 января (1881 г.) утромъ было торжественное освященіе воды съ музыкой при 15° мороза. Вечеромъ былъ въ концертѣ, откуда поѣхалъ съ женой къ Коржевымъ. Я подсѣлъ было къ играющимъ въ карты, какъ вдругъ Н. В. заиграла на роялѣ и запѣла русскую пѣсню. Я сейчасъ же пошелъ въ гостиную слушать, подошелъ къ окну и залюбовался ландшафтомъ. Тянется длинная лента желѣзнодорожнаго пути, пропадающая вдали, мелькаютъ огни, чернѣютъ вагоны; кругомъ все снѣгъ и снѣгъ, на которомъ, какъ черныя пятна, кое-гдѣ разбросаны курляндскія хаты; за ними деревья съ бѣлыми отъ нависшаго на нихъ снѣга вѣтвями. Вся долина залита яркимъ свѣтомъ луны. Вотъ набѣжали облака и все покрылось матовымъ свѣтомъ. Понемногу онъ сталъ свѣтлѣть, зарябили волны разныхъ тѣней, и вся мѣстность какъ бы задвигалась, зашевелилась. Опять выплыла луна, и на темноголубомъ небѣ заблистали звѣзды. Н. В. въ это время пѣла:

Ночь темна. На небѣ тучи.
Бѣлый снѣгъ кругомъ и т. д.

И отъ созерцанія природы и отъ пѣнія я пришелъ въ какое-то блаженное состояніе. Думаю, что самый жестокій прозаикъ и тотъ пришелъ бы въ восторгъ. Меня приковывала къ себѣ чудная картина природы и тянуло къ роялю. Мнѣ хотѣлось любоваться молодымъ лицомъ пѣвицы, стройнымъ ея станомъ, всей ея фигурой, полной молодости жизни, желаній... Я какъ бы помолодѣлъ. Мнѣ хотѣлось жить, жить безъ конца, съ любовью ко всему прекрасному, захотѣлось подняться въ небесную высь, «сорвать вѣнецъ съ звѣзды восточной» и увѣнчать ее, воодушевившую меня своимъ пѣніемъ, хотѣлось броситься въ объятія природы и той, которая живетъ и дышитъ жизнью молодой.

Вотъ какія впечатлѣнья
Производятъ зимни ночи,
И какія вдохновенья
Навѣваютъ ясны очи...

Январь мѣсяцъ былъ тяжелымъ мѣсяцемъ для русской литературы. Умеръ писатель Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Я встрѣчался съ нимъ у Кублицкаго и Андреева, у котораго онъ читалъ иногда свои произведенія. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Писемскаго въ 1876 г. въ театрѣ на первомъ представленіи его пьесы «Просвѣщенное время». Пьеса принята была довольно сочувственно, и Писемскій былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Его поздравляли. Онъ кланялся и говорилъ: «нехорошо, но правдиво».

28 января умеръ Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ издатель и редакторъ журнала «Развлеченіе». Умеръ и Ѳ. М. Достоевскій, правдивый писатель, мученикъ идеи.

Посылалъ статьи и въ «Новое Время» и въ нѣмецкую газету. Понять не могу, почему это газеты никогда не помѣщаютъ такихъ простыхъ статей, какъ мои.

2 марта, во второмъ часу ночи, не успѣлъ я затворить дверей за ушедшими гостями, какъ послышался звонокъ. Явился блѣдный Чернцовъ и сообщилъ о смерти государя императора Александра II. Заплакали оба. На другой день узнали о мученической его кончинѣ. О, Господи, что это за темная сила! Какое названіе дать этимъ извергамъ... Безъ слезъ мы не могли читать о послѣднихъ минутахъ жизни государя. И послѣднее его дѣяніе было состраданіе и человѣколюбіе,—онъ шелъ оказать помощь раненому... Городъ погрузился въ трауръ, лавки закрыты, на улицахъ тихо. Общее уныніе. Принимали присягу. Молились. Собирали на вѣнокъ Царю-Освободителю. Москва приглашаетъ государя переселиться изъ Петербурга въ Москву. О, какъ было бы это хорошо. Я всегда желалъ этого. Кто знаетъ, можетъ быть, Россія зажила бы новою жизью. На смерть государя написалъ стихи и послалъ въ «Новое Время». Знаю напередъ, что не напечатаютъ, но я удовлетворилъ свою душу, исполнилъ свой долгъ. Если и не напечатаютъ, все-таки хоть редакція, да будетъ знать, что чувствуютъ бывшіе крѣпостные и какъ чтутъ память Царя-Освободителя. Что такое я? Маленькая спица. А между тѣмъ мнѣ царь сдѣлалъ все. Онъ переродилъ меня. Я былъ рабъ, а теперь свободный гражданинъ. Какое счастье для человѣка свобода. А свободой мы обязаны ему, доброму государю, такъ безчеловѣчно убитому. Всѣ эти дни мы разсуждали только о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры противъ этихъ злодѣевъ. Собираемъ деньги на памятникъ.

25 мая, по случаю окончанія работъ, пріѣзжала комиссія, осмотрѣла зданіе таможни, осталась довольна постройкой и выразила благодарность И. С. Зиберту. Въ октябрѣ по вызову Зиберта пріѣхалъ въ Петербургъ, разсказалъ ему о покупкѣ мною дома и попросилъ дать взаймы 3 тысячи рублей. Онъ далъ и послалъ меня въ Новоладожскій уѣздъ для осмотра мѣстности и собранія свѣдѣній о цѣнахъ на матеріалъ, необходимый при ремонтѣ Новоладожскаго канала. Черезъ два дня я уже ѣхалъ въ Шлиссельбургъ на пароходѣ. Я такъ долго жилъ среди нѣмцевъ, латышей и евреевъ, что мнѣ доставляло большое удовольствіе слушать русскую рѣчь, которая ни разу не перебивалась не роднымъ звукомъ. Въ Шлиссельбургѣ нанялъ лошадей и поѣхалъ дальше по плохой санной дорогѣ (снѣгъ съ пескомъ). На постоялыхъ дворахъ вездѣ встрѣчалъ пьяныхъ, шумѣвшихъ и игравшихъ на гармоніяхъ. 23 октября пріѣхалъ въ Новую Ладогу. Городъ плохой, грязный и неопрятный.

Осматривая городъ, подошелъ къ рѣкѣ Волхову и зашелъ въ трактиръ. Въ одной комнатѣ пьяные и оборванные рабочіе пьютъ водку и ругаются съ проститутками, въ другой еще хуже,—пьяные и мужчины и женщины валяются по полу. Разузнавъ о цѣнахъ, возвратился въ Шлиссельбургъ и сѣлъ на пароходъ, отходящій въ Петербургъ. Кругомъ фабрики. Отдѣльно стоитъ домъ. Я поинтересовался, что это за зданіе, и мнѣ разсказали, что это дворецъ временъ Павла I. Здѣсь, говорили мнѣ, было семь дворцовъ. Однажды, по неизвѣстной мѣстнымъ жителямъ причинѣ, Павелъ I приказалъ 6 дворцовъ снести и мѣста, на которыхъ они стояли, заровнять и запахать. Когда ему было доложено объ исполненіи приказа и добавлено, что седьмой стоитъ въ цѣлости, онъ изумился и сказалъ: «А я думалъ, что тамъ всего шесть. Если седьмой остался, пусть стоитъ. Приставить къ нему часового и вещи беречь». Съ тѣхъ поръ дворецъ стоитъ неприкосновенно, и въ немъ, по увѣренію крестьянъ, водятся черти.

Возвратившись въ Петербургъ, пошелъ въ театръ, въ балетъ. Публика молчаливая, въ получерномъ, лица блѣдныя, серьезныя, таинственныя. Такъ и смахиваютъ всѣ на соціалистовъ...

26 октября поѣхалъ поклониться праху царя-мученика въ Петропавловскую крѣпость. Я долго плакалъ на его могилѣ. Царь и въ крѣпости. Нѣтъ, это невозможно. Мы должны перенести его въ будущій храмъ. Его могила должна быть выдѣлена отъ гробницъ другихъ государей. Петръ и Екатерина были велики своими дѣлами, а онъ былъ великъ своею кротостью и милостью. Это былъ посланникъ Божій, вдохнувшій новую жизнь въ милліоны людей. Нѣтъ. Онъ не долженъ лежать

На островѣ тихомъ, за крѣпкой оградой,
Омытый волнами Невы.

Онъ долженъ покоиться въ храмѣ, созданномъ въ его память благодарнымъ и любящимъ народомъ.

И тутъ вокругъ святой могилы
Шумятъ не волны невскихъ водъ,
А движутся народны силы,
И русскій молится народъ...

Грустный возвратился въ Либаву. Попалъ на собраніе русскихъ жителей въ нѣмецкомъ клубѣ. Обсуждался вопросъ объ учрежденіи русскаго клуба. Нашли, что необходимо для этой цѣли собрать семь тысячъ. Въ подпискѣ принялъ участіе и я.

Все начальство порта вызвано въ Петербургъ. Вслѣдствіе жалобъ купцовъ, министерство недовольно тѣмъ, что каналъ (баръ) плохо очищается. Либавскій портъ заносится пескомъ такъ сильно, что если сегодня какое мѣсто будетъ углублено на два фута, завтра оно опять сравняется. Работамъ, кромѣ того, постоянно

мѣшаетъ вѣтеръ, дующій вдоль канала. Поэтому въ мѣсяцъ приходится работать не болѣе 8 дней. Объ устройствѣ мола только говорятъ. Правленіе Либаво-Роменской желѣзной дороги, на обязанности котораго лежитъ улучшеніе порта, относится къ этому дѣлу халатно, не ставитъ настоящаго агента и въ лицѣ главнаго инженера имѣетъ въ то же время и исполнителя работъ. Понятно поэтому, какъ идетъ дѣло.

12 февраля директоръ Либаво-Роменской желѣзной дороги вмѣстѣ съ французскими инженерами осматривалъ гавань. Кажется, пришли къ заключенію портъ не увеличивать. Слѣдовательно, всѣ работы пропали даромъ. Машины передаются купцамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они производили очистку порта на свои средства и подъ своимъ руководствомъ и наблюденіемъ. Поговариваютъ, что общество Либаво-Роменской желѣзной дороги беретъ ихъ себѣ, на свои надобности и что новое зданіе таможни будетъ строиться по ту сторону канала. Именно тамъ и слѣдовало строить зданіе таможни, потому что теперь подача вагоновъ къ зданію неудобна и для города и для дороги. У насъ все такъ. Конечно, все это происходитъ потому, что во всемъ имѣется въ виду лишь одна личная выгода, а не общественная польза, не интересы государства. Все дѣлается и потомъ передѣлывается, не достигая цѣли, ни общегосударственнаго блага.

Въ № 58 «Современныхъ Извѣстій» напечатали, наконецъ, мою корреспонденцію изъ Либавы о томъ, что прахъ государя долженъ покоиться въ новомъ храмѣ. Напечатали и стихи.

По порученію И. С. Зиберта переселяюсь на работы въ Оренбургъ.

Ф. Д. Бобковъ.